

SciPress.ru

Научно-издательский центр
ОТКРЫТОЕ ЗНАНИЕ
РИНЦ УДК ББК ГОСТ ISBN ISSN DOI SCOPUS COPYRIGHT

**Международный
научно-практический журнал**

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
АСПЕКТ**

**№06 (134)
Июнь 2026**

ISSN 2412-8953

9 772412 895000 >

<https://scipress.ru/philology/>

УДК 8

ББК 80/83

Ф 51

Филологический аспект: международный научно-практический журнал. Нижний Новгород: Научно-издательский центр «Открытое знание», 2026. №06 (134). 238 с.

В международный научно-практический журнал «Филологический аспект» включены статьи по всем направлениям филологической науки научных сотрудников России и зарубежных стран. Журнал предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Все статьи, включенные в сборник, прошли рецензирование и представлены в авторской редакции. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Информация об опубликованных статьях предоставлена в систему Российского индекса научного цитирования – РИНЦ по договору № 358-05/2015.

Электронная версия номера находится в свободном доступе на сайте журнала <http://scipress.ru/philology/>

Данный сборник распространяется по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

УДК 8

ББК 80/83

© Научно-издательский центр
«Открытое знание», 2026

© Коллектив авторов, 2026

Главный редактор:

Плесканюк Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иноязычной профессиональной коммуникации, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, г. Н.Новгород, РФ.

Редакционный совет:

Александрова Ирина Викторовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, РФ

Акимова Эльвира Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Москва, РФ

Грачёв Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской филологии и общего языкознания, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, заведующий Лабораторией социопсихолингвистических исследований, член Гильдии лингвистов-экспертов по информационным и документационным спорам, г. Н. Новгород, РФ

Костецкий Виктор Валентинович – доктор философских наук, профессор кафедры общественных и гуманитарных наук, Санкт-Петербургская государственная консерватория им Н.А. Римского-Корсакова, г. Санкт-Петербург, РФ

Кудряшов Игорь Васильевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Арзамас, РФ

Мирзоева Лейла Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры языкового образования, университет им. Сулеймана Демиреля, г. Алматы, Республика Казахстан

Нагорный Игорь Анатольевич – доктор филологических наук, профессор, Институт иностранных языков Цзилиньского университета, г. Чанчунь, Китай

Николаенко Сергей Владимирович – доктор педагогических наук, доцент, декан филологического факультета, Витебский государственный университет имени П.М.Машерова, г. Витебс, Республика Беларусь

Пацюкова Ольга Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и культуры речи, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, г. Н.Новгород, РФ

Радбиль Тимур Бенъюминович – доктор филологических наук, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, профессор, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации НИУ ВШЭ, г. Н.Новгород, РФ

Сметанина Ольга Михайловна – доктор культурологии, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков и профессионального лингвообразования Нижегородского института управления, филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Н.Новгород, РФ

Соснин Алексей Владимирович – доктор филологических наук, доцент, профессор департамента литературы и межкультурной коммуникации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Н.Новгород, РФ

Редакционная коллегия:

Андреева Людмила Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, Гуманитарный институт североведения, Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск, РФ

Аймагамбетова Малика Муратовна – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой иностранной филологии и переводческого дела, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Безруков Андрей Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Башкирский государственный университет, Бирский филиал, г. Бирск Республика Башкортостан, РФ

Белова Екатерина Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков и лингводидактики, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, г. Н. Новгород, РФ

Воронцова Татьяна Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой восточных и европейских языков, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, РФ

Воропаев Николай Николаевич – кандидат филологических наук, научный сотрудник, отдел языков Восточной и Юго-Восточной Азии, Институт языкознания РАН, г. Москва, РФ

Дехтярева Елена Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии факультета славянской филологии и журналистики Таврическая академия, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, РФ

Жампейсова Жанар Муратбековна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, регионоведения и переводческого дела, Казахская головная архитектурно-строительная академия, г. Алматы, Казахстан

Коптелова Ирина Евгеньевна – кандидат философских наук, заведующий кафедрой английского языка факультета международных отношений и международного права, Дипломатическая академия МИД России, г. Москва, РФ

Маркова Татьяна Дамировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка и культуры речи, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, РФ

Новоградская-Морская Нинель Антоновна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики, г. Донецк, ДНР

Овчинникова Ольга Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Брянский филиал РАНХиГС, г. Брянск, РФ

Пепеляева Софья Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры культурологии ФАиД, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Н. Новгород, РФ

Петрова Инна Михайловна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры языкознания и переводоведения, Московский городской педагогический университет, Институт иностранных языков, г. Москва, РФ

Резунова Мария Владимировна – доцент, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, Брянский филиал РАНХиГС, г. Брянск, РФ

Сегал Наталья Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания, Крымский Федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, РФ

Сергиенко Елена Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики французского, испанского и итальянского языков, Нижегородский государственный лингвистический университет им Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, РФ

Солодовникова Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков факультета международных отношений, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

Твердохлеб Ольга Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и методики преподавания русского языка, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, РФ

Трофимова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Донецкий национальный университет, г. Донецк, ДНР

Чиронов Сергей Владимирович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой японского, корейского, индонезийского и монгольского языков, Московский государственный институт международных отношений МИД России, г. Москва, РФ

Шашкова Валентина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных и русского языков, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, г. Орел, РФ

Щербина Сергей Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации, Педагогический институт Тихоокеанского Государственного университета, г. Хабаровск, РФ

***Материалы печатаются с оригиналов, поданных в оргкомитет,
ответственность за достоверность информации несут авторы статей***

ОГЛАВЛЕНИЕ

Русский язык	8
Аветисян А.А., Ечкалова А.Д., Кнауб С.К. Функции англицизмов в корпоративной коммуникации российских компаний	8
Дай Сяхун Признаки грамматикализации предложного новообразования «с учетом»: исследование синтаксических и семантических сдвигов	19
Зурабова Ф.Б., Булгучева С.А. Сложноподчинённые предложения минимальной структуры с условными придаточными в русских пословицах.....	32
Языки народов Российской Федерации	39
Молданова И.М. Словообразовательные суффиксы имен существительных в среднеобском диалекте хантыйского языка: семантика и функционирование	39
Германские языки	49
Балашова А.Ю., Евграфова В.Р., Седакова К.В. Англоязычная терминология сферы городской мобильности: лингвокогнитивный и словообразовательный анализ терминов микромобильности и райдхейлинга.....	49
Балуян С.Р., Жолобова К.С. Сопоставительный анализ стратегий передачи авторских метафор в человеческом и машинном переводе	57
Губкина Д.А., Тетерятникова В.А., Федорова И. В., Анахина С.П. Имплицитность в заголовках и способы ее передачи при переводе	64
Дзахова В.Т., Хабиева А.А. Особенности интонации сложноподчиненных предложений в немецкой речи	71
Егоренко В.П. Фразеологические единицы как средство конструирования образа совершенства в англоязычной рекламе	78
Теппеева Д.Р. Идиоматика как способ репрезентации языковой картины мира (на материале англоязычной кинематографии 2020–2024 гг.).....	83
Чурюканова Е.О. Lexical Features of Pedagogical Discourse in English	92
Шаповалова А.А. Особенности перевода английских сказок (на материале сказок Б. Поттер).....	100
Шуняков Е.А. Словообразовательные модели окказионализмов, функционирующих в вымышленном мире компьютерной игры «Subnautica»	108
Теория языка	115
Александрова Э.В., Шкилев Р.Е. Особенности перевода юридических текстов с русского языка на английский язык	115
Дзахова В.Т., Тедеева Д.О. Языковые средства выражения эмоций в политическом дискурсе (на материале немецкого языка)	121
Макашин Д. Д. Визуальная аргументация как инструмент удержания внимания в научно-популярном лонгриде	126
Романов А.В., Каляева М.А. Библиейский лингвокультурный код как инструмент конструирования смысла в треке Канье Уэста „Praise God“»	134

Рыбка Т.А., Сергеева А.В., Исакбаева П.В. Лексические лакуны в англоязычной психологической терминологии XXI века: проблема перевода на русский язык ...	146
Семухина Е.А. Образ Франции сквозь призму метафоры в русском путевом очерке первой половины XIX века (на материале текстов А. Глаголева).....	154
Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание	159
Тетерятникова В.А., Можарова Ю.С., Губкина Д.А., Ивлева М.С. Риторический вопрос во внутренней речи персонажа: функции и переводческие решения (на материале романа Р. Сёрл «One Italian Summer»)	159
Прикладная и математическая лингвистика	166
Мухина М.В. Стратегии построения текста экологической социальной рекламы как средство повышения ее эффективности	166
Соколова М.Г., Булина Е.В. Речевые тактики реализации дискредитации с помощью сравнительных конструкций.....	178
Русская литература	188
Безруков А.Н. Венедикт Ерофеев об Иосифе Бродском.....	188
Безруков А.Н. Забытые имена русской литературы: Юрий Казаков	194
Безруков А.Н. Рецепция сказки Максима Горького «Девушка и Смерть»	200
Мальсагова А.А. Основные сюжеты нартских сказаний, записанных Чахом Ахриевым	208
Дугиева Х.И. Литературные реминисценции в рассказе В.О. Пелевина «Бубен Верхнего мира»	214
Литература народов Российской Федерации	220
Динисламова Л.И. Тема семьи в фольклорных сказках северных манси	220
Журналистика	230
Муха А.В., Учаев И.С. Современное состояние рынка бренд-медиа в России	230

РУССКИЙ ЯЗЫК

Дата публикации 07.06.2026

УДК 811.161.1

Аветисян А.А., Ечкалова А.Д., Кнауб С.К. Функции англицизмов в корпоративной коммуникации российских компаний

Научный руководитель Семёнкина Ирина Артуровна

кандидат психологических наук, доцент, Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации, г. Москва

SPIN-код: 3644-9283, AuthorID: 1016220

isemyonkina@mail.ru

Аветисян Арпи Ашотовна

студентка 2-го курса направления «Менеджмент», Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации, г. Москва

246271@edu.fa.ru

Ечкалова Алла Дмитриевна

студентка 2-го курса направления «Менеджмент», Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации, г. Москва

242278@edu.fa.ru

Кнауб Софья Константиновна

студентка 2-го курса направления «Менеджмент», Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации, г. Москва

246262@edu.fa.ru

The functions of anglicisms in corporate communication of Russian companies

Scientific Adviser Semenkina Irina Arturovna

PhD in Psychology, Associate Professor, Financial University under the Government of
the Russian Federation, Moscow

Avetisyan Arpi Ashotovna

second-year student, "Management", Financial University under the Government of
the Russian Federation, Moscow

Echkalova Alla Dmitrievna

second-year student, "Management", Financial University under the Government of
the Russian Federation, Moscow

Knaub Sofia Konstantinovna

second-year student, "Management", Financial University under the Government of the
Russian Federation, Moscow

Аннотация. В статье рассматриваются особенности употребления англицизмов в современной корпоративной коммуникации российских компаний. Анализируются причины распространения англоязычных заимствований, их основные функции, а также влияние корпоративного новояза на профессиональную среду. Особое внимание уделяется социокультурному аспекту употребления англицизмов, их адаптации в русском языке и восприятию сотрудниками различных поколений. В работе рассматриваются наиболее распространенные примеры корпоративного сленга и их роль в формировании корпоративной идентичности.

Ключевые слова: англицизмы; корпоративная коммуникация; корпоративный новояз; профессиональный жаргон; деловой язык; корпоративная культура; офисный сленг.

Abstract. The article examines the peculiarities of the use of Anglicisms in modern corporate communication of Russian companies. The reasons for the spread of English-language borrowings, their main functions, as well as the impact of corporate newspeak on the professional environment are analyzed. Special attention is paid to the socio-cultural aspect of the use of Anglicisms, their adaptation in the Russian language and the perception of employees of different generations. The paper examines the most common examples of corporate slang and their role in shaping corporate identity.

Keywords: English loan words; corporate communication; corporate newspeak; professional slang; business language; corporate culture; office slang.

Введение

Современная корпоративная коммуникация в России существенно меняется под влиянием процессов глобализации, цифровизации и интеграции российского бизнеса в международное экономическое пространство. Если в конце XX века англоязычные заимствования воспринимались преимущественно как элементы профессионального жаргона ограниченного круга специалистов, то в настоящее время англицизмы (English loan words) стали повседневной частью делового общения сотрудников компаний различных сфер деятельности. Как отмечают Ж. Багана и М.В. Тарасова в своей монографии, «английский язык, имеющий финансовую, политическую и военную поддержку со стороны США, практически получил статус интернационального языка, что повлекло за собой контактирование его почти со всеми языками земного шара» [1, с. 3]. Помимо этого, международные стандарты управления, цифровые технологии и современные бизнес-модели в большинстве случаев формируются именно в англоязычной среде. Как следствие, вместе с новыми экономическими и организационными практиками в русский язык активно проникает соответствующая терминология.

Как утверждает И.О. Захарова, англицизмы первоначально проникли в русский язык для обозначения понятий и явлений, которые ранее отсутствовали в российской экономической действительности [2]. Дальнейшая интеграция стала закономерным следствием развития новых форм хозяйственной деятельности. Исследователь

подчеркивает, что англоязычная бизнес-терминология выполняет адаптационную функцию, поскольку позволяет участникам экономических процессов быстрее ориентироваться в новых реалиях глобального рынка. На основе выводов И. О. Захаровой можно сделать заключение о том, что корпоративный новояз является не случайным языковым явлением, а отражением глубинных изменений в структуре современной деловой коммуникации.

В корпоративной среде российских компаний активно используются такие англицизмы, как «митинг», «колл», «апдейт», «дедлайн», «брифинг», «фидбек», «онбординг», «таск» и многие другие. Наряду с уже закрепившейся бизнес-лексикой в профессиональной коммуникации распространяются и более новые гибридные формы: «расшерить документ», «замэтчиться по задачам», «задеплоить обновление», «сделать фоллоу-ап», «митигировать риски», «чарджить клиента». В цифровой и медиасреде также активно используются слова «фича», «флоу», «фреймворк», «рерайт», «рейдж-бейт», «брейнрот», которые постепенно выходят за пределы узкопрофессионального употребления. Причём данные лексемы функционируют не только в международных корпорациях, но и в организациях, деятельность которых ориентирована преимущественно на внутренний рынок. Особенно интенсивно подобная лексика распространяется в IT-сфере, маркетинге, HR, менеджменте, финансовом секторе и цифровом бизнесе.

Следует отметить, что распространение англицизмов в корпоративной среде вызывает неоднозначную реакцию как среди исследователей языка, так и среди самих сотрудников компаний. Как подчёркивают В.М. Осипенко и Д.С. Шавырова, аналогичная двойственность характерна и для других профессиональных сфер: с одной стороны, англицизмы обеспечивают единообразие и стандартизацию в международной практике, с другой стороны, могут исказить понимание локальных процессов и угрожать сохранению родной терминологии [3]. В контексте корпоративной коммуникации к числу положительных аспектов также относят возможность ускорять деловое общение и компактно обозначать сложные профессиональные процессы. В то же время чрезмерное употребление корпоративного новояза способно создавать искусственный барьер между сотрудниками, затруднять понимание речи и формировать ощущение языковой отчужденности.

Актуальность исследования определяется необходимостью комплексного анализа функций англицизмов в корпоративной коммуникации российских

компаний, поскольку корпоративный лексика оказывает заметное влияние не только на профессиональную среду, но и на развитие современного русского языка в целом.

Цель исследования заключается в выявлении и анализе основных функций англицизмов в корпоративной коммуникации российских компаний.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи:

- определить особенности делового сленга как языкового явления;
- выявить причины распространения англицизмов в профессиональной среде;
- проанализировать функции англоязычных заимствований;
- рассмотреть примеры употребления англицизмов в корпоративной коммуникации;
- определить проблемы и ограничения чрезмерного использования корпоративного новояза.

Материалом исследования послужили тексты современных российских компаний, опубликованные на корпоративных сайтах, в блогах, социальных сетях и деловых форумах, а также статьи и отчёты по теме английской терминологии в бизнесе. В качестве источников привлекались как практические примеры речевых конструкций из профессиональной среды, так и публикации о явлении англоязычных заимствований.

Дополнительными материалами стали научные труды по современному деловому языку. В исследовании применялись методы лингвистического, семантического и сравнительного анализа, позволяющие установить причины и функции использования англицизмов в корпоративном дискурсе. Отметим, что работа носит преимущественно качественный характер: анализ проводится на основе наблюдения и интерпретации реальных текстовых примеров.

Результаты исследования

1. Корпоративная лексика как языковое явление.

Корпоративная речевая культура представляет собой особую систему профессиональной коммуникации, формирующуюся внутри деловой среды под влиянием международной корпоративной культуры, цифровых технологий и англоязычной профессиональной терминологии. Данная система включает англицизмы, аббревиатуры, гибридные словоформы, профессиональные сокращения, кальки и устойчивые речевые конструкции, используемые сотрудниками компаний в процессе делового общения.

Как показывает анализ языкового материала, корпоративный новояз развивается прежде всего в цифровой среде, поскольку именно рабочие чаты, корпоративные платформы, видеоконференции и системы управления проектами создают условия для быстрого распространения англоязычной лексики. Е.С. Гриценко и А.О. Лалетина в своём исследовании отмечают, что в переписке сотрудников российских офисов международных компаний регулярно используются гибридные англо-русские конструкции [4]. В качестве примеров авторы приводят выражения «заапрувить таймшит», «пофикшен баг», «с апрува дивижн лидов». Подобные конструкции представляют особый интерес с точки зрения языковой адаптации: английская основа сочетается с русскими словообразовательными элементами и грамматическими формами. Так, в выражении «заапрувить таймшит» английский глагол approve преобразуется с помощью русской приставки «за-» и глагольного суффикса «-ить», а существительное timesheet передаётся в русской транскрипции.

Наряду с гибридными конструкциями в корпоративной коммуникации активно используются англоязычные аббревиатуры. Наиболее распространёнными являются KPI (Key Performance Indicators), ASAP (As Soon As Possible), EOD (End Of Day), FYI (For Your Information). Подобные сокращения применяются как в письменной, так и в устной речи сотрудников и позволяют ускорять обмен информацией внутри компании. В ряде случаев аббревиатуры употребляются без перевода даже в русскоязычной коммуникации, что свидетельствует о высокой степени влияния англоязычной деловой среды.

Кроме того, в деловом сленге широко распространены кальки — это буквальные переводы англоязычных выражений. К ним можно отнести такие конструкции, как «взять звонок» (от to take a call), «поставить встречу» (to set a meeting), «закрыть задачу» (to close a task), «вернуться с ответом» (to come back with feedback). Несмотря на формальную русскоязычность, подобные выражения сохраняют особенности английской деловой коммуникации и постепенно закрепляются в профессиональной речи.

Подобные процессы свидетельствуют не только о проникновении англоязычной лексики в русский язык, но и о её активной грамматической и семантической адаптации. Как отмечает В. В. Ингул, современные англицизмы всё чаще интегрируются в систему русского словообразования и начинают функционировать по её внутренним законам [5]. Английские основы получают

русские суффиксы, окончания и приставки, что позволяет использовать их как полноценные элементы профессиональной речи.

Кроме того, деловой язык выполняет функцию формирования профессионального сообщества. Владение корпоративной лексикой становится своеобразным маркером принадлежности сотрудника к определённой профессиональной среде. Использование англицизмов и специализированных речевых конструкций позволяет демонстрировать профессиональную компетентность, включённость в корпоративную культуру и осведомлённость о современных форматах деловой коммуникации.

2. Причины распространения англицизмов в корпоративной среде.

Одной из ключевых причин распространения англицизмов является глобализация современной экономики. Российские компании взаимодействуют с зарубежными партнёрами, используют международные стандарты управления и внедряют бизнес-модели, сформированные в англоязычном пространстве. В результате английский язык становится универсальным инструментом профессионального общения.

Ф.Д. Кадыркулова, Д.Т. Югай и Э.Б. Койчуманова выделяют несколько основных факторов активного распространения англицизмов: глобализацию бизнеса, технологический прогресс, межкультурный обмен и стремление к коммуникативной эффективности [6]. Исследователи отмечают, что английский язык фактически выполняет функцию международного языка бизнеса, позволяя специалистам из разных стран использовать единый профессиональный понятийный аппарат.

Важную роль играет и развитие информационных технологий. Большинство цифровых платформ, программного обеспечения и систем управления проектами создаются англоязычными компаниями, поэтому профессиональная терминология первоначально формируется именно на английском языке. В деловой коммуникации активно используются такие слова, как «dashboard», «deadline», «task», «briefing», «brainstorm», «soft skills», «onboarding», зачастую без перевода на русский язык, поскольку именно в таком виде они закрепляются в профессиональной среде.

Существенное значение имеет и принцип языковой экономии. Как подчёркивает И. О. Захарова, англицизмы нередко заменяют более длинные описательные конструкции краткими и удобными для повседневного общения словами [2]. Например, слово «feedback» часто используется вместо выражения

«обратная связь», поскольку воспринимается сотрудниками как более компактное и привычное в рабочей коммуникации.

Кроме того, использование англоязычной лексики связано с имиджевой составляющей современной деловой культуры. Владение профессиональной англоязычной терминологией ассоциируется с высоким уровнем компетентности, международной ориентацией компании и принадлежностью к современной технологической среде.

Особое внимание в современной лингвистике уделяется социокультурному аспекту употребления англицизмов и их восприятию представителями разных поколений сотрудников. Для молодых специалистов, прежде всего представителей поколений Y и Z, англоязычная лексика является естественной частью профессиональной коммуникации. Выросшие в условиях цифровой среды и глобализированного информационного пространства, они воспринимают англицизмы как маркер современности, профессиональной мобильности и принадлежности к международной корпоративной культуре. В их речи активно используются термины из сфер технологий и бизнеса: «deadline», «brainstorm», «update», «bug», «onboarding». При этом многие англицизмы подвергаются грамматической адаптации и начинают функционировать по законам русского языка: «апрувить», «зафиксировать», «забрифовать».

Сотрудники старших поколений, напротив, нередко воспринимают активное использование англицизмов критически. Подобное отношение связано со стремлением сохранить традиционные нормы русского языка и избежать чрезмерного употребления иностранных слов в деловом общении. В ряде случаев англицизмы рассматриваются как избыточные заимствования, усложняющие коммуникацию между сотрудниками разных возрастных групп.

Как отмечает Е. И. Косенко, экономические англоязычные заимствования постепенно выходят за пределы специализированной профессиональной среды и становятся частью повседневного медиадискурса [7]. Это способствует их дальнейшему закреплению в корпоративной коммуникации и повышает уровень их языковой адаптации.

3. Основные функции англицизмов в корпоративной коммуникации.

Выделяются несколько функций заимствований в деловой речи:

3.1. Коммуникативная функция. Английские заимствования помогают экономить слова и время, делая коммуникацию более эффективной. В

корпоративных переписках и переговорах распространены короткие англоязычные конструкции, которые быстро передают профессионально значимую информацию. Например, выражения вроде «crunch time» (критический срок) или «give feedback» («дать фидбек») позволяют сотрудникам быстро понять суть задачи без длинных объяснений. Как и в других профессиональных сферах, использование англицизмов упрощает общение на специализированные темы, сокращает объем речевых конструкций и ускоряет передачу сведений (особенно важно в ситуациях высокой динамики).

3.2. Номинативная функция. Англоязычные заимствования обеспечивают наименование новых понятий и процессов, не имеющих точных русских эквивалентов. Например, термин «onboarding» обозначает адаптацию нового сотрудника к компании: в русском языке сложилась калька «онбординг», которая воспринята как самостоятельное понятие. Аналогично, «brainstorm» обозначает вид коллективного творческого обсуждения («мозговой штурм»), и калька «брейншторм» широко используется в бизнес-среде. Подобные термины фиксируют новые реалии корпоративного мира, заполняя лексические пробелы в языке организации.

3.3. Социально-идентификационная функция. Корпоративный жаргон выполняет роль маркера профессиональной и корпоративной идентичности. Сотрудники, свободно владеющие англоязычной терминологией, демонстрируют свою принадлежность к определённому сообществу, современному образу корпоративной культуры. Например, использование в речи таких конструкций, как «to loop in» («вовлечь в обсуждение») или «touch base» («быстро связаться»), сигнализирует о том, что говорящий хорошо интегрирован в международную деловую среду. Особенно ярко это проявляется в IT-компаниях и стартапах, где английская лексика становится частью профессиональной идентичности сотрудников.

3.4. Имиджевая функция. Англицизмы влияют на имидж компании и сотрудника, формируя образ современности и глобальности. Применение английских терминов (например, «CEO», «HR», «KPI», «growth hacking») в публичных документах и презентациях способствует восприятию организации как международно ориентированной и инновационной. В данном случае заимствования выступают не просто как речевой инструмент, но и как элемент корпоративного брендинга и PR, усиливая престиж компании на внешней арене.

3.5. Эвфемистическая функция. Часто англоязычные термины используются для смягчения негативно окрашенных управленческих понятий. Так, термин «downsizing» (сокращение штата) звучит менее негативно, чем русские «сокращение» или «урезание». Подобная языковая стратегия помогает руководству смягчить восприятие нежелательных нововведений, снизить эмоциональное напряжение в коммуникации. Таким образом, использование англицизмов может служить еще и стратегией речевой эвфемизации в корпоративной среде.

После описания функций приведем примеры употребления различных типов англоязычных заимствований, иллюстрирующие рассмотренные функции:

Таблица 1. Примеры англицизмов и гибридных конструкций в корпоративном общении

Пример	Тип	Функция	Примерный источник	Частота	Русский аналог
«заапрувить таймшит»	гибрид	номинативная (новый термин)	корпоративный чат, Slack	высокая	одобрить табель рабочего времени
«дать фидбек»	англицизм	коммуникативная эффективность	служебная переписка, собрание	высокая	дать обратную связь
«CEO»	аббревиатура	номинативная (должность)	отчёты, СМИ	высокая	генеральный директор
«KPI»	аббревиатура	нормативно-количественная	планирование, отчёты	высокая	ключевые показатели эффективности
«ASAP»	аббревиатура	срочность	электронная почта	средняя	как можно скорее
«мозговой штурм»	калька	номинативная (метод)	командные встречи, тренинги	высокая	коллективный поиск идей
«обратная связь»	калька	коммуникативная (диалог)	HR, менеджмент	высокая	отзыв, реакция
«WFH»	аббревиатура	информационная (режим работы)	корпоративные уведомления	средняя	«удалённо» (work from home)
«OOO»	аббревиатура	статус отсутствия	автоответ электронной почты	высокая	«вне офиса», «не на месте»

Пример	Тип	Функция	Примерный источник	Частота	Русский аналог
«бриф»	англицизм	номинативная (документ)	маркетинг, реклама	средняя	краткое задание, резюме проекта
«тайм-менеджмент»	англицизм	имиджевый, идеологический	тренинги по эффективности	высокая	управление временем
«стартап»	англицизм	номинативная (предприятие)	бизнес-презентации	высокая	новое предприятие

Обсуждение результатов

Проведённый анализ свидетельствует, что англоязычные заимствования в корпоративной коммуникации выполняют многообразные функции, выходящие за рамки простого именования новых понятий. Они ускоряют деловое общение и уточняют терминологию, одновременно формируя современный имидж компании и профессиональную идентичность сотрудников. При этом необходимо учитывать выводы ряда исследователей о том, что избыточное внедрение англицизмов может деформировать лексическую систему русского языка и ослаблять культурную самобытность носителей. Как отмечает В.В. Ингул, широкое распространение ненужных заимствований несет риски потери исторической глубины языка[5]. Следовательно, с одной стороны, англоязычные элементы придают деловой речи мобильность и современность, но с другой ставят задачу осознанного и сбалансированного их употребления. Дальнейшие исследования могли бы изучить влияние корпоративной лексики на формирование профессионального стиля речи и возможные стратегии адаптации заимствований на русском языке.

Заключение

Таким образом, исследование показало, что английские заимствования в корпоративной среде прежде всего выполняют коммуникативную и номинативную функции – они компактно именуют новые деловые понятия и облегчают передачу информации. Одновременно они служат маркером корпоративной идентичности и имиджевым инструментом, который позиционирует компанию в международном деловом контексте. Полученные данные подтверждают, что активное использование англицизмов связано с глобализацией и развитием экономики. В то же время наиболее значимые выводы указывают на необходимость умеренности: избыток англоязычных заимствований может создавать языковой барьер и угрожать сохранению богатства русского делового словаря. В перспективе полезно расширить

эмпирический материал исследования, например, проанализировать частотность употребления англицизмов в устной и письменной коммуникации разных отраслей, а также разработать рекомендации по рациональному включению заимствований в корпоративный лексикон.

Список литературы

1. Багана Ж., Тарасова М.В. Английские заимствования в русском и немецком языках в условиях глобализации : монография. – Москва : ИНФРА-М, 2026. – 120 с. – (Научная мысль). – ISBN 978-5-16-009504-2.
2. Захарова И.О. Современная терминология менеджмента: англицизмы как средство адаптации к новым экономическим реалиям // Вестник ГУУ. – 2023. – № 8. – С. 109–115. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-terminologiya-menedzhmenta-anglitsizmy-kak-sredstvo-adaptatsii-k-novym-ekonomicheskim-realiyam> (дата обращения: 26.05.2026).
3. Осипенко В.М., Шавырова Д.С. Англицизмы в современном международном бухгалтерском учете и аудите: последствия глобализации или пренебрежения родным языком // Язык и репрезентация культурных кодов : материалы XIV Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции молодых ученых (Самара, 16-17 мая 2024 г.). – Самара : Издательство Самарского университета, 2024. – С. 148–150.
4. Гриценко Е.С., Лалетина А.О. Английский язык как элемент локальных речевых практик внутригруппового общения в России // Филологические науки в МГИМО. – 2024. – Т. 10, № 2. – С. 154–165. – DOI: 10.24833/2410-2423-2024-2-39-154-165.
5. Ингул В.В. Интеграция англицизмов в лексическую систему русского языка: тенденции и потенциальные последствия // Сибирский филологический форум. – 2025. – № 2 (31). – С. 71–81. – DOI: 10.24412/2587-7844-2025-2-71-81.
6. Кадыркулова Ф.Д., Югай Д.Т., Койчуманова Э.Б. Англицизмы как инструмент адаптации к экономическим реалиям современности: терминология менеджмента // Бюллетень науки и практики. – 2025. – № 1. – С. 478–481. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/anglitsizmy-kak-instrument-adaptatsii-k-ekonomicheskim-realiyam-sovremennosti-terminologiya-menedzhmenta> (дата обращения: 26.05.2026).
7. Косенко Е.И. Анализ функционирования экономических заимствований в современных российских СМИ // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2017. – № 2. – С. 107–113. – DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.2.107.

Дата публикации 30.06.2026

УДК 81'367.7

**Дай Сяхун Признаки грамматикализации предложного новообразования
«с учетом»: исследование синтаксических и семантических сдвигов**

Дай Сяхун

аспирант кафедры русского языка и литературы
Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия
daisay@dvfu.ru

**Signs of grammaticalization of the word form "taking into account":
a study of syntactic and semantic shifts**

Dai Xiahong

Postgraduate at the Department of Russian Language and Literature
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

Аннотация. Работа посвящена системному анализу признаков грамматикализации предложного новообразования «с учетом». На основе материалов Национального корпуса русского языка рассматриваются синтаксические и семантические сдвиги данной словоформы. В ходе анализа исследуются следующие аспекты: семантический сдвиг; слабая возможность вставить внутри предлога прилагательное-модификатор; слабая возможность предложного новообразований занять соответствующую позицию в исходной прототипической модели предложения; сильная тенденция к выпадению из морфосинтаксической парадигмы; рост частотности употребления. Совокупность этих признаков свидетельствует о том, что «с учетом» находится на переходном этапе процесса грамматикализации.

Ключевые слова: грамматикализация, предлог, предложное новообразование, механизм, параметры, операционные методы.

Abstract. The article is devoted to a systematic analysis of the grammaticalization features of the prepositional formation "taking into account." Using materials from the Russian National Corpus, syntactic and semantic shifts in this word form are examined. The analysis examines the following aspects: the weak ability to insert a modifier adjective within a preposition; the weak ability of the prepositional formation to occupy an appropriate position in the original prototypical sentence model; a strong tendency to fall outside the morphosyntactic paradigm; and an increase in frequency of use. Taken together, these features indicate that "taking into account" is in a transitional stage of the grammaticalization process.

Keywords: grammaticalization, preposition, prepositional neoformation, mechanism, parameters, operational methods.

С момента своего возникновения одной из ключевых проблем в исследованиях грамматикализации оставался вопрос о том, как выявлять и определять это языковое явление. Вокруг этой проблемы различные ученые, опираясь на свои теоретические взгляды, предлагали собственные критерии и системы параметров для

идентификации грамматикализации. При этом данные критерии не являются неизменными и единственным: они постоянно пересматриваются, корректируются и переосмысляются.

В западной лингвистике в качестве критериев для описания процесса грамматикализации используются как механизмы, так и параметры грамматикализации. Согласно концепции Б. Хайне и Т. Кутевой, процесс грамматикализации базируется на четырёх механизмах: (1) десемантизации, (2) генерализации, (3) морфологической редукции или декатегоризации (4) фонетической эрозии. Они представляют собой поэтапный поступательный процесс: семантические изменения происходят в первую очередь, затем они влияют на сферу употребления единицы, далее происходит переход категориальной принадлежности и в последнюю очередь происходит фонетическая эрозия [1, с.3]. К. Леманн использует 10 параметров в качестве критериев для изучения грамматикализации [2].

В русистике Е. Н. Виноградова предложила 6 параметров для русского языка; декатегоризация (decategorialization); выцветание значения (bleaching); субъектификация (subjectification); продуктивность (productivity); частотность (frequency); типологические обобщения (typological generality) [3, с.100-101]. Кроме того, русские лингвисты предпочитают найти конкретные операционные методы для определения степени грамматикализации.

М. В. Всеволодова предложила следующие операционные методы для отыменных предложных новообразований: «1. 1) расхождение в лексическом значении / в наборе лексико-семантических вариантов исходной словоформы и деривата; 2) выпадение деривата из морфологической парадигмы исходной словоформы; 3) потеря синтаксического потенциала исходной части речи. 2. Наличие морфосинтаксической парадигмы, членом, которой является данная единица. 3. Возможность постановки падежного вопроса от предложной лексемы. 4. Невозможность элиминировать из состава предложной единицы базовый компонент» [4, с.9].

Е. Н. Виноградова развила вышеуказанные методы и добавила некоторые методы для определения степени грамматикализации предложных новообразований, которые демонстрируются следующим образом:

В семантическом аспекте: метафоризация;

В морфологическом аспекте:

а) свободные и связанные синтаксемы; б) обособление предлогообразующего существительного от других слов с аналогичным категориальным значением; в)

наличие морфосинтаксических вариантов; г) выпадение из морфосинтаксической парадигмы (отсутствие других системных для имени существительного словоформ.

В синтаксическом аспекте (разрушение синтагматических связей):

а) расширение контекстов; б) невозможность вставить внутрь предложно-падежных словоформ, функционирующих как предлог, согласованное определение, выполняющее функцию модификатора; в) «невозможность для предлогообразующего существительного занять соответствующую позицию в исходной прототипической модели предложения» [5, с. 32-44].

В статистическом аспекте Е. Н. Виноградова, проведя ранжирование существующих предлогов и выдвинув гипотезу о том, что наиболее частотные предложные единицы ближе к ядру функционально-грамматического поля предлогов и обладают более высокой степенью грамматикализации, также отметила, что анализ частотных коллокаций является важным методом для прогнозирования потенциальных предлогов [6, с. 19-29].

Критерии грамматикализации используются в исследованиях с разных точек зрения. Чэнь Сюецин рассматривает пять основных критериев, основанных на свойствах грамматикализации: метафоризацию, устойчивость, непроницаемость, самостоятельность и сочетаемость, частотность [7, с.78-80]. Но эти пять критериев представляют собой уточненное обобщение семантических, структурных и грамматических критериев, предложенных М. В. Всеволодовой и ее коллегами.

Эти критерии широко применяются при исследовании предложных единиц в рамках проекта «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис» (русский язык) [8]. В качестве примера можно привести новообразования по модели под + тв. п. [9] и по + дат. п. [10,11].

Цель исследования состоит в том, чтобы описать и объяснить процесс перехода словоформы «с учетом» к предлогу, а также выявить конкретные признаки грамматикализации.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые проводится анализ признаков грамматикализации предложного новообразования «с учетом», что позволяет оценить степень грамматикализации. Вносятся новые данные в исследование предложных новообразований в русистике.

Материалом для исследования послужили факты, извлечённые из Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Поиск осуществлялся по следующим параметрам: «с» на расстоянии 1 от «учетом» на расстоянии 1 от А (существительное в форме родительного падежа), «с» на расстоянии 1 от А (прилагательное) на

расстоянии 1 от «учетом», а также «с» на расстоянии 1 от А (местоимение-прилагательное) на расстоянии 1 от «учетом». В результате было извлечено 3225 контекстов употребления данной словоформы, удовлетворяющих заданным условиям.

Обсуждение и результаты

Предложное новообразование «с учетом» возникла на основе существительного «учет», которое является производным от глагола «учитывать». Предложное новообразование «с учетом» состоит из непроизводного предлога «с» и существительного «учет» в форме творительного падежа, является двухэлементным. Введенный компонент этой словоформы употребляется в форме родительного падежа.

Лексикографические сведения в словарях

В «Большом универсальном словаре русского языка» «с учетом» дано в качестве самостоятельной словарной единицы и есть отдельная словарная статья: «предл. Употр. при указании на явление, событие, обстоятельство и т. п., к-рые принимаются во внимание при совершении какого-л. действия, вынесении какой-л. оценки чего-л» [13]. В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой словоформа представлен в составе словарной статьи сущ. УЧЕТ,) и квалифицируется «в значении предлога, принимая во внимание что-либо» [14, с.846]. В «Малом академическом словаре» в качестве примера для существительного «учет» приведена производный предлог «с учетом чего-то»: «План составлен с учетом наших возможностей.» [15 с.543]; в «Большом толковом словаре русского язык» С. А. Кузнецова словоформа встречается в словарной статье существительного «учет»: «Действовать с учетом обстоятельств (соображаясь с обстановкой)» [16, с.1411]. В перечисленных выше словарях Предложное новообразование «с учетом» встречается в примерах словарных статей для существительного «учет» и явно отмечена как предлог только в двух словарях БУСРЯ и МАС. В Корпусном словаре неоднословных лексических единиц (оборотов) словоформа также входит в список «Обороты в функции предлога» [17]. Но в РГ-1980 предложное новообразование «с учетом» в качестве производного предлога не зафиксирована [18].

Анализ материала показал, что «учет» имеет три значения. Когда существительное «учет» входит в состав предложного новообразования «с учетом», значение существительного «учет» соответствует значению глагола учесть – принять во внимание [16, с. 1411].

Основная часть посадок представлена березой, выбор которой, несомненно,

определялся **с учетом быстроты** ее роста и контрастности по отношению к окружающим темно-серым лесам засечного типа. [«Лесное хозяйство», 17.08.2004].

Кроме этого, в семантике предложного новообразования «с учетом» происходит семантический сдвиг по сравнению с употреблением в «прототипической» функции. В фактах употребления конструкции со словоформой *с учетом* существительное *учет* не отражает действие человека «Принятие во внимание, в соображение чего-л.» [15, с.543, 19, с.715], и не несет в себе никакой субъектности. Например:

Снимок больного зуба можно сделать прямо в лечебном кресле, развернув консоль от стены к креслу. При этом нужная экспозиция выдерживается автоматически, с учетом колебаний напряжения в сети, чувствительности пленки и температуры рентгеновской трубки. [Заметки (Вокруг земного шара) // «Техника - молодежи», 1977].

«Экспозиция выдерживается автоматически» означает, что данный процесс не предполагал участия человека и не являлся результатом человеческого мышления.

На основе критериев грамматикализации, сформулированных в ряде работ, в том числе, в исследованиях Е. Н. Виноградовой, мы установили, что предложное новообразование «с учетом» демонстрирует несколько явных признаков грамматикализации.

1. Слабая возможность вставить внутрь предлога прилагательное-модификатор.

Показателем развития предложных новообразований может также служить способность присоединять согласованное определение. «Когда имя, входящее в предложное сочетание, сохраняет способность принимать согласуемое прилагательное, предложное сочетание утрачивает свою служебную функцию, и имя, получающее определение, восстанавливает все свои предметные свойства» [12, с. 16]. Таким образом, исследования по этому вопросу в большей степени сосредоточены на предлогах, состоящих из нескольких элементов, таких, как *с учетом*.

Согласованное определение с морфологической точки зрения – это полные прилагательные, местоименные прилагательные, причастия и порядковые числительные. В соответствии с указанными частями речи в корпусе были заданы отдельные поисковые параметры. В результате были получены примеры только с полными и местоименными прилагательными. Из собранных материалов были отобраны только те примеры, в которых между предлогом *с* и формой «учетом» стоит

зависимое прилагательное, при этом само предложное новообразование «с учетом» выражает причинно-аргументирующие связи и функционирует как предлог.

Случаи, когда слово *учет* используется как падежная форма существительного, управляемая предлогом *с*, исключаются. Пример Как пояснила генеральный директор Центра ценообразования и экономического анализа Людмила Козина, на сегодняшний день основные проблемы действующей системы связаны **с недостаточным учетом** многообразия современных технологий производства строительных работ, новых транспортных средств, материалов, оборудования. [«Ульяновская правда», 01.07.2016] относится к этой группе. Форма существительного *учетом* определяется валентностным свойством краткого прилагательного *связаны с чем*.

В этих целях поэтапно будут введены в эксплуатацию новый современный холодильный комплекс **с автоматизированными учетом** и распределением продукции, оборудованный стеллажной системой хранения, а также площадка для подключения рефрижераторных контейнеров. [Официальный сайт исполнительных органов Камчатского края, 06.05.2019].

С автоматизированными учетом является определением слова *комплекс*, *с учетом* не предложное новообразование, а предлог + творительная форма существительного *учет*. Были выявлены и аналогичные случаи: *с электронным учетом*, *с бухгалтерским учетом*, *с автоматическим учетом*, *с суммированным учетом*, *с налоговым с учетом*, *с визуальным учетом*, *с двойным учетом*, *с кадастровым учетом*, *с персональным учетом*, *с государственным учетом*.

Учитывая особую природу местоимений-прилагательных, при поиске вхождений мы рассматриваем местоимение-прилагательное и прилагательное как два отдельных параметра.

По запросу «**с** на расстоянии 1 от А (местоимения-прилагательное) на расстоянии 1 от "**учетом**"» в результате было извлечено 183 вхождения употребления данной словоформы, например:

Всего к началу осени соцкомитет ЗСО должен подготовить более 40 законопроектов. **С их учетом** будет формироваться бюджет на следующий год. [Новый регион 2, 12.08.2004]. Однако в данном случае **их** – это не местоимение-прилагательное, а родительный падеж местоимения *они*, т.е. это предложение можно преобразовать следующим образом: *С учетом законопроектов будет формироваться бюджет на следующий год*.

Тоже к этой группе относятся вхождения, в которых внутри предлога вставлены модификаторы *его*, *ее*, например:

*<...> исчисление индекса цен к 1960 году и корректировка всех пенсий с учетом этого индекса и затем ежегодное исчисление такого индекса и корректировка **с его учетом** всех твердых выплат от государства; [Г. Попов. Препными уже не будем никогда (1988)].*

В таком случае **его** является не местоимением-прилагательным, а местоимением, указывающим на **индекс**. Это предложение можно преобразовать следующим образом: *исчисление индекса цен к 1960 году и корректировка всех пенсий с учетом этого индекса и затем ежегодное исчисление такого индекса и корректировка **с учетом** индекса всех твердых выплат от государства.*

*Развивается «мобильная» культура. **С ее учетом** Samsung анонсировала два фаблета, а также умные часы с функцией телефона и шлем виртуальной реальности. [lenta.ru, 04.09.2014 (851824:6:0)] – **С учетом** «мобильной» культуры Samsung анонсировала два фаблета, а также умные часы с функцией телефона и шлем виртуальной реальности.*

Если модификатором является указательное местоимение, то это другой случай, например:

*Фонды музея – уникальная база для образовательной работы, способствующей усвоению технических знаний как можно более широкой аудиторией. **С таким учетом** формировалось и его собрание – прежде всего, по словам основателей, из «систематических и поучительных» коллекций. [«Наука в России», 30.04.2003 (13382:27:0)].*

В этом случае местоимение *таким* является согласованным определением существительного **с учетом**. Местоимение *таким* выполняет анафорическую функцию указания на содержание предыдущего контекста. Можно так перестроить предложение: *Фонды музея – уникальная база для образовательной работы, способствующей усвоению технических знаний как можно более широкой аудиторией. **С учетом** такой идеи формировалось и его собрание – прежде всего, по словам основателей, из «систематических и поучительных» коллекций.*

Таким образом, можно утверждать, что кроме указательного местоимения, другие местоимения не могут вставляться внутри словоформы «с учетом» в качестве модификатора.

По запросу «**с** на расстоянии 1 от А (прилагательное) на расстоянии 1 от "**учетом**"» в результате было извлечено 156 вхождений.

В соответствии с различными значениям прилагательных все вхождения можно разделить на две основные группы. В первую группу входят прилагательные-модификаторы со значением «модальность, степень, объем». Количество вхождения такого типа составляет 144, доля достигает 92% от общего числа, например:

Так что решение о возможности, дозе и моменте приема принимается в каждом случае индивидуально с обязательным учетом паттерна мелатонина до и после его приема. [В. М. Ковальзон. Мелатонин без чудес (2003)]. **Обязательный** указывает на необходимость учета.

Вячеслав Фетисов предложил перейти к практике финансирования с **большим учетом** интересов спортивных федераций [РИА Новости, 16.07.2002 (2532938:0:7)]. **Большим** указывает на объем рассматриваемых факторов при учете.

С полным учетом всех своих успехов и ошибок, стоящих впереди задач, с полной уверенностью в будущем ЦРК встречает 11 годовщину Октября. [«Нижегородский кооператор», № 21 (86), 1928 (80579:35:0)]. **Полным** указывает на степень учета.

Кроме того, имеются следующие аналогичные сочетания: с точным учетом, с четким учетом, с максимальным учетом, с правильным учетом, с минимальным учетом, с тщательным учетом, с частичным учетом, с явным учетом, с равным учетом, с сознательным учетом, с должным учетом, с комплексным учетом, с пристальным учетом, с определенным учетом, с формальным учетом, с неизменным компонентом и др. Согласно данным, представленным в таб. 1, наиболее частотным являются сочетания с обязательным учетом, с полным учетом. На эти два модификатора в совокупности приходится более 50%.

Таблица 1. Количество фрагментов с модификаторами со значениями «модальность, степень, объем»

Сочетания	количество	сочетания	количество
с обязательным учетом	47	с тщательным учетом	4
с полным учетом	30	с частичным учетом	3
с точным учетом	12	с явным учетом	2
с четким учетом	8	с большим учетом	2
с максимальным учетом	7	с равным учетом	2
с правильным учетом	6	с сознательным учетом	2
с минимальным учетом	5	с должным учетом	2
другие (встречаются только 1 раз)	12		

Еще одну типичную группу образуют прилагательные-модификаторы, выражающие значение временной последовательности. В эту группу входят с

одновременным учетом – 3 вхождения, с дальнейшим учетом – 3 вхождения, с последующим учетом – 3 вхождения, с предварительным учетом – 1 вхождение, с предыдущим учетом – 1 вхождение.

<...> отношение миозина к миостроминам постепенно возрастало и рассмотрим эту таблицу **с одновременным учетом** характера движения, т. е. с быстротой движений, которая имеет место в обычных условиях жизни данного животного. [О зависимости характера сокращения мышц от количественного соотношения некоторых их составных веществ (1882)]. **с одновременным учетом** подчеркивается, что два действия выполняются одновременно и параллельно.

Одна из них – найти законный способ увеличить будущую ежемесячную губернаторскую пенсию с 60 до 80 тысяч рублей, **с последующим учетом** инфляции, разумеется. [Новый регион 2, 02.10.2007 (911229:14:17)]. **С последующим учетом** говорит о том, что инфляция еще не произошла, и что мероприятие *увеличить пенсию* следует принять заранее.

Кроме того, обнаружен случай, когда частица может вставляться внутри словоформы.

Среднедушевые денежные доходы - 21 000 руб. Это на 10,7% выше, чем в прошлом году. Но **с даже учетом** повышения пенсий и выполнения всех принятых социальных обязательств <...> из-за инфляции они сократились на 1,9 %. [Комсомольская правда, 30.12.2009].

На основании вышеизложенных материалов можно сделать вывод, что структура предложного новообразования «с учетом» относительно устойчива. Хотя в корпусе было обнаружено множество примеров сочетаний предложного новообразования «с учетом» с прилагательными и вводными словами, типы этих прилагательных остаются ограниченными. Следовательно, можно считать, что «с учетом» постоянно развивается в процессе грамматикализации.

2. Слабая возможность предложного новообразований занять соответствующую позицию в исходной прототипической модели предложения.

Если одно существительное закрепилось в предлоге, то существительное перестает быть свободным. Существительное в предложении может быть любым членом предложения. Предложное новообразование «с учетом» вместе с существительным, которым он управляет в форме родительного падежа, функционирует как обстоятельственный оборот в предложении. Мы пытаемся

вернуть слово «учет» на позицию подлежащего, чтобы определить, является ли предложение грамматически правильным, поскольку его восстановление в функции других членов предложения представляется невозможным. Если возврат возможен, то слово «учет» сохраняет свои свойства как существительное.

Например: *Так, согласно ст. 41 Закона «О недрах», «...размеры платежей за право на добычу определяются с учетом вида полезного ископаемого, количества и качества его запасов, природно-географических, горнотехнических и экономических условий освоения и разработки месторождения, степени риска».* [«Горная промышленность», 28.04.2004], – *учет вида полезного ископаемого, количества и качества его запасов <...> определяет размеры платежей за право на добычу.*

Хотя конструкция *учет определяет что* встречается редко, подобные сочетания все же можно обнаружить в корпусе.

Учет особенностей сферы деятельности **определяет** набор инструментов, используемых разработчиком схемы: *будут ли это только российские зоны с пониженным налогообложением, льготные предприятия и партнеры, или возможно использование зарубежных офшоров и т. д.* [Ведомости, 2000.10.11].

Однако не всегда данное преобразование является возможным.

С учетом введенных выше параметров нам представляется следующая структура эпизода (рис. 2). [«Информационные технологии», 2004], но * *учет введенных выше параметров представляет следующую структуру эпизода.* Потому что действие «учет» является динамическим процессом или поведением. Процесс сложно «представить» в виде статической структуры.

Процентное соотношение будет меняться с учетом анализа экономической ситуации в Европе и Америке. [Копить по-русски (2001) // «Известия», 21.11.2001]. но * *Учет анализа экономической ситуации в Европе и Америке меняет процентное соотношение.* В корпусе не было обнаружено никаких языковых фактов с конструкцией «Учет меняет что».

3. Сильная тенденция к выпадению из морфосинтаксической парадигмы.

*С учетом обстоятельств, при учете обстоятельств, без учета обстоятельств, но * с учетами обстоятельств, * в учет обстоятельств, * перед учетом обстоятельств, *к учету обстоятельств.*

С учетом обстоятельств дела и личности осужденного **суд может**

назначить ему наказание в виде пожизненного лишения свободы либо лишения свободы сроком на 25 лет. [Официальная хроника (1999) // «Адвокат», 18.01.1999]; Как суды оценили проблемы участников споров во время пандемии Елена Трусова соглашается, что «от пандемии страдает и истец, не только ответчик», поэтому баланс интересов сторон «закljučается в равном **отношении** к ним **при учете обстоятельств** глобального характера. [Пандемия захлестнула бренды // Коммерсант, 12.06.2020]; Насколько оправданы такие действия судьи и согласуются ли они со ст. 145 ГПК — **трудно однозначно сказать без учета обстоятельств** дела. [«Арбитражный и гражданский процессы», 23.02.2004]. В этих случаях слово *учет* совместно с предшествующим непроизводным предлогом устанавливает каузальную связь между левым и правым компонентами.

Хотя в корпусе были выявлены факты со словоформой *с учетами*, но словоформа не употребляется как предложное новообразование, а является управляемой падежной формой существительного *учет*. Более того, такое употребление встречается лишь в XIX веке и является весьма устаревшим. Например: *Надо было принять объявления, **сообразить их с учетами** и очередными списками; отослать обмундировочные и порционные деньги; выдать квитанции и рассмотреть целые горы ежедневно в великом множестве поступавших запутаннейших жалоб и каверзнейших доносов.* [Н. С. Лесков. Владычный суд (1877)]; *Он чувствовал, что рано или поздно придется опять вступить в тот омут жизни **с расстройствами и поправлениями дел, с учетами** управляющих, ссорами, интригами, с связями, с обществом, с любовью Сони и обещанием ей.* [Л. Н. Толстой. Война и мир. Том второй (1867-1869)].

4. Частотность

Частотность употребления также является одним из важных критериев оценки степени грамматикализации предложного новообразования. Как показано на рис.1, частота употребления *с учетом* чего в русском языке в целом сохраняет тенденцию к росту, особенно в XXI веке, демонстрируя особенно быстрый рост. Хотя в данных корпуса могут быть некоторые исключения, не соответствующие требованиям, как упоминалось выше, наша ручная проверка фактов показывает, что эти исключения составляют меньшинство и мало влияют на общую тенденцию. Таким образом, с течением времени процесс грамматикализации предложного новообразования *с учетом* непрерывно продолжается.

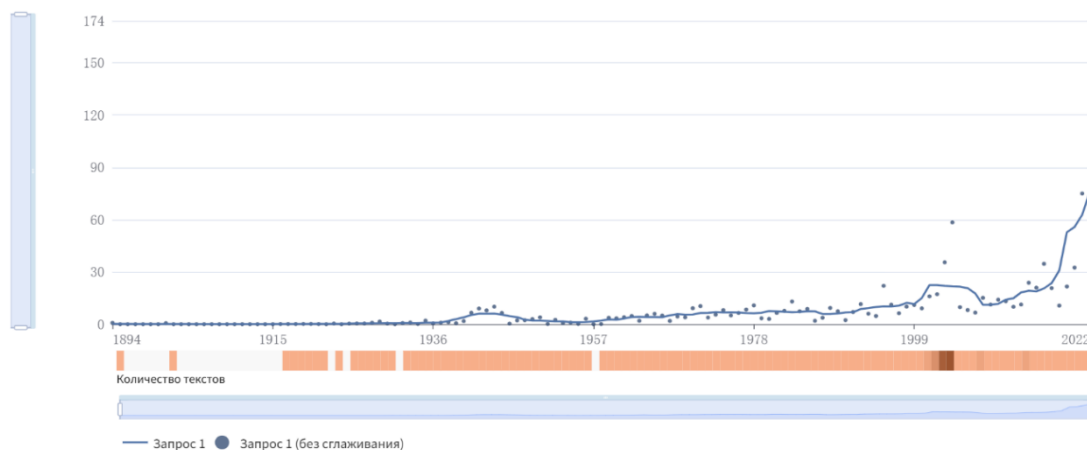

Рисунок 1. Распределение *с учетом* по датам (частота на миллион словоформ) с 1894 по 2022

Заклучение

Анализ синтаксических и семантических сдвигов предложного новообразования «с учетом» позволяет определить, что оно находится в процессе грамматикализации. Во-первых, в составе предложного новообразования «с учетом» существительное «учет» получило семантическое развитие, употребляется при указании на явление, событие и т. п., которые автоматически проявляются при совершении какого-л. действия, вынесении какой-л. оценки чего-л. Во-вторых, структура относительно устойчива. Хотя она позволяет вставлять в состав модификаторы, типы модификаторов ограничены, в основном это прилагательные, выражающие степень, объём, модальность и последовательность. В-третьих, существительное «учет» больше не может легко выйти из предложного новообразования «с учетом», чтобы восстановить свою свободную синтаксическую позицию в качестве подлежащего или дополнения. В-четвертых, существительное «учет» отклонилось от морфосинтаксической парадигмы и не может использоваться во множественном числе или других падежных формах в составе «с учетом чего». В-последних, частота употребления предложного новообразования «с учетом» в русском языке постоянно возрастает, особенно в XXI веке. Однако оно допускает вставку модификатора, что свидетельствует о незавершённости процесса грамматикализации.

Список литературы

1. Heine B.; Kuteva T. World Lexicon of Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press. 2002. 387 p.
2. Lehmann Ch. Thoughts on grammaticalization. 3rd edn. Berlin: Language Science Press, 2015. 171 p.

3. Виноградова Е. Н. Русские предлоги и их эквиваленты: поле и система дисс. ... док. филолог. наук. М., 2025. 598 с.
4. Всеволодова М. В. Грамматические аспекты русских предложных единиц: типология, структура, синтагматика и синтаксические модификации // Вопросы языкознания, 2010. № 4. С. 3-26.
5. Виноградова Е. Н., Клобукова Л. П. Предлог: большие проблемы маленькой части речи // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2017. Том. 15. №3. С. 299-316.
6. Виноградова Е. Н. Частотность на службе у функционально-грамматического поля предлога// Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2024. Т. 10, № 3(39). С. 19-29.
7. Чэнь Сюецин. Грамматикализация сочетаний с предлогом по: дисс. ... канд. филолог. наук. М., 2002. 213 с.
8. Всеволодова М. В. Проект «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис» (русский язык) // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. 2022. № 2(10). С. 4-17.
9. Хань С. Степень грамматикализации предложных единиц (на материале одной группы конструкций «под+т.п.») // Слово. Грамматика. Речь: Материалы VIII Международной научной конференции, Москва, 28–29 ноября 2025 года. Москва: ООО «МАКС Пресс», 2025. С. 310-312.
10. Виноградова Е. Н., Чэнь Сюецин Семейства конструкций «по + соматизм» на стыке грамматики, лексикона и фразеологии // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2023. №5. С. 9-24.
11. Чэнь Сюецин Грамматикализация конструкции «по адресу» // Вестник ЧелГУ. 2022. №3 (461). С. 36-42.
12. Виноградова Е. Н. Существительное или предлог? (о роли согласованного определения) // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 4 (18). С. 15-20.

Список источников

13. Морковкин В. В., Богачева Г. Ф., Луцкая Н. М. Большой универсальный словарь русского языка М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2019. 1456 с.
14. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.
15. Словарь русского языка. В 4х т. / под ред. А.П.Евгеньевой. Т.4. М.: Русский язык: Полиграфресурсы, 1999. 797 с.
16. Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 2000. 1536 с.
17. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс].URL: <http://ruscorpora.ru>.
18. Русская грамматика. В. 2-х т. / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 1. 783 с. Т. 2. 709 с.
19. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: «Аделант», 2013. 800с.

Дата публикации 22.06.2026

УДК 811

Зурабова Ф.Б., Булгучева С.А. Сложноподчинённые предложения минимальной структуры с условными придаточными в русских пословицах

Зурабова Феридэ Багаудиновна

магистрант 1 курса филологического факультета
Ингушский государственный университет, г. Магас, Россия
erikraskrea@gmail.com

Булгучева Саграт Ахметовна

канд.филол.наук., доцент кафедры русского языка
Ингушский государственный университет, г. Магас, Россия

Compound sentences of minimal structure with conditional adjectives in Russian proverbs

Zurabova Feride Bagaudinovna

1st year master's student of the Faculty of Philology
Ingush State University, Magas, Russia

Bulgucheva Sagrat Akhmetovna

Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Russian Language Department
Ingush State University, Magas, Russia

Аннотация. В статье рассматриваются сложноподчинённые предложения минимальной структуры с условными придаточными, функционирующие в русских пословицах. Уточняются критерии структурного минимума применительно к паремиологическому материалу. Выделяются и описываются основные модели условных конструкций: союзные с реальным условием, конструкции с ирреальным условием, построения с коррелятами. Анализируется взаимосвязь грамматической компрессии с обобщённой семантикой и дидактической направленностью пословицы. Делается вывод о том, что минимальная структура является оптимальной формой для выражения универсальной закономерности в рамках паремиологического жанра.

Ключевые слова: сложноподчинённое предложение, минимальная структура, условные придаточные, русские пословицы, паремии, синтаксическая компрессия.

Abstract. The article considers complex sentences of minimal structure with conditional clauses functioning in Russian proverbs. The criteria of structural minimum as applied to paremiological material are clarified. The main models of conditional constructions are identified and described: conjunctive with real condition, constructions with irreal condition, and patterns with correlatives. The interrelation of grammatical compression with generalized semantics and didactic orientation of the proverb is analyzed. It is concluded that the minimal structure is the optimal form for expressing a universal regularity within the paremiological genre.

Key words: complex sentence, minimal structure, conditional clauses, Russian proverbs, paremias, syntactic compression.

Категория условия принадлежит к числу фундаментальных категорий человеческого мышления. Установление связей между условием и следствием – одна из важнейших операций познавательной деятельности, позволяющая человеку ориентироваться в мире, прогнозировать события и формулировать правила поведения. Не случайно условная семантика находит богатое и разнообразное выражение в языке, и особенно в паремиологическом фонде, где в сжатой, афористичной форме закреплён многовековой народный опыт. Как отмечает В.С. Храковский, условные конструкции относятся к числу наиболее сложных и семантически насыщенных типов сложного предложения, поскольку «в них моделируется связь между двумя ситуациями, из которых одна ставится в зависимость от другой» [1, с. 12]. Эта способность моделировать зависимости между явлениями делает условные предложения незаменимым инструментом народной дидактики. При этом, как справедливо подчёркивается в современных исследованиях, характерной особенностью паремии является то, что она, с одной стороны, принадлежит системе языка, а с другой, тесно связана с конкретной речевой ситуацией, т.е. текстом [2, с. 951]. Именно эта двойственность – принадлежность к языковой системе и одновременно к живому дискурсу – делает паремии уникальным материалом для изучения синтаксической компрессии: минимальная структурная модель, оставаясь неизменной, способна наполняться актуальным смыслом в бесконечном множестве речевых ситуаций.

В современной лингвистике внимание к способам языковой репрезентации условной семантики не ослабевает. Достаточно подробно описаны условные конструкции на материале художественных, публицистических и научных текстов. Особый вклад в их изучение внесли работы В.С. Храковского, посвящённые типологии условных конструкций [1], труды Л.Ю. Максимова, разработавшего многомерную классификацию сложноподчинённых предложений [3], а также работы М.И. Черемисиной и Т.А. Колосовой, в которых даётся фундаментальная характеристика сложного предложения как системы [4]. Г.Л. Пермяков, крупнейший исследователь паремий, подчёркивал, что пословицы представляют собой «клише, содержащие в себе определённые логические формулы» [5, с. 27]. Как справедливо отмечается в современной лингвистике, сложноподчинённые предложения с условными придаточными определяются тем, что придаточная часть при помощи условных союзов (если, если бы, коли, раз и др.) указывает на то, что осуществление главной части зависит от придаточной части, причём в русском языке традиционно выделяются предложения с реальным и ирреальным (желаемым, возможным или

предполагаемым) условием [6, с. 360]. В последнее время появились работы, в которых паремиологический материал анализируется с позиций синтаксической компрессии и структурной минимальности. Так, Н.П. Галкина рассматривает сложноподчинённые предложения, формально квалифицируемые как условные, но в силу особенностей семантики и воспроизводимой модели утрачивающие значение условия и приобретающие субъективно-модальные оттенки, что свидетельствует о фразеологизации данных структур [7]. Различные принципы классификации сложноподчинённых предложений – формальный и функциональный – не противоречат, а взаимодополняют друг друга, поскольку «отправляются от разных исходных точек и характеризуют разные стороны одного и того же явления» [8, с. 26]. Именно поэтому наиболее перспективным представляется структурно-семантический подход, объединяющий анализ формальной организации предложения с его семантической структурой, что особенно важно при исследовании паремиологического материала, где минимальная форма и максимальная смысловая ёмкость находятся в неразрывном единстве. Однако отдельного исследования, посвящённого структурно-семантическим особенностям условных сложноподчинённых предложений минимальной структуры в русских пословицах, до настоящего времени не проводилось. Этим определяется актуальность и научная новизна настоящей работы. Цель данной статьи – выявить, систематизировать и описать основные модели сложноподчинённых предложений с условными придаточными минимальной структуры, функционирующих в русских пословицах, а также определить взаимосвязь между степенью синтаксической компрессии и семантико-прагматическими особенностями паремий.

Под минимальной структурой мы, вслед за Н.Ю. Шведовой, понимаем такое сложноподчинённое предложение (СПП), которое состоит из двух предикативных частей – главной и придаточной – и не содержит дополнительных придаточных, вставных конструкций или факультативных распространителей, способных изменить его структурную схему [9]. Важно подчеркнуть, что структурный минимум не следует отождествлять с семантической бедностью: напротив, как указывают М.И. Черемисина и Т.А. Колосова, именно элементарные структуры сложного предложения лежат в основе всех более сложных построений и обладают высокой семантической ёмкостью [4, с. 45]. Эту же мысль развивает Л.Ю. Максимов, который отмечает, что структурно-семантическая модель сложноподчинённого предложения является динамической: «последовательное включение все новых и новых релевантных структурных признаков делает модель все более и более частной в

структурном отношении и конкретной в семантическом, и наоборот» [3, с. 64]. Таким образом, минимальная структура представляет собой высший уровень абстракции, который, несмотря на свою формальную простоту, не утрачивает семантической насыщенности, что особенно важно для паремиологического жанра, где смысловая ёмкость достигается при минимальных языковых средствах. Пословичный материал даёт уникальную возможность наблюдать, как грамматическая компрессия, свойственная фольклорному жанру в силу его установки на лаконизм и удобопроизносимость, взаимодействует с выражением сложной логической семантики условия.

Исследование проведено на основе выборки из 100 русских пословиц, содержащих условные придаточные части, извлечённых из сборника В.И. Даля [11] и словаря-тезауруса В.И. Зими́на [12]. Анализ корпуса русских пословиц позволяет выделить несколько основных моделей условных СПП минимальной структуры. Критерием отбора примеров служит наличие подчинительного союза (или союзного средства) условия, оформляющего связь между главной и придаточной частями.

Первая группа – конструкции с реальным условием, выраженным союзами «если» и «раз» (разговорный), «коли» и «ежели» (народно-поэтические и устаревшие формы союзов). Все приведённые ниже пословицы являются сложноподчинёнными предложениями с придаточными условия, состоящими из двух предикативных частей. Пословица *«Если хочешь добра, не делай зла»* [11, с. 231] представляет собой классическую модель: придаточная часть (условие) присоединена союзом «если», главная часть выражает следствие в форме императива. Структура минимальна – две предикативные единицы, коррелят «то» опущен. В пословице *«Коли сам плох, так не даст и Бог»* [11, с. 348] демонстрируется функционирование союза «коли», стилистически маркированного элемента народной речи. Наличие коррелята «так» в главной части не нарушает принципа минимальности, поскольку он не создаёт дополнительной предикативной единицы, а лишь оформляет связь и маркирует рему. Указательное слово «так» в данном случае выполняет функцию анафорического показателя, отсылающего к содержанию придаточной части и одновременно акцентирующего следствие. Его основная роль – структурно-семантическая, а не номинативная, поэтому он не вводит новой пропозиции и не усложняет структурную схему предложения. Союз «раз» (в значении «если уже») представлен в пословице *«Раз не везёт, так не везёт»* [11, с. 412]. Здесь условная семантика сближается с причинной, что характерно для разговорной речи. Дополнительными примерами реального условия служат пословицы *«Коли не по*

коню, так по оглобле» [11, с. 63] и «Коли нечем платить долгу, так ехать (идти) на Волгу» [11, с. 301]. В первой из них условие («коли не по коню» – если лошадь не подходит) влечёт императивное следствие («так по оглобле» – бей по оглобле); во второй – безденежье («коли нечем платить долгу») вынуждает отправиться на Волгу на заработки. Эта пословица – народное изречение, отражающее суровую житейскую логику: если человек не может расплатиться с долгами, ему остаётся уйти на Волгу (в прошлом – в бурлаки или в разбойники), то есть идти на тяжёлый промысел или риск. Выражение сохранилось как образное предупреждение о неизбежности крайних мер при безвыходном положении.

Вторая группа – конструкции с ирреальным (гипотетическим) условием. Они оформляются союзами «если бы», «коли бы», «кабы» (просторечный вариант). Пословица «Если бы да кабы, во рту бы выросли грибы» [11, с. 74] – классическое СПП с условным придаточным, где союз «если бы» вводит нереальное условие. Минимальная структура соблюдена: две предикативные части. Пословица «Коли бы не мороз, то овёс бы до неба дорос» [11, с. 157] демонстрирует союз «коли бы» и коррелят «то». Обе части имеют частицу «бы», выражающую ирреальность. Пословица «Кабы не было снегу, не было бы и следу» [11, с. 78] использует просторечный союз «кабы» (стяжение из «как бы» или «коли бы»). Структура минимальна: две предикативные единицы, союз в придаточной части. Ещё один пример ирреального условия с союзом «кабы» – «Кабы не выронил пера, не знал бы и двора» [11, с. 345]. Здесь гипотетическое упущение (потеря пера, иносказательно – отсутствие дочери) приводит к незнанию чужого двора (не бывать бы у зятя). Частица «бы» присутствует в обеих частях, структура минимальна. Продуктивность ирреальных конструкций в пословицах подтверждается и другими примерами с союзом «кабы». Так, в пословице «Кабы не кабы, кобыла меринком была бы» [12, с. 150] ирреальное условие оформлено просторечным союзом «кабы». Структура минимальна: две предикативные единицы, коррелят «то» отсутствует, частица «бы» присутствует только в главной части, так как в придаточной она входит в состав союза. Обобщённый субъект (кобыла) делает пословицу универсальным поучением о бесполезности пустых мечтаний. Аналогичную модель представляет пословица «Кабы свинье рога, всех бы забодала» [12, с. 150], где ирреальное условие с тем же союзом «кабы» также не требует коррелята. Обобщённо-личный характер высказывания и ироническая семантика предостерегают от недооценки потенциальной опасности, скрытой в любом объекте при наделении его несообразными качествами. Наконец, пословица «Если бы не кабы и не но, генералом

был бы давно» [12, с. 150] демонстрирует использование литературного союза «если бы» с отрицанием в придаточной части; частица «бы» повторяется в главной части, что усиливает ирреальность. В данной конструкции обобщённый субъект имплицитен, а семантика высмеивает привычку объяснять неудачи внешними обстоятельствами («кабы» и «но»), утверждая необходимость реальных действий. Все три примера, как и рассмотренные ранее ирреальные конструкции, обладают минимальной структурой, отсутствием факультативных распространителей и параллелизмом частей, что обеспечивает их запоминаемость и действенность в качестве народных назиданий.

Рассмотренные конструкции объединяет ряд общих черт. Во-первых, им свойственна обобщённость субъекта: деятель либо вовсе не назван, либо выражен инфинитивом или обобщённо-личной формой глагола, что, как указывает З.К. Тарланов, является типологической чертой пословичного синтаксиса, вытекающей из назидательной функции жанра [10, с. 215]. Во-вторых, условие и следствие связываются не как случайные, единичные события, а как универсальная закономерность, имеющая силу для любого человека и в любой аналогичной ситуации. Эта особенность отмечается Г.Л. Пермяковым, который подчёркивал, что «пословицы не описывают конкретную ситуацию, а моделируют её логический инвариант» [5, с. 54]. В-третьих, минимальная структура оказывается идеальной формой для выражения такой обобщённой закономерности: отсутствие факультативных распространителей, параллелизм частей создают ритмическую организацию, способствующую запоминанию и воспроизведению.

Таким образом, сложноподчинённые предложения минимальной структуры с условными придаточными в русских пословицах представлены двумя основными моделями: конструкциями с реальным условием (союзы «если», «коли», «раз», «ежели») и конструкциями с ирреальным условием (союзы «если бы», «коли бы», «кабы»). Обе модели, несмотря на различие в модальной семантике, подчиняются единому принципу структурной компрессии, что проявляется в отсутствии факультативных распространителей, эллипсисе некоторых членов предложения и параллелизме частей. Все они демонстрируют тесную взаимосвязь между грамматической компрессией и жанровой установкой пословицы: максимальный смысл выражается минимальными языковыми средствами при сохранении строгой подчинительной связи как основного грамматического признака сложноподчинённого предложения. Лаконизм формы не препятствует точной передаче условной семантики, а, напротив, усиливает её, делая пословицу легко

запоминаемой и действенной в качестве регулятива поведения. Более того, именно синтаксическая минимальность, свойственная данному жанру, позволяет говорящему в нужный момент быстро и уместно воспроизвести пословицу, что повышает её коммуникативную эффективность. Пословица, будучи минимальным текстом, реализует в своей структуре универсальный принцип языковой экономии: предельная краткость формы при максимальной насыщенности содержания.

Список литературы

1. Типология условных конструкций / А. Салим, Т.Г. Акимова, Н.Я. Булатова [и др.] ; отв. ред. В.С. Храковский ; Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. СПб. : Наука, 1998. 582 с.
2. Абдувахобова Д.Э., Зияева М.Ф., Чудакова В.П. Структурно-семантические особенности паремий в русском языке // Экономика и социум. 2025. № 5-1 (132). С. 950-953.
3. Максимов Л.Ю. Многомерная классификация сложноподчиненных предложений (на материале современного русского литературного языка) : монография / Л.Ю. Максимов ; под. ред. А.А. Бурова, К.Э. Штайн. 3-е изд., стер. М. : Флинта, 2021. 680 с.
4. Черемисина М.И., Колосова Т.А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск : Наука, 1987. 198 с.
5. Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише). М. : Наука, 1970. 240 с.
6. Ханджани Л., Диянати З. Сопоставительный анализ сложноподчиненных предложений с условной придаточной частью в русском и персидском языках // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10, № 3 (36). С. 359-362.
7. Галкина Н.П. Фразеологизированные компоненты условного типа в системе сложноподчиненных предложений // Неофилология. 2021. № 26. С. 193-201.
8. Керимова В.А. Принципы классификации сложноподчиненных предложений // Colloquium-journal. 2024. № 8 (201). С. 25-28.
9. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М. : Наука, 1960. 376 с.
10. Тарланов З.К. Русские пословицы: синтаксис и поэтика. Петрозаводск : Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 1999. 448 с.

Список источников

11. Даль В.И. Пословицы русского народа : сборник : в 2 т. М. : Худож. лит., 1989. Т. 1. 431 с.
12. Зимин В.И. Словарь-тезаурус русских пословиц и поговорок : более 22000 пословиц, поговорок, присказок, загадок, примет, дразнилок, считалок. М. : АСТ-Пресс, 2023. 736 с.

ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дата публикации 23.06.2026

УДК 811.511.142

Молданова И.М. Словообразовательные суффиксы имен существительных в среднеобском диалекте хантыйского языка: семантика и функционирование

Молданова Ирина Максимовна

Канд. филол. наук, начальник отдела корпусной лингвистики
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок
РФ, г. Ханты-Мансийск
uil.gera@yandex.ru

Word-forming suffixes of nouns in the Middle Ob dialect of the Khanty language: semantics and functioning

Moldanova Irina Maksimovna

Cand. Sci. (Philology.), Head of the Department of Corpus Linguistics
Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development, Russia, Khanty-Mansiysk

Аннотация. В статье рассматриваются семантика и функционирование словообразовательных суффиксов имен существительных среднеобского диалекта хантыйского языка на фоне северной группы диалектов. Цель исследования – сравнительный анализ суффиксальных формантов, их семантики, междиалектных соответствий и продуктивности. Анализ литературы, где дано грамматическое описание среднеобского диалекта, показал, что некоторые суффиксы не представлены в описаниях указанного идиома. В результате анализа выявлены словообразовательные маркеры имен существительных среднеобского диалекта на фоне соседних диалектов. Все форманты сгруппированы по происхождению и оценочной семантике, выявлены малопродуктивные суффиксы =тəу, =щи, не отмеченные в грамматиках, описывающих среднеобской диалект, дана семантическая характеристика.

Ключевые слова: хантыйский язык, среднеобской диалект, именное словообразование, суффикс, семантика.

Abstract. This article examines the semantics and functioning of noun-forming derivational suffixes in the Middle Ob dialect of the Khanty language against the background of the northern group of dialects. The aim of the study is a comparative analysis of suffixal formants, their semantics, interdialectal correspondences, and productivity. A review of the literature providing grammatical descriptions of the Middle Ob dialect revealed that some suffixes are not represented in descriptions of this variety. The analysis identifies noun-formation markers in the Middle Ob dialect in comparison with neighboring dialects. All formants are grouped by origin and evaluative semantics. Low-productivity suffixes =тəу and =щи, which are not noted in grammars describing the Middle Ob dialect, are identified and provided with a semantic description.

Keywords: Khanty language, Middle Ob dialect, noun formation, suffix, semantics.

Хантыйский язык – один из двух обско-угорских языков, образующих вместе с венгерским угорскую ветвь финно-угорской языковой семьи [12, с. 319]. По мнению В. Штейница, хантыйский язык можно разделить на три диалектные группы – южную, северную и восточную, которые характеризуются преимущественно морфологическими особенностями [1, с. 194], Н. И. Терешкин считает, что в хантыйском языке два диалектных массива, а именно: а) массив западных, или собственно хантыйских диалектов и б) массив восточных, или кантыкских диалектов [12, с. 320].

Среди северных диалектов выделяют: казымский, шурышкарский, приуральский и среднеобской (шеркальский), см. работы [1; 2; 12]. Среднеобской (шеркальский) диалект представлен в работе П. К. Животикова [3], В. Штейница [10], Н. И. Терешкина [12]. В работе будут рассмотрены словообразовательные суффиксы имен существительных в среднеобском диалекте на фоне других северных диалектов. Цель исследования – выявить и систематизировать словообразовательные суффиксы имен существительных в среднеобском диалекте хантыйского языка в сопоставлении с другими диалектами, а также определить их продуктивность и семантические типы. Задачи: 1) проанализировать данные о словообразовательных суффиксах имен существительных, представленные в работах П. К. Животикова, В. Штейница, Н. И. Терешкина, А. Д. Каксина, И. А. Николаевой и др.; 2) выделить и сгруппировать суффиксы по их происхождению – деноминальные (отыменные), девербальные (отглагольные) и суффиксы оценочного характера; 3) провести сравнительно-диалектологический анализ, чтобы выявить суффиксы, не указанные в работах, описывающих среднеобской диалект. Рассмотрим словообразовательные маркеры имен существительных, представленные в грамматических описаниях хантыйского языка. Так, П. К. Животиков выделяет в среднеобском диалекте суффиксы, придающие именам существительным новые дополнительные значения: уменьшительное – суффикс *-ые (-ие)*: *хот* ‘дом’ – *хотые* ‘домик’; ласкательное – суффикс *-ле*: *тов* ‘лошадь’ – *товле* ‘лошадушка’; ласкательное (часто с оттенком пренебрежения) – *-ленгки*: *хот* ‘дом’ – *хотленгки* ‘домишко’; увеличительные – суффикс *-шиви*: *хот* ‘дом’ – *хотшиви* ‘домище’. В примечании автор отмечает, что «в некоторых говорах средне-обского диалекта встречается уменьшительно-ласкательный суффикс *-ите*: *пох* ‘сын’ – *похите* ‘сыночек’». Суффиксы, с помощью которых от глагольных основ образуются имена существительные: 1. Имена, обозначающие название орудий действия, образуются с помощью суффикса *-ып (-ип)*: *куншта* ‘царапать’ – *куншып* ‘гребень’; 2. Имена, обозначающие название предметов

действия или процесс, образуются с помощью суффиксов: *-пыс*, *-ыпсы*, *-тот*: *утта* 'жить' – *утпыс* 'жизнь', *унттыта* 'учить' – *унтыпсы* 'обучение', *тэта* 'есть' – *тэтот* 'еда'; 3. От основ прилагательных существительные образуются с помощью суффикса *-ат*: *пат* 'высокий' – *патат* 'высота' [3, с. 59–60]. В работе В. Штейница отмечены следующие суффиксы: *-ар*, *-ас*, *-рәс*, *-әрса* – образующие имена существительные от глаголов; *-ат* – образующий имена существительные от прилагательных; *-ije*, *-it'e*, *-le* – обозначающие уменьшительность; *-saŋaŋ* – образует существительные со значением комитативности, *jŷ-rŷsaŋaŋ* 'со старшим братом (вместе)'. К словам, стоящим на границе самостоятельного слова и суффикса он относит *-leŋkə* – *rŷ-leŋkə* 'мальчишка', *-šiyə* – *xor-šiyə* 'лодка больших размеров' [10, с. 48-50]. Н. И. Терешкин пишет, что «морфологическое словообразование существительных хантыйскому языку почти совсем несвойственно». Он выделяет следующие малопродуктивные словообразовательные суффиксы: а) суффикс *-ып* (*-up*) – образует от глагольных основ несколько существительных, обозначающих орудия действия; б) суффикс *-пыс* – образует от глагольных основ существительные со значение предмета или процесса действия; в) суффикс *-ыпсы* – образует существительные со значением процесса действия. В роли суффикса широко употребляется частица *от* 'нечто', 'вещь', с помощью которой образуются от причастий существительные, обозначающие объект действия, например: *тэты* (прич. наст. вр. от глагола *тэта* 'есть') – *тэтот* 'еда', 'пища' [12, с. 327].

На материале казымского диалекта выделяют следующие суффиксы: от имен существительных образуются при помощи *-ланг*, *-ас*, *-си*; от имен прилагательных при помощи суффиксов *-ат*, *-ят*; от глагольных основ при помощи суффиксов *-уп*, *-упсы*. К суффиксам оценочного характера относятся *-ые*, *-ие* со значение уменьшения признака, выраженного в данной основе, и некоторый оттенок ласкательности; суффиксы *-шиви*, *-шики* со значение усиления признака, выраженного в данной основе; суффиксы *-лэ*, *лэнгки* имеющие пренебрежительно-ласкательное значение [13, с. 53]. В работе А. Д. Каксина к деноминальным (отыменным) относятся *-ije* со значением уменьшительности, ласкательности; *-le* со значением пренебрежительности (часто – с оттенком ласкательности); *-leŋki* со значение пренебрежительности (часто – с оттенком ласкательности); *-šiwī* со значение увеличительности; *-at* со значение опредмеченного качества. К девербальным (отглагольным) суффиксам: *-ар* (*-up*) – значение орудие действия (предмет, связанный с действием); *-әрси* (*-upsi*) – значение – предмета или процесса действия [2, с. 42–43].

В работе И. А. Николаевой [4, с. 53-57], на материале обдорского диалекта, представлены следующие деривационные показатели: *-ji* – присоединяется к существительным, значение – уменьшительность, ласкательность; *-at* – присоединяется к прилагательным, значение признака, параметра; *-saŋ-* (*-sa-*) – присоединяется к некоторым терминам родства и обозначает совокупность родственников, находящихся в симметричном отношении друг к другу, всегда сопровождается показателем дв. или мн. ч.; *-am*, *-m* – присоединяется к существительным и прилагательным; *-as* – присоединяется к существительным; *-pas*, *-paś* – присоединяется к прилагательным; *-psi*, *-pti* – значение инструмента, отвлеченного понятия, связанного с действием, результата действия; *-pəs* – со значение процесса действия; *-p*, *-tap*, *-tap* – инструмент, реже – результат действия; *-t* – суффикс субстантивированных причастий, реже прилагательных. Кроме того, обозначены редкие непродуктивные суффиксы, представленные единичными примерами, отмечен суффиксид *siki*. В пособии «Хантыйский язык в таблицах (шурышкарский диалект)» таблица со словообразовательными суффиксами содержит следующие образцы: *-jǎŋ* (непрямое родство), *-as*, *-am* (*-ям*) (размер предмета), *-on* (*-ун*), *-упса* (название действия, состояния), *-ые/-ие* (уменьшительно-ласкательное значение), *-шиви/-шки* (усилительное значение), *-лэ/-лэңки* (пренебрежительно-ласкательное) [14, с. 25]. Для наглядности образцы суффиксов приведены в таблице (табл. 1). При анализе материала мы опирались на труды по грамматике хантыйского языка П. К. Животикова, Н. И. Терешкина, В. Штейница, А. Д. Каксина, И. А. Николаевой, а также на современные исследования в области словообразования: Е. В. Скачковой [5], М. З. Левиной [6], О. Б. Стрелковой [7], Т. П. Арискиной, Т. Т. Суренковой [8], О. А. Сергеева [9], Žarković М.М. [11]. Для решения поставленных задач применялся метод классификации, а также аналитический и описательный методы.

Таблица 1. Словообразовательные суффиксы имен существительных

	Животиков 1942 (средн.)	Steinitz 1950 (средн.)	Терешкин 1966 (средн.)	Учеб. пед. уч. 1988 (каз.)	Николаева 1995 (приур.)	Немысова, Лыскова 2006 (шур.)	Каксин 2007 (каз.)
от сущ.	-	-saŋən	-	-ланг, -ас, -си	-am, -m -as -saŋ-/-sa-	-jǎŋ -ac	-

от прил.	-ат	-at	-	-ат, -ят	-at -pas, paś	-ат (-ят)	-at
от глаг.	-ып (-ип); -пыс, -ыпсы, -тот	-эр -əs -pəs -əpsa	-ып (-ип) -пыс, -ыпсы от	-уп, - упсы	-psi, -pti -pəs -p, -təp, - tap -t	-оп, (-уп) -упса	-эр (-up); -əpsi (-upsi)
уменьш.- ласк.	-ые (-ие); -ле	-ije -it'e	-	-ые, - ие	-ji	-ые, -ие	-ije
прен.-ласк.	-ленгки	-le -lenkə	-	-лэ, - лэнгки	-	-лэ, -лэнки	-le, -lenki
усил.призн.	-шыви	-šiyə	-	-шиви, -шики	-siki	-шиви, -шики	-šiwī

Материалом исследования послужили примеры из казымского, среднеобского, шурышкарского и приуральского диалектов, которые были выявлены из грамматических описаний [2; 3; 4; 10; 12; 13], словарей, справочников [14; 15; 16; 17; 18], сборников [19; 20].

Рассмотрим словообразовательные суффиксы имен существительных на примере казымского, шурышкарского, приуральского и среднеобского диалектов, чтобы выявить показатели, отсутствующие в описаниях по среднеобскому диалекту.

1. Суффиксы, образующие имена существительные от имен существительных:

а) каз. =лән, шур. =лән/=лән, среднеоб. =тән образует имена существительные со значением приобретенного родства, например:

каз. йивлән 'отчим' от йив 'предок', эвлән 'падчерица' от эви 'девочка', 'дочь', пухлән 'пасынок' от пух 'мальчик', 'сын';

шур (сын.). эвлән 'падчерица' от эви 'девочка', пӧхлән 'пасынок' от пӧх 'мальчик', 'сын';

среднеоб. этән 'падчерица' от эви 'девочка', 'дочь', йиштән 'отчим' от йиш 'предок'.

б) каз. =ас, шур. =ас, приур. =ас, среднеоб. =ас со значением приобретения признака, выраженного в данной основе, например:

каз. *хурас* ‘внешность, облик, вид’ от *хур* ‘образ, облик’, ‘картина, фотография, портрет’, *вотас* ‘пурга’ от *вот* ‘ветер’;

шур. *хӧрас* ‘внешний вид, облик, внешность’ от *хӧр* ‘изображение, рисунок, фотография’, ‘вид’, *вотас* ‘метель’ от *вот* ‘ветер’;

приур. *хӧрас* ‘красивая внешность’ от *хӧр* ‘вид, образ’, *вотас* ‘буран’ от *вот* ‘ветер’.

среднеоб. *хӧрас* ‘вид, внешность’, ‘наружность’, ‘красота’ от *хӧр* ‘образ, вид’, *вот* ‘ветер’ от *вотас* ‘вихрь’.

в) **каз.** =*уци*, **шур.** =*уци*, **среднеоб.** =*уци* со значением приобретения признака, выраженного в данной основе, например:

каз. *апици* ‘младший родственник’, *амамәтици* ‘загадка’;

шур. *апици* ‘младший брат, младшая сестра’, *амамәтици* ‘загадка’;

среднеоб. *апици* ‘младшие брат или сестра’.

2. Суффиксы, образующие имена существительные от имен прилагательных:

а) **каз.** =*ат*, **шур.** =*ат*, **приур.** =*ат*, **среднеоб.** =*ат* образует имена существительные со значением признака, параметра, например:

каз. *хӱват* ‘длина’ от *хӱв* ‘длинный’, *кӱрицат* ‘высота’ от *кӱрәш* ‘высокий’, *мӱлат* ‘глубина’ от *мӱл* ‘глубокий’;

шур. *кӱлат* ‘толщина’ от *кӱл* ‘толстый’, *хӱват* ‘длина’ от *хӱв* ‘длинный’;

приур. *w̆tat* ‘ширина’ от *w̆t*, *w̆taŋ* ‘широкий’, *k̆lat* ‘толщина’ от *k̆l* ‘толстый’, *r̆lat* ‘высота’ от *r̆l* ‘высокий’, *l̆wat* ‘величина, размер’ от *l̆w* ‘?’;

среднеоб. *в̆там* ‘ширина’ от *в̆таŋ* ‘широкий’, *к̆там* ‘толщина’ от *к̆т* ‘толстый’, *х̆ват* ‘длина’ от *х̆в* ‘длинный’, *п̆там* ‘высота’ от *п̆т* ‘высокий’, *к̆там* ‘толщина’ от *к̆т* ‘толстый’, ‘крепкий’.

3. Суффиксы, образующие имена существительные от глагольных основ:

а) **каз.** =*әп*, **шур.** =*әп*, **приурал.** =*әр*, **среднеоб.** =*әп* образует имена существительные со значением предмета или состояния, связанного с действием:

каз. *к̆ншәп* ‘гребень’ от *к̆ншты* ‘чесать’, *холләп* ‘плач’ от *холләты* ‘плакать’, *амтәп* ‘радость’ от *амәтты* ‘радоваться’;

шур. *лаңкәп* ‘одеяло, покрывало’ от *лаңкты* ‘крыть, покрыть, укрыть’, *воңщәп* ‘набирушка, берестяной кузов для сбора ягод’ от *воңщты* ‘собирать (о ягодах)’;

приур. *k̆nsәр* ‘гребень’ от *k̆nsti* ‘скрести’, *п̆әхсәр* ‘скребок для рыбы’ от *п̆әхәsti* ‘чистить рыбу’, *jertәр* ‘ограда’ от *jertti* ‘загораживать’, *w̆ltәр* ‘рубанок’ от *w̆ltti* ‘строгать’;

среднеоб. *кўнишәп* 'гребень' от *кўништа* 'чесать', *воңицәп* 'набирка' от *воңицта* 'собирать', *йинтәп* 'игла' от *йонтта* 'шить', *вәттәп* 'рубанок' от *вәттта* 'строгать', 'тесать', *амтәп* 'радость' от *амәттта* 'радоваться'.

б) **каз.** =*әпсы*, **шур.** =*әпса*, **приур.** =*psi*, =*pti*, **среднеоб.** =*әпса* со значением инструмента, отвлеченного понятия, связанного с действием, результата действия, например:

каз. *вәләпсы* 'жизнь' от *вәлты* 'жить', *йастәпсы* 'обязательство' от *йастәты* 'обещать', *мойләпсы* 'подарок', 'награда' от *мойләты* 'дарить, подарить', *похнәпсы* 'взрыв' от *похнәптәты* 'проткнуть, проколоть';

шур. *воңхәпса* 'затес' от *воңхты* 'тесать', *воштәпса* 'гон, перегон, перекочевка' от *воштәты* 'гнать, выгнать, прогнать';

приур. *nemtәpsi* 'обман, дразнилка' от *nemattī* 'дразнить', *mәñsәpsi* 'присказка' от *mәñštī* 'рассказывать сказку', *oltәpsi* 'надставка (на платье)' от *oltī* 'надставлять', *рйwlәpsi* 'опухоль' от *рйwlәtī* 'вспухнуть';

среднеоб. *мойтәпсы* 'подарок' от *мойтәты* 'подарить', *йунтәпсы* 'игра' от *йунтты* 'играть', *унтәпсы* 'обучение' от *унттыта* 'учить', *похәпсы* 'грохот, взрыв' от *похта* 'лопнуть', 'взрываться'.

в) **каз.** =*пәс*, **шур.** =*пәс*, **приур.** =*päs*, **среднеоб.** =*пәс* со значением процесса и результата действия, например:

каз. *вәлпәс* 'промысел' от *вәлты* 'убить, добыть', *ләвпәс* 'еда' от *лөты* 'есть';

шур. *вәлпәс* 'снасти' от *вәлты* 'убить, добыть', *ләвпәс* 'продукты питания' от *лөты* 'есть';

приур. *wәlpäs* 'промысел' от *weltī* 'убивать', *liwpäs* 'еда' от *litī* 'есть', *ulpäs* 'жизнь' от *ultī* 'жить';

среднеоб. *ветпәс* 'промысел', 'добыча' от *ветта* 'убить', *тәвпәс* 'еда' от *тәта* 'есть', *утпәс* 'жизнь' от *утта* 'жить'.

Среди словообразовательных суффиксов имен существительных также представлены маркеры с оценочным характером, например, =*ийә*/=*ji*, =*итә* со значением уменьшения признака и некоторым оттенком ласкательности, =*лә*/=*лө*, =*ләңки* с пренебрежительно-ласкательным значением, =*шиви*/=*шику*/=*siki*/=*šiyä* со значением усиления признака.

а) **каз.** =*ийә*, **шур.** =*ийә*, **приур.** =*ji*, **среднеоб.** =*ийә*, =*итә* со значением уменьшения признака и некоторым оттенком ласкательности, например:

каз. *хопийә* 'лодочка' от *хон* 'лодка', *ампийә* 'собачка' от *амп* 'собака';

шур. *пõхийэ* ‘мальчишечка’ от *пõх* ‘мальчик’, *ньаврэмийэт* ‘детшки’ от *ньаврэмэт* ‘дети’;

приур. *pāsaniji* ‘столик’ от *pāsan* ‘стол’, *хәтiji* ‘домик’ от *хәт* ‘дом’;

среднеоб. *тунтыйэ* ‘гусик’ от *тунт* ‘гусь’, *васыйэ* ‘уточка’ от *васы* ‘утка’, *эвитэ* ‘доченька’, ‘девчушечка’ от *эви* ‘дочь’, ‘девочка’, *пõхитэ* ‘мальчишечка’, ‘сыночек’ от *пõх* ‘мальчик’, ‘сын’, *тўтыйэ* ‘огонек’ от *тўт* ‘огонь’.

б) **каз.** =лө, =ләнүки, **шур.** =лэ, =ләнүки, **среднеоб.** =лэ, =ләнүки со значением уменьшения признака и некоторым оттенком ласкательности, например:

каз. *хотле* ‘домишко’ от *хот* ‘дом’, *икилэ* ‘мужичонка’ от *ики* ‘мужчина’, *эвиләнүки* ‘девчонка’ от *эви* ‘девочка’, *хотләнүки* ‘домишко’ от *хот* ‘дом’;

шур. *эвилэ* ‘девчонка’ от *эви* ‘девочка’, *пõхләнүки* ‘мальчишка’ от *пõх* ‘мальчик’;

среднеоб. *шовәрлэ* ‘зайчишка’ от *шовәр* ‘заяц’, *товлэ* ‘лошадка’ от *тов* ‘лошадь’, *пõхләнүки* ‘мальчишка’ от *пõх* ‘мальчик’, *пушканләнүки* ‘ружьишко’ от *пушкан* ‘ружье’.

в) **каз.** =шиви/=шики, **шур.** =шиви/=шики, **среднеоб.** =шиви/=šiyä, **приур.** =siki со значением усиления признака, например:

каз., шур. *хотшиви* ‘домище’ от *хот* ‘дом’, *мойпәршиви* ‘медведище’ от *мойпәр* ‘медведь’, *кўришики* ‘ножища’ от *кўр* ‘нога’;

среднеоб. *хопшиви/хәрšiyä* ‘лодища’ от *хоп* ‘лодка’, *кешишиви* ‘ножище’ от *кеши* ‘нож’, *хотшиви* ‘домище’ от *хот* ‘дом’;

приур. *põrnijsiki* ‘большая, страшная женщина Пор’.

Таким образом, краткая характеристика словообразовательных суффиксов представлена следующими значениями:

от имен существительных: =лән, =лән, =тән – значение приобретенного родства; =ас, =уци – значение приобретения признака;

от имен прилагательных: =ат – значение признака, параметра (длина, высота, глубина, толщина, ширина);

от глагольных основ: =ән – значение предмета или состояния, связанного с действием; =әнсы / =әнса / =psi / =pti – значение инструмента, отвлеченного понятия, результата действия; =пәс – значение процесса и результата действия.

Оценочные суффиксы:

=йиэ / =ij, =итэ – значение уменьшения признака с оттенком ласкательности;

=лэ, =ләнүки – значение уменьшения признака с пренебрежительно-ласкательным оттенком;

=шиви, =шики, =šiyä, =siki – значение усиления признака.

Как отмечают исследователи хантыйского языка, в современном хантыйском языке немного продуктивных словообразовательных суффиксов имен существительных, см. например, [4; 12]. И. А. Николаева отмечает, что «самым продуктивным, вероятно, является уменьшительный суффикс *-ji*» [4, с. 53], данный показатель в северных диалектах представлен в следующих формах *=ийэ/=ji*.

Таким образом, в ходе исследования были выявлены и проанализированы словообразовательные маркеры, представленные в грамматических описаниях северных диалектов хантыйского языка. Суффиксы были выделены и сгруппированы по их происхождению, а также оценочной семантике. В ходе сравнительно-диалектологического анализа были выявлены суффиксы, не указанные в работах, описывающих среднеобской диалект, это малопродуктивные суффиксы *=таң*, *=ци*, примеры для которых были представлены в орфографическом словаре (рукопись).

Список литературы

1. Штейниц В.К. Хантыйский (остяцкий) язык // Языки и письменность народов Севера. Часть I. Языки и письменность самоедских и финно-угорских народов. – М.; Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1937. – С. 193–227.
2. Каксин А.Д. Казымский диалект хантыйского языка. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2007. – 134 с.
3. Животиков П.К. Очерк грамматики хантыйского языка (средне-обской диалект) / Под ред. Ю.Н. Русской / П.К. Животиков. – Ханты-Мансийск: Типография газеты «Сталинская трибуна», 1942. – 118 с.
4. Николаева И.А. Обдорский диалект хантыйского языка. – Москва/Гамбург: Институт языкознания РАН, *Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica*, 1995. – 256 с.
5. Скачкова Е.В. Семантика и особенности функционирования существительных с аугментативными суффиксами в неформальной интернет-коммуникации (на материале русскоязычных блогов) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 1. С. 179–186.
6. Левина М.З. Словообразовательный потенциал имен существительных в мокшанском диалектном ареале // Вестник НИИ гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия. 2022. № 2 (62). С. 184–189.
7. Стрелкова О.Б. Особенности словообразования в современном удмуртском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Том 15. Выпуск 7. С. 2228–2231.
8. Арискина Т.П., Суренкова Т.Т. Суффиксальное образование имен существительных в венгерском и эрзянском языках (историко-сравнительный анализ) // Вестник угроведения. 2023. Т. 13. № 1 (52). С. 15–24.
9. Сергеев О.А. Суффиксальный способ образования слов в «Словаре языка черемисского» втор. пол. XVIII века // Ежегодник финно-угорских исследований. 2023. Т. 17, вып. 4. С. 498–506.
10. Steinitz W. *Ostjakische Grammatik und Chrestomathie mit Wörterverzeichnis von Wolfgang Steinitz*. 2 Auflage. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1950. Pp. 48–50.

11. Žarković M.M. Morphological Productivity of Noun-Forming Suffixes in English at the Level of Word-Formation Rules. *European Journal of Literature, Language and Linguistics Studies*. 2023. Vol. 6. Pp. 108–121.

Список источников

12. Терешкин Н.И. Хантыйский язык / Языки народов СССР. Т 3. Финно-угорские и самодийские языки. – Москва: издательство «Наука», 1966. – С. 319–342.
13. Хантыйский язык: Учеб. для уч-ся пед. уч-щ / А.М. Сенгепов, Е.А. Немысова, С.П. Молданова и др.; Под ред. Е.А. Немысовой. – Л.: Просвещение. Ленингр. отделение, 1988. – 224 с.
14. Немысова Е.А., Лыскова Н.А. Хантыйский язык в таблицах (шурышкарский диалект): учебно-наглядное пособие для уч-ся 5–9 кл. общеобр. учрежд. – СПб.: филиал изд-ва «Просвещение», 2006. – 92 с.
15. Диалектологический словарь хантыйского языка (шурышкарский и приуральский диалекты) / Под ред. Н. Б. Кошкаревой. – Екатеринбург: Издательство «Баско», 2011. – 208 с.
16. Немысова Е.А., Кошкарева Н.Б., Соловар В.Н. Правила орфографии и пунктуации хантыйского языка (казымский диалект) / Е. А. Немысова, Н. Б. Кошкарева, В.Н. Соловар; под ред. Н.Б. Кошкаревой. Деп. образования и науки Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, БУ ХМАО-Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок»; Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук. – Тюмень: ФОРМАТ-72, 2023. – 188 с.
17. Молданова И.М. Орфографический словарь среднеобского диалекта хантыйского языка. Рукопись. 2026. – 73 с.
18. Кашлатова Л.В. Русско-хантыйский словарь с картинками (среднеобской диалект) / Л. В. Кашлатова. – Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010. – 108 с.
19. Любимые стихи и сказки для маленьких северян на хантыйском языке / литературно-художественное издание / авторский перевод: Г. П. Кельчин. – Салехард: АНО «Ямал-Медиа», 2023. – 152 с.
20. Няврём путрэт: Хантыйский детский фольклор / Сост., предисл. и примеч. С.Д. Дядюн, под ред. В.Н. Соловар. – Екатеринбург: Баско, 2008. – 60 с.

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

Дата публикации 19.06.2026

УДК: 811.111'373.6

Балашова А.Ю., Евграфова В.Р., Седакова К.В. Англоязычная терминология сферы городской мобильности: лингвокогнитивный и словообразовательный анализ терминов микромобильности и райдшейлинга

Балашова Анна Юрьевна

кандидат филол.наук, доцент кафедры «Лингвистика»
Российский университет транспорта (РУТ (МИИТ)), РФ, г. Москва
balashova-ay@rut-miit.ru

Евграфова Виктория Романовна

студентка кафедры «Лингвистика»
Российский университет транспорта (РУТ (МИИТ)), РФ, г. Москва
henleesh@gmail.com

Седакова Кира Вячеславовна

студентка кафедры «Лингвистика»
Российский университет транспорта (РУТ (МИИТ)), РФ, г. Москва
kirusha_sed@mail.ru

English-Language Terminology of Urban Mobility: A Linguo-Cognitive and Word-Formation Analysis of Micromobility and Ridesharing Terms

Balashova Anna Yuryevna

candidate of philological sciences, associate professor of the Department of Linguistics
Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia

Evgrafova Victoria Romanovna

undergraduate student of the Department of Linguistics
Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia

Sedakova Kira Vyacheslavovna

undergraduate student of the Department of Linguistics
Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia

Аннотация. В статье проводится комплексный лингвистический анализ англоязычной терминологии, функционирующей в сфере современной городской мобильности, с фокусом на подсистемы микромобильности (micromobility) и райдшеринга/райдшейлинга (ridesharing/ride-hailing). На материале специализированных корпусов текстов (отраслевые отчеты, нормативные документы, медиадискурс) выявлены основные словообразовательные модели, характерные для данной предметной области. Особое внимание уделено процессам семантической деривации и концептуальной метафоризации, лежащим в основе номинации новых транспортных реалий. Доказано, что терминосистема городской мобильности

отличается высокой динамичностью, стиранием границ между профессиональным и общеупотребительным регистрами, а также активным использованием композитных и гибридных структур. Результаты исследования имеют практическую ценность для теории перевода, лексикографии и преподавания английского языка для специальных целей (ESP).

Ключевые слова: английская терминология, городская мобильность, микромобильность, райдшеринг, словообразование, концептуальная метафора, семантическая деривация, когнитивная лингвистика

Abstract. This article presents a comprehensive linguistic analysis of the English-language terminology functioning in the sphere of modern urban mobility, with a focus on the subsystems of micromobility and ridesharing/ride-hailing. Drawing on specialized text corpora (industry reports, regulatory documents, and media discourse), the study identifies the primary word-formation models characteristic of this subject area. Special attention is paid to the processes of semantic derivation and conceptual metaphorization underlying the nomination of new transport realities. It is demonstrated that the terminological system of urban mobility is characterized by high dynamism, the blurring of boundaries between professional and general registers, and the active use of composite and hybrid structures. The results of the study have practical value for translation theory, lexicography, and teaching English for Specific Purposes (ESP).

Keywords: English-language terminology, urban mobility, micromobility, ridesharing, word formation, conceptual metaphor, semantic derivation, cognitive linguistics

Введение

Стремительная урбанизация и цифровая трансформация транспортных систем в XXI веке привели к возникновению новой концептуальной области – «умной» городской мобильности (*smart urban mobility*).

Под «умным городом» принято понимать территориально-пространственную агломерацию, на которой сосредоточены технологии искусственного интеллекта, используемые в производстве, экономике, социальнокультурной жизни общества, направленные на улучшение всех сторон жизнедеятельности людей [1, с. 29].

В свою очередь «умная городская мобильность» включает в себя два быстро развивающихся субдомена: *micromobility* (микромобильность) и *ride-hailing / ridesharing* (райдхейлинг / райдшеринг). Микромобильность представляет собой лёгкие транспортные средства с электрическим или ручным приводом, предназначенные для поездок по городу [2, с. 29]. Райдхейлинг как сервис поиска попутчиков и водителей для недолгих поездок подразумевает совместную поездку нескольких человек на одном автомобиле с помощью онлайн-сервисов поиска попутчиков.

Интенсивное терминологическое наполнение данных областей обусловлено технологическими инновациями, изменением бизнес-моделей и трансформацией городского дискурса. Язык, выступая зеркалом социокультурных и технологических

изменений, оперативно реагирует на появление новых реалий, формируя специфическую терминосистему [3, с.10].

Несмотря на растущий практический интерес, лингвистическое описание терминосистемы городской мобильности остаётся фрагментарным: отсутствуют систематизированные исследования словообразовательных моделей, механизмов метафоризации и стратегий адаптации в русском языке.

Актуальность исследования обусловлена высокой динамичностью данной терминосферы, отсутствием ее полной лексикографической фиксации и необходимостью осмысления когнитивных механизмов, лежащих в основе номинации новых транспортных концептов.

Целью данной работы является выявление и систематизация словообразовательных и семантических особенностей англоязычных терминов микромобильности и райдшеринга.

Для достижения цели поставлены следующие задачи:

- определить основные словообразовательные модели в исследуемой терминосистеме;
- выявить механизмы семантической деривации и концептуальной метафоризации;
- охарактеризовать прагматические особенности функционирования данных терминов в различных типах дискурса.

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужила сплошная выборка из 350 лексических единиц, извлеченных из англоязычных текстов, относящихся к сфере городской мобильности (2015–2024 гг.). Источниками выступили: отраслевые отчеты (например, NACTO – National Association of City Transportation Officials) [7], а также публикации на специализированных сайтах (TechCrunch [8], CityLab [9]).

В работе применен комплекс методов: метод сплошной выборки, описательный метод, морфемный и компонентный анализ, а также методы когнитивной лингвистики (в частности, анализ концептуальной метафоры по Дж. Лакоффу и М. Джонсон).

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- Впервые на материале англоязычных текстов (2015–2024 гг.) проведено комплексное лингвокогнитивное и словообразовательное исследование терминосистемы «умной» городской мобильности (микромобильности и

райдхейлинга/райдшеринга) как формирующегося самостоятельного концептуального домена.

— Выявлены и описаны специфические словообразовательные модели, отражающие цифровую природу исследуемой сферы.

— Установлены новые механизмы концептуальной метафоризации для номинации инновационных транспортных реалий, не имеющих исторических аналогов.

— Впервые описан феномен терминологического дискурсивного конфликта в сфере городской мобильности, выразившийся в формировании «контр-терминологии» со стороны муниципальных регуляторов и СМИ.

— Определены актуальные тенденции адаптации исследуемой терминологии в русском языке. Зафиксирован процесс «демотизации» (стирания границ между специальным и общеупотребительным регистрами) и наблюдаемый сдвиг от описательных эквивалентов к прямым заимствованиям и калькам, что свидетельствует о завершающемся этапе институционализации данного концептуального домена в русской языковой картине мира.

Результаты и обсуждение

Анализ показал, что терминосистема городской мобильности характеризуется высокой продуктивностью синтаксического и морфологического словообразования, что обусловлено необходимостью точной и экономной номинации сложных технологических концептов.

Словосложение (Compounding) является доминирующей моделью (около 45% выборки). Термины часто представляют собой атрибутивные словосочетания, где первое слово уточняет второе:

- *ride-hailing* (вызов автомобиля через приложение);
- *dockless scooter* (безстанционный самокат);
- *last-mile solution* (решение проблемы «последней мили»);
- *surge pricing* (динамическое ценообразование).

Телескопия активно используется для создания брендовых или упрощенных терминов, обозначающих интеграцию сервисов: *bikeshare* (*bike* + *share*), *carpooling* (*car* + *pool*), *MaaS* (*Mobility-as-a-Service*).

Ключевой домен *micromobility* образован по модели префиксально-суффиксальной деривации (*micro*- + *mobility*), отражая концепт «перемещение на лёгких транспортных средствах на короткие дистанции».

Для терминологии городской мобильности характерны бинарные оппозиции: *dock-based / dockless, shared / private, pedal-assist / throttle-only*. Особую продуктивность демонстрируют гибридные образования с техническими компонентами: *e-scooter, e-bike, kick-scooter, mono-wheel*, где префикс *e-* (*electric*) выступает терминообразующим маркером экологичности и автономности питания [4].

Семантическая деривация активно использует пространственные и инфраструктурные метафоры. Выражение *first/last mile* («первая/последняя миля») функционирует как устойчивый терминологический концепт, обозначающий логистический разрыв между пунктом отправления/назначения и узлом общественного транспорта. Термин *geofencing* (геозонирование) представляет собой блендинг (*geo-* + *fencing*), отражающий цифровую природу ограничения: виртуальные границы, управляемые GPS-трекерами и мобильными приложениями. В русском языке данные термины адаптируются преимущественно через прямые заимствования (микромобильность, геозонирование, электросамокат) и описательные эквиваленты (бесстанционные системы, системы с фиксированными станциями) [5].

Многие технологические реалии не имеют прямых исторических аналогов, их номинация часто опирается на концептуальную метафору, переносящую признаки из хорошо знакомых предметных областей в сферу транспорта.

Метафора жидкости/воды является концепцией совместного использования ресурсов и осмысливается через метафору объединения потоков. Отсюда термины: *carpool* (ездить совместно на машине), *ride-pooling*.

Метафора призрачности/невидимости применяется для описания неэффективных или скрытых процессов: *ghost cars* (автомобили, отображаемые в приложении, но физически отсутствующие или недоступные), *deadheading* (термин из авиации и грузоперевозок, перенесенный в райдхейлинг для обозначения движения порожняком) [6].

В англоязычном дискурсе наблюдается чёткая терминологическая дифференциация: *ride-hailing* обозначает вызов водителя через приложение для индивидуальной поездки (Uber, Lyft, Bolt), тогда как *ridesharing / carpooling* подразумевает совместное использование автомобиля несколькими пассажирами с разделением затрат (BlaBlaCar, Waze Carpool). Однако в медиадискурсе и обывательской речи наблюдается семантическое слияние, что создаёт терминологическую амбивалентность.

К ключевым терминам платформы можно отнести *TNC (Transportation Network Company)* – акроним, закрепившийся в регуляторном дискурсе США; *dynamic pricing / surge pricing* – синонимичные термины, отражающие алгоритмическое ценообразование в режиме реального времени. Последний несёт негативную коннотацию в потребительском дискурсе (*price gouging*), что демонстрирует взаимодействие терминологии и аксиологического пласта языка. Глагольная номинация *to hail a ride* уступает место платформенному *to book / to request*, отражая сдвиг от уличного взаимодействия к цифровому посредничеству. В русской терминологии утвердился калькированный эквивалент райдхейлинг, параллельно функционируют описательные варианты (агрегатор такси, сервис вызова автомобиля), что свидетельствует о незавершённом этапе институционализации термина.

Если корпорации-операторы стремятся использовать эвфемистичную и позитивно окрашенную лексику: *dynamic pricing* (вместо *price gouging* – завышение цен), *flexible workforce* (вместо *precarious gig workers* – незащищенные работники гиг-экономики), *optimization* (оптимизация), то муниципальные регуляторы и СМИ формируют контр-терминологию, акцентирующую внимание на проблемах: *scooter clutter* (скопление самокатов), *sidewalk obstruction* (блокировка тротуаров), *transportation network companies (TNCs)* (строгий юридический термин для Uber/Lyft, подчеркивающий, что это не классическое такси) [10].

Данный дискурсивный конфликт приводит к появлению терминов-синонимов с разной коннотацией, что усложняет задачу переводчика и лексикографа.

Заключение

Проведенный анализ англоязычной терминологии сферы городской мобильности позволяет сделать следующие выводы:

Терминосистема микромобильности и райдшеринга находится на стадии активной стабилизации, для которой характерна высокая продуктивность словосложения и телескопии, что отражает потребность в компактной номинации комплексных технологических процессов.

Когнитивной основой номинации новых концептов выступает концептуальная метафора, опирающаяся на источники из областей гидродинамики, пространственных отношений и повседневного быта.

Наблюдается отчетливая тенденция к размыванию границ между узкоспециальной терминологией и общеупотребительной лексикой (демотизация

терминов), а также наличие прагматической вариативности, зависящей от типа дискурса (корпоративный /регуляторный).

Термины микромобильности и райдхейлинга интегрируются в русский язык преимущественно через прямые заимствования и калькирование, при этом наблюдается постепенное вытеснение описательных эквивалентов в пользу международно узнаваемых форм. Выявленная терминологическая вариативность отражает естественный этап институционализации новой предметной области.

Полученные данные расширяют представления о механизмах развития современной английской терминологии в условиях цифровой трансформации и могут быть применены при составлении англо-русских отраслевых глоссариев, а также в курсах по переводу текстов сферы урбанистики и транспорта.

Список литературы

1. Чжихао Ван. Происхождение и история развитие понятия «Умный город» // Вестник Бурятского государственного университета. – 2024. – № 4. – С. 28-33.
2. Коновалова Т. В., Котенкова И.Н., Сенин И.С. Микромобильность как элемент городского транспорта // International Journal of Advanced Studies: Transport and Information Technologies, Vol. 12. – 2022. – №4. – С. 27-39.
3. Алефиренко Н. Ф. Когнитивно-дискурсивная парадигма языкового знака // Язык. Текст. Дискурс. – 2009. – № 7. – С. 7-17.
4. Дмитриева Е.В., Лебедева С.В. Компьютерная терминология в эпоху цифровизации // XVI Международная научно-практическая электронная конференция «ЯЗЫК. ОБРАЗОВАНИЕ. КУЛЬТУРА», май 2022 — Курск, гос.мед. университет.
https://www.researchgate.net/publication/361639384_KOMPUTERNAA_TERMINOLOGIA_V_EPONU_CIFROVIZACII (дата обращения 10.06.2026 г.)
5. Черникова Е.О., Чернышова Л.А. Специфика функционирования и образования сокращений в транспортной терминологии // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2025. № 01 (117). Режим доступа: <https://scipress.ru/philology/articles/spetsifika-funktsionirovaniya-i-obrazovaniya-sokrashhenij-v-transportnoj-terminologii.html> (Дата обращения: 31.01.2025)
6. Грубин И.В., Дмитриева Е.И., Ишаева О.В., Петренко Т.В. — Структурно-семантический анализ английских метафор в автомобильной, авиационной и морской терминологии // Litera. – 2021. – № 5. DOI: 10.25136/2409-8698.2021.5.35671 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35671 (дата обращения 11.06.2026 г.)

Список источников

7. National Association of City Transportation Officials (NACTO). Shared Micromobility in the U.S.: 2024. – URL: <https://nacto.org/shared-micromobility-2024/> (дата обращения: 15.05.2026).
8. URL: <https://techcrunch.com/> (дата обращения 13.05.2026 г.)
9. URL: <https://wayback.archiveit.org/12090/20190928021349/https://ec.europa.eu/inea/en/horizon-2020/projects/h2020-transport/urban-mobility/citylab> (дата обращения 13.05.2026 г.)
10. Valentini O., Maggi E. E-scooter as an innovation in the urban environment: regulations and policies for a sustainable and fair mobility transition // AISRe - Italian Association of Regional Sciences XLIII Annual Scientific Conference, 5-7 Sep 2022 — Milan (Italy). https://www.researchgate.net/publication/360977663_E-scooter_as_an_innovation_in_the_urban_environment_regulations_and_policies_for_a_sustainable_and_fair_mobility_transition (дата обращения 10.06.2026 г.)

Дата публикации 14.06.2026

УДК 81'255

Балуян С.Р., Жолобова К.С. Сопоставительный анализ стратегий передачи авторских метафор в человеческом и машинном переводе

Балуян Светлана Размиковна

профессор кафедры лингвистического образования
Южный федеральный университет, РФ, г. Таганрог
SPIN-код: 2135-1306; AuthorID: 268287
baluyans@sfedu.ru

Жолобова Ксения Сергеевна

студентка кафедры лингвистического образования
Южный федеральный университет, РФ, г. Таганрог
kzholobova@sfedu.ru

Comparative Analysis of the Strategies for Author's Metaphors Transferring in Human and Machine Translation

Baluyan Svetlana Razmikovna

Professor of the Department of Linguistic Education, Southern Federal University
Taganrog, Russian Federation

Zholobova Ksenia Sergeyevna

Student of the Department of Linguistic Education, Southern Federal University
Taganrog, Russian Federation

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному анализу стратегий передачи авторских метафор в человеческом и машинном переводе. Цель исследования состоит в оценке возможностей использования машинного перевода для передачи авторских метафор на современном этапе. Актуальность темы обусловлена постоянным развитием машинного перевода, значимостью авторской метафоры для индивидуального авторского стиля и сложностями передачи такой метафоры средствами другого языка. Научная новизна исследования заключается в сравнении стратегий человеческого и машинного перевода на примере авторских метафор. В статье приводится определение авторской метафоры, описываются основные стратегии ее перевода. Сравниваются переводы авторских метафор в романе Э. Пэтчетт "The Dutch House", выполненные переводчиком-человеком и сервисом «Яндекс Переводчик». Исследование показало, что основной стратегией перевода авторских метафор в обоих случаях является сохранение исходного образа. Однако человеческий перевод характеризуется большей гибкостью и точностью в воссоздании нужного художественного эффекта.

Ключевые слова: метафора, авторская метафора, перевод авторских метафор, машинный перевод, стратегия перевода.

Abstract. The article is devoted to the comparative analysis of the strategies for authors metaphors transferring in human and machine translation. The purpose of the study is to assess the possibilities of using machine translation to convey authors metaphors at

the current stage. The relevance of the topic is due to the constant development of machine translation, the significance of the authors metaphor for the individual authors style, and the difficulties of conveying such a metaphor through another language. The scientific novelty of the study lies in comparing the strategies of human and machine translation using the example of authors metaphors. In the article, the definition of the authors metaphor is given, and the main strategies for its translation are described. The translations of the authors metaphors in A. Patchett novel "The Dutch House" by a human translator and the "Yandex Translator" service are compared. The study revealed that the main strategy for translating authors metaphors in both cases is to preserve the original image. However, human translation is characterized by greater flexibility and accuracy in recreating the desired artistic effect.

Keywords: metaphor, author's metaphor, translation of author's metaphors, machine translation, translation strategy.

Современные технологии продолжают совершенствоваться и все чаще применяются для передачи на другой язык различных типов текстов. В связи с этим постоянно встает вопрос об эффективности этих технологий и возможности замены машинным переводом работы переводчика-человека. Наиболее сложным видом перевода выступает художественный перевод, понимаемый не только как передача художественного текста с одного языка на другой [8, с. 414; 9, с. 246], но и как «вид литературного творчества, в процессе которого произведение, существующее на одном языке, пересоздается на другом» [1, с. 215].

Одним из выразительных приемов, требующих особого внимания при переводе художественных текстов, выступает авторская метафора, для понимания сущности которой необходимо, прежде всего, дать определение понятию метафоры.

Термин «метафора» не имеет единого толкования в языкознании. Под ним может подразумеваться: стилистический прием, основанный на употреблении номинации одного объекта в отношении другого объекта [2, с. 448]; употребление слова в переносном смысле на основании существующего между предметами или явлениями сходства [10, с. 176]; образное замещение семантики слова, мотивированное общим свойством у сопоставляемых объектов [3, с. 12].

Выше приведены лишь немногие из разнообразных трактовок. В настоящем исследовании решено считать, что метафора есть инструмент создания образности, реализуемый за счет присвоения одному объекту номинации другого объекта на основании наличия у этих объектов общей характеристики.

Любая метафора образна, однако не все виды метафор в художественном тексте оказывают на читателя одинаково сильный эффект. Особая художественная яркость и выразительность свойственна авторским метафорам, называемым также

индивидуальными, индивидуально-авторскими, оригинальными или окказиональными [4; 5] метафорами.

Авторская метафора – это метафора, создаваемая автором для единичного употребления в конкретном контексте. Такая метафора за счет эффекта новизны обладает высоким уровнем художественной образности и противопоставляется стертой или банальной метафоре, образность которой притуплена в связи с ее привычностью для носителей языка [5, с. 203]. Согласно утверждению Н.А. Мишанкиной, именно авторская метафора несет в себе «неповторимость мировидения писателя и специфику индивидуального преломления какой-либо коллективной метафорической модели» [6, с. 35].

Представляется очевидным, что передача авторских метафор при переводе требует особого внимания. С одной стороны, образность таких метафор необходимо сохранить как значимый элемент индивидуального авторского стиля и художественного колорита конкретного литературного произведения. С другой стороны, их передача может быть затруднена в связи с расхождениями во взаимодействующих в ходе перевода языках и культурах, а также в характере восприятия номинаций определенных объектов и явлений носителями разных языков.

В современной теории перевода выделяются различные стратегии, методы и приемы передачи метафор в целом и авторских метафор в частности. Наиболее значимыми среди них представляются три стратегии, а именно:

1) перевод с сохранением исходного метафорического образа, который может сопровождаться применением различных переводческих приемов и трансформаций, необходимых для конкретного случая, но не затрагивающих сам образ;

2) перевод с заменой образа, при котором исходная авторская метафора заменяется другой метафорой, более подходящей для восприятия носителями языка перевода;

3) демегафоризация, позволяющая сохранить смысл высказывания, но приводящая к утрате выразительного средства и его художественной образности [7, с. 75].

Необходимость выбора наиболее подходящей стратегии перевода для авторских метафор неизбежно ставит под сомнение возможность их успешной передачи при машинном переводе.

Сопоставительный анализ стратегий передачи авторских метафор при человеческом и машинном переводе решено было провести на примере популярного

романа “The Dutch House” («Голландский дом») современной американской писательницы Энн Пэтчетт [11]. В ходе исследования сравнивались способы передачи авторских метафор в варианте перевода С. Кумыша [12] и в переводе отрывков текста с авторскими метафорами, выполненном при помощи сервиса «Яндекс Переводчик» [13]. Было обнаружено, что во многих случаях в человеческом и машинном переводе используются совпадающие стратегии передачи авторских метафор. Некоторые примеры таких совпадений представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Совпадение стратегий

Оригинал	Человеческий перевод	Машинный перевод
What I knew was that you had to touch a hot stove only once.	Но я точно знал, что к горячей плите прикасаешься лишь однажды.	Что я знал, так это то, что к горячей плите нужно прикасаться только один раз.
After her first appearance at the Dutch House, Andrea lingered like a virus.	После своего первого появления в Голландском доме Андреа распространилась, словно вирус.	После своего первого появления в голландском доме Андреа распространилась по всему миру, как вирус.
She was turning into a ghost.	Она превращалась в призрак.	Она превращалась в привидение.
In return they followed her through the house like a pair of worshipful cocker spaniels.	А они ходили за ней по дому, как парочка подбострастных кокер-спаниелей.	В ответ они ходили за ней по дому, как пара преданных кокер-спаниелей.
Champagne was just a loaded gun as far as Sandy and Jocelyn were concerned.	Для Сэнди и Джослин бутылка с шампанским была чем-то вроде заряженного пистолета.	Для Сэнди и Джослин шампанское было всего лишь заряженным пистолетом.

Основной стратегией перевода авторских метафор в человеческом и машинном переводе является сохранение исходного образа. Так, метафора *turning into a ghost* передается на русский язык С. Кумышем как *превращалась в призрак*, а сервисом «Яндекс Переводчик» как *превращалась в привидение*. Метафорическое сопоставление болезненного состояния с превращением в призрака воспроизводится в обоих вариантах. Аналогичным образом в человеческом и машинном переводе сохраняется в двух вариантах передачи метафорического сравнения детей с кокер-спаниелями. Однако некоторые различия наблюдаются в передаче отдельных элементов метафоры. Так, в обороте *like a pair of worshipful cocker spaniels* единица *pair* передается переводчиком-человеком как *парочка*, а в машинном переводе, как *пара*. Единица *worshipful* переводится человеком как *подбострастных*, а в машинном переводе как *преданных*. В результате метафора в переводе, выполненном человеком, приобретает большую выразительность. В некоторых случаях наблюдается частичная трансформация образа, совпадающая в человеческом и машинном переводах. Например, в метафоре *Andrea lingered like a virus* единица

lingered (задержалась, затянулась) передается в обоих вариантах как *распространилась*. Однако в машинном переводе используется более развернутый вариант: *распространилась по всему миру*. Такой развернутый вариант не соответствует контексту произведения: речь идет о вторжении женщины в отдельно взятый дом и жизнь конкретной семьи, а не о ее влиянии на целый мир.

Несовпадения в стратегиях человеческого и машинного перевода авторских метафор также имеют место. Некоторые примеры представлены в Таблице 2.

Таблица 2. Несовпадение стратегий

Оригинал	Человеческий перевод	Машинный перевод
Bit by bit the land was shaved away from the house.	Землю отстригали от дома по клочку.	Мало-помалу земля была отрезана от дома.
Just when she'd reach the point of being truly intolerable, she'd disappear again, and the relief would wash over Maeve and me (and, we had assumed, our father) with its glorious silence .	Достигнув предела возможностей нашего терпения, она исчезала вновь, и нас с Мэйв (да и отца, как мы полагали) омывало волной восхитительной тишины .	Как раз в тот момент, когда она становилась по-настоящему невыносимой, она снова исчезала, и нас с Мэйв (и, как мы предполагали, нашего отца) охватывало облегчение от этой восхитительной тишины .
Maeve was an Icelandic truck driver at heart , no weather stopped her, but I had recently gotten off a train and was tired and cold.	В душе Мэйв была исландским дальнбойщиком – никакая погода ей не помеха, – но я был только с поезда, я устал и замерз.	Мэйв в душе была исландским водителем грузовика , и никакая погода ее не останавливала, но я недавно сошел с поезда, устал и замерз.
When I was a boy, I thought of the trunk as a sort of magic chest – pliers, clamps, hammers, screwdrivers, caulk, nails – everything was there.	В детстве багажник представлялся мне этаким сказочным сундуком : плоскогубцы, хомутики, молотки, отвертки, герметик, гвозди – чего там только не было!	Когда я был мальчиком, я думал о сундуке как о чем-то вроде волшебного сундучка : плоскогубцы, зажимы, молотки, отвертки, шпаклевка, гвозди – там было все.
They had all become characters in the worst part of a fairy tale.	Все они стали персонажами худшей сказки из возможных.	Все они стали персонажами худшей части волшебной сказки.

Как видно из Таблицы 2, в человеческом и машинном переводах авторских метафор можно выделить следующие виды несовпадений.

1. В человеческом переводе исходный образ сохраняется, а в машинном – ослабевает или утрачивается. Например, метафора *shaved away*, образно описывающая постепенное отчуждение земель от домовладения, в человеческом переводе передается с сохранением образа как *отстригали*, а в машинном переводе с ослаблением образа как *была отрезана*. Метафора *the relief would wash over ... with its glorious silence* переводится в выполненном человеком варианте с сохранением образа и выразительности как *омывало волной восхитительной тишины*. В машинном переводе используется семантическая передача *охватывало облегчение*

от этой восхитительной тишины. Исходный образ утрачивается, а выразительность ослабевает.

2. В человеческом переводе производится незначительная трансформация исходного образа, в то время как в машинном переводе образ полностью сохраняется. Однако в последнем случае художественный эффект метафоры может ослабевать. Так, метафора *an Icelandic truck driver at heart* передается в человеческом переводе как *в душе ... была исландским дальнбойщиком*. Перевод словосочетания *truck driver* единицей *дальнбойщик* позволяет сохранить яркость метафоры для русскоязычного читателя при минимальной трансформации образа: более широкое значение *водитель грузовика* заменяется более узким. В машинном переводе используется прямой перевод метафоры: *в душе была исландским водителем грузовика*. Исходный образ сохраняется, но его выразительность для русскоязычного читателя ослабевает.

В других случаях при незначительной трансформации образа в человеческом переводе и его полном сохранении в машинном переводе оба варианта являются в равной степени выразительными. Например, при переводе метафоры *a sort of magic chest* элемент *magic* в созданном человеком варианте передается как *сказочный*. В машинном переводе сохраняется вариант *волшебный*. При этом обе переводные метафоры *этаким сказочным сундуком* и *вроде волшебного сундучка* сохраняют исходную выразительность.

Проведенное исследование показало, что основной стратегией передачи авторских метафор в человеческом и машинном переводе является сохранение исходного образа. Для перевода, выполненного человеком, также характерна частичная трансформация исходного образа в случаях, когда это необходимо для воссоздания нужного художественного эффекта для реципиента переводного текста. В машинном переводе встречается семантический перевод авторских метафор, сопровождаемый деметафоризацией, а также утрата части выразительности при прямой передаче метафор.

Осуществленный анализ позволяет заключить, что, несмотря на постоянное совершенствование систем машинного перевода, преимущество остается за переводами, выполненными человеком. Переводчик-человек способен проявлять гибкость в выборе стратегий и их вариаций для создания нужного эффекта, что приобретает особую важность при работе с художественными текстами в целом и авторскими метафорами в частности.

Список литературы

1. Базылев В.Н. Художественный перевод // Основные понятия переводоведения (отечественный опыт). – 2010. – С. 214–217.
2. Алиева Г.С., Асоров С.Н. Метафора как стилистическое средство // Endless light in science. – 2023. – С. 447–452.
3. Ван Ц. Текстобразующие механизмы концептуальной метафоры в языке СМИ: монография. – Москва: НИИ ИЭП, 2022. – 197 с.
4. Рябых Е.Б. Индивидуально-авторская метафора в немецком языке: когнитивный аспект: монография. – Тамбов: Державинский, 2023. – 240 с.
5. Салдыга В.О. К вопросу об индивидуально-авторской метафоре // Актуальные вопросы перевода, лингвистики, истории литературы и фольклора: сборник статей XI Международной научной конференции молодых ученых (Екатеринбург, 10 февраля 2023 г.). – Екатеринбург: Издательство УМЦ-УПИ, 2023. – С. 203–207.
6. Мишанкина Н.А. К вопросу о метафоре звучания в поэзии И. Бродского // Ветник ТГПУ, сер. Гуманитарные науки (филология). – 2004. – № 1. – С. 34–37.
7. Куниловская М.А. Авторская метафора как объект перевода // Lingua mobilis. – 2010. – № 4 (23). – С. 73–81.

Список источников

8. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. – М.: ЭТС, 2004. – 424 с.
9. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. – М.: Флинта, 2025. – 320 с.
10. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Справочник по русскому языку. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М.: Мир и Образование, 2022. – 624 с.
11. Patchett A. The Dutch House. – URL: <https://liteka.ru/english/library/7595-the-dutch-house#3> (дата обращения: 20.05.2026).
12. Пэтчетт Э. Голландский дом / пер. с англ. С. Кумыш. – URL: <https://mybook.ru/author/enn-petchett/gollandskij-dom/read/> (дата обращения: 20.05.2026).
13. Яндекс Переводчик. – URL: https://translate.yandex.ru/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 20.05.2026).

Дата публикации 09.06.2026

УДК 81'25

**Губкина Д.А., Тетерятникова В.А., Федорова И. В., Анахина С.П.
Имплицитность в заголовках и способы ее передачи при переводе**

Губкина Дарья Андреевна

Студент, Южный федеральный университет

Тетерятникова Виолетта Алексеевна

Студент, Южный федеральный университет

Федорова Ирина Владимировна

Студент, Южный федеральный университет

Анахина Софья Павловна

Студент, Южный федеральный университет

Implicitness in Headlines and Methods of Conveying it in Translation

Gubkina Daria Andreevna

Student, Southern Federal University

Teteryatnikova Violetta Alekseevna

Student, Southern Federal University

Fedorova Irina Vladimirovna

Student, Southern Federal University

Anakhina Sofia Pavlovna

Student, Southern Federal University

Аннотация. В статье рассматривается феномен имплицитности в газетных заголовках как один из ключевых инструментов воздействия на реципиента в современной англоязычной прессе. Цель исследования заключается в анализе природы скрытых смыслов в медиатекстах и выявлении наиболее эффективных переводческих стратегий их передачи в иноязычную среду. На материале англоязычной прессы авторы классифицируют основные типы имплицитности (аллюзии, игру слов, культурно-специфические реалии, грамматические и синтаксические конструкции) и подробно рассматривают приемы их трансляции. Делается вывод о том, что выбор переводческой трансформации определяется прагматической задачей достижения функциональной эквивалентности и сохранения воздействия заголовка на нового адресата.

Ключевые слова: газетный заголовок, имплицитность, скрытые смыслы, медиатекст, переводческие стратегии, экспликация, имплицирование, аллюзия, игра слов, функциональная эквивалентность, прагматический потенциал.

Abstract. The article examines the phenomenon of implicitness in newspaper headlines as a key pragmatic tool for impacting the recipient in contemporary English-

language media. The aim of the study is to analyze the nature of implicit meanings in media texts and to identify the most effective translation strategies for conveying them into a foreign-language environment. Based on the material of English-language press, the authors classify the main types of implicitness (allusions, wordplay, culture-specific realia, and grammatical and syntactic constructions) and provide a detailed analysis of the techniques used for their translation. It is concluded that the choice of a specific translation transformation is determined by the pragmatic goal of achieving functional equivalence and preserving the headline's potential impact on the target audience.

Keywords: newspaper headline, implicitness, implicit meanings, media text, translation strategies, explication, implicature, allusion, wordplay, functional equivalence, pragmatic potential.

В современном информационном обществе средства массовой информации выступают не просто каналом передачи данных, но и мощным инструментом формирования картины мира. Квинтэссенцией любого медиатекста является заголовок — первое, что видит читатель, и то, что определяет, откроет ли он статью или пролистает дальше. Именно заголовок принимает на себя роль основного источника информации и воздействующего элемента.

Особый интерес в рамках лингвистики и теории перевода представляет феномен имплицитности в заголовках — способности заголовка содержать скрытые смыслы, не выраженные прямо, но легко считываемые носителем языка и культуры. Как отмечают исследователи, «трансляция заголовков на другой язык и, соответственно, в иную лингвокультурную среду, является достаточно сложным и многоаспектным явлением» [1]. Это связано с тем, что имплицитные смыслы, понятные англоязычному читателю, могут оказаться совершенно недоступными для русскоязычной аудитории без специальной адаптации.

Цель настоящей статьи — рассмотреть природу имплицитности в заголовках англоязычной прессы, а также проанализировать способы передачи таких смыслов при переводе. Особое внимание будет уделено переводческим стратегиям, позволяющим сохранить воздействующий потенциал заголовка при смене языкового и культурного кода.

Обзор предыдущих исследований по теме

Проблематика перевода заголовков привлекает внимание исследователей на протяжении нескольких десятилетий. В работе В. Ю. Варзавповой рассматриваются синтаксические, семантические и прагматические особенности сетевого англоязычного медиатекста [2]. В научной литературе сложилось несколько ключевых подходов к определению самого феномена заголовка. Одни ученые рассматривают его как «целостную единицу речи, являющуюся неотъемлемой частью

текста» [3], другие подчеркивают его автосемантическую — способность существовать и функционировать относительно независимо от основного текста [4].

В области перевода медиатекстов особого внимания заслуживают работы, посвященные передаче интертекстуальных и культурно-обусловленных элементов. Аллюзивные заголовки, составляющие значительную часть имплицитных смыслов, стали предметом анализа в исследовании А. В. Крассы [5]. Автор выделяет три основные проблемы, с которыми сталкивается переводчик: распознавание аллюзии (ее имплицитная природа затрудняет идентификацию), культурная обусловленность (отсылки к «местным» реалиям непонятны иноязычному реципиенту), а также необходимость сохранения стилистических и прагматических характеристик оригинала в условиях ограниченного пространства заголовка.

Н. В. Тимко вносит важный вклад в понимание переводческих стратегий при работе с англоязычными заголовками. Исследовательница вводит ключевое для нашей темы различие двух типов культурно-прагматической адаптации: стратегии экспликации (раскрытие, прояснение исходного содержания) и стратегии имплицирования (сознательное нивелирование или сокрытие некоторых элементов) [1]. Сходную проблему преодоления культурных барьеров рассматривает Н. В. Тимко в исследовании переводов заголовков медиаресурсов на тему Covid-19, где подчеркивается необходимость соотнесения исходной экспрессии с нормами и ожиданиями целевой аудитории [6].

Важно отметить, что выбор между этими стратегиями зависит от конкретной коммуникативной задачи и ожиданий целевой аудитории. Как подчеркивает Н. В. Тимко, при осуществлении перевода заголовков «мы исходим из необходимости обеспечить эквивалентность потенциальных реакций читателей исходного заголовка и читателей переведенного заголовка». Эта установка на функциональную эквивалентность становится ключевым принципом передачи имплицитных смыслов.

Дополнительные наблюдения по вопросам межкультурной адаптации переводов заголовков представлены и в работе Н. В. Тимко [6], где показано, что успешность передачи зависит не от буквального воспроизведения формы, а от сохранения коммуникативного эффекта и культурной узнаваемости для адресата.

В статье О. Г. Мельник рассматриваются лингвистические и культурные особенности заголовков англоязычных газет. Анализируются морфологические, семантические и синтаксические характеристики, которые позволяют говорить о различиях между языком заголовков и языком журналистского стиля в целом. Автор считает, что заголовки являются важной частью медиатекста, так как они обобщают

информацию всей статьи и являются важнейшим сигналом, позволяющим читателю сделать вывод о необходимости прочтения данной новостной информации. Газетный заголовок — это форма письменной речи, требующая дополнительных культурных знаний для правильной интерпретации заложенного в нем смысла. В статье особое внимание уделяется таким особенностям, как подбор слов и грамматических конструкций, которые позволяют авторам манипулировать сознанием читателей с целью привлечения внимания [7].

Особенности перевода имплицитных смыслов в заголовках

Передача имплицитных смыслов при переводе заголовков представляет собой комплексную задачу, требующую от переводчика не только языковой компетенции, но и глубокого понимания культурного контекста. Рассмотрим основные типы имплицитности и соответствующие способы их передачи.

1. Аллюзии как основной источник имплицитности

Наиболее частым носителем скрытых смыслов в заголовках выступает аллюзия — стилистический прием, основанный на отсылке к прецедентному феномену (литературному, историческому, культурному или политическому). Проблема заключается в том, что аллюзия рассчитана на «компетентного, эрудированного читателя», то есть на того, кто разделяет фоновые знания автора.

Английские и американские издания активно используют аллюзии разного типа. В британской прессе преобладают отсылки к классическому литературному и библейскому наследию — например, *Deal or no deal* (вариация на тему шекспировского «Быть или не быть»). В американских СМИ чаще встречаются политически окрашенные аллюзии, вроде *Making Russia great again* — отсылки к предвыборному лозунгу Дональда Трампа.

Для перевода таких заголовков используется несколько стратегий. Подбор функционального аналога позволяет найти в русском языке устойчивое выражение, которое передает ту же иллокутивную силу. Так, заголовок *Four better, four worse* (игра слов на основе брачной клятвы «for better and for worse») был переведен как «Одним мужем больше, одним меньше...», что передает ироничный тон оригинала без буквального калькирования.

В случаях, когда аллюзия не имеет аналога в принимающей культуре, переводчики прибегают к эксплицитному переводу — раскрытию смысла прямыми средствами. Например, библейское *The writing on the wall* (предзнаменование беды) в

заголовке о Брексите было переведено как «крах», поскольку сохранение метафоры потребовало бы громоздкого комментария, невозможного в формате заголовка.

He has the patience of Job. У него терпение Иова. (перевод авторов статьи)

Daily Mail, 01.06.2026

She felt like Cinderella at the ball. Она чувствовала себя Золушкой на балу. (перевод авторов статьи)

Guardian, 28.05.2026

2. Игра слов и многозначность

Другим распространенным источником имплицитности является намеренная двусмысленность. Как показывают наблюдения О. К. Мжельской [8], заголовки с эффектом неоднозначности чаще встречаются в русскоязычных СМИ, однако и в англоязычной прессе этот прием активно используется для выполнения рекламно-прагматической функции — привлечения внимания читателя.

Перевод игры слов — задача, часто признаваемая «непереводимой» в теории. На практике используются приемы компенсации: если каламбур на основе английской омонимии невозможно воспроизвести, переводчик создает новый, основанный на средствах русского языка, либо отказывается от стилистического приема в пользу ясности.

I'm reading a book about antiagrams. It's pretty neat — it's anagrams all the way through! Я читаю книгу про анаграммы. Довольно круто — там одни анаграммы! (перевод авторов статьи)

New Scientist, 22.05.2026

Time flies like an arrow. Fruit flies like a banana. Время летит стрелой. А мухи слетаются на банан. (перевод авторов статьи)

Daily Mail, 01.06.2026

3. Культурно-специфические реалии

Значительный пласт имплицитных смыслов связан с реалиями — предметами и явлениями, характерными исключительно для исходной культуры. Как отмечает Н. В. Тимко, переводческая ориентация на «коммуникативный потенциал русскоязычного адресата» требует в одних случаях экспликации (разъяснения реалии), а в других — нивелирования (замены на нейтральный или более знакомый аналог) [6].

Конкретизация становится эффективным приемом, когда английское слово с широкой семантикой требует более точной передачи на русском языке: Stuck in the

minor leagues — «Застрявшие в низшей лиге». Генерализация, напротив, применяется реже, в основном при переводе с русского на английский.

We went to a county fair last weekend. На прошлых выходных мы ходили на окружную ярмарку. (перевод авторов статьи)

Wall Street Journal, 17.05.2026

She brought a casserole to the potluck dinner. Она принесла запеканку на общий ужин. (перевод авторов статьи)

Guardian, 28.05.2026

4. Грамматическая и синтаксическая имплицитность

На уровне грамматики имплицитность может создаваться за счет эллиптических конструкций, нетипичного порядка слов или опущения обязательных в языке перевода элементов. При переводе на русский язык часто требуется добавление лексических единиц, отсутствующих в оригинале.

She can play the piano better than he (can play the piano). Она играет на пианино лучше, чем он. (перевод авторов статьи)

Daily Mail, 01.06.2026

Some people like coffee; others (like) tea. Одни люди любят кофе, другие — чай. (перевод авторов статьи)

Guardian, 28.05.2026

Заключение

Имплицитность в заголовках англоязычной прессы представляет собой многогранное явление, включающее аллюзии, игру слов, культурные реалии и грамматические особенности. Передача этих скрытых смыслов при переводе требует от специалиста не только лингвистической точности, но и глубокой культурной компетенции.

Как показал анализ научной литературы, основными стратегиями работы с имплицитными заголовками выступают экспликация (раскрытие, прояснение смысла) и имплицирование (сознательное нивелирование или замена). Выбор между ними определяется прагматической задачей — обеспечить эквивалентность восприятия исходного и переводного текста разными аудиториями.

Конкретные приемы перевода включают подбор функциональных аналогов, конкретизацию, генерализацию, добавление, опущение и различные виды замен. Успешность перевода имплицитного заголовка измеряется не степенью буквальности, а тем, насколько точно удастся воспроизвести его воздействующую

функцию — заинтриговать, привлечь внимание, вызвать эмоциональный отклик у новой аудитории.

В эпоху глобализации и стремительного распространения информации умение корректно передавать имплицитные смыслы медиазаголовков становится не просто академической задачей, а насущной потребностью межкультурной коммуникации. Дальнейшие исследования в этой области могли бы быть посвящены сравнительному анализу способов передачи имплицитности при переводе с русского на английский язык, а также изучению восприятия адаптированных заголовков целевой аудиторией.

Список литературы

1. Тимко Н. В. Стратегии экспликации и имплицирования при переводе заголовков статей СМИ с английского языка на русский // Известия ВГПУ. 2021. №1 (154). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-eksplikatsii-i-implitsirovaniya-pri-perevode-zagolovkov-statey-smi-s-angliyskogo-yazyka-na-russkiy> (дата обращения: 31.05.2026).
2. Варзавпова В. Ю. Заголовок сетевого англоязычного медиатекста: синтаксис, семантика, прагматика // Современное педагогическое образование. 2023. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zagolovok-setevogo-angloyazychnogo-mediateksta-sintaksis-semantika-pragmatika> (дата обращения: 31.05.2026).
3. Кожина Н. А. Заглавие художественного произведения: структура, функции, типология (на материале русской прозы XIX–XX вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986. 26 с.
4. Лазарева Э. А. Заголовок в газете: учеб. пособие для студентов и журналистов / Э. А. Лазарева. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 96 с.
5. Красса А. В. Особенности аллюзивных заголовков британских СМИ и их передача на русский язык // Студенческий вестник: электрон. научн. журн. 2020. № 13(111). URL: <https://www.internauka.org/journal/stud/herald/111> (дата обращения: 31.05.2026).
6. Тимко Н. В. Механизмы преодоления культурных барьеров при переводе заголовков публикаций медиаресурсов на тему Covid-19 (на материале переводов на русский язык заголовков статей медиаресурсов Великобритании и США). Российские исследования. 2021;2(2):96–104.
7. Мельник О. Г. Заголовки английских газет как лингвокультурный феномен // Язык & культура: межкультурная антропология: материалы международной научной конференции, посвященной 50-летию кафедры русского языка для иностранных учащихся ЮФУ (22–25 марта 2017 года). – Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета. 2017. – 192 с. С. 66.
8. Мжельская О. К. Средства создания двусмысленности газетного заголовка // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2019. №2 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-sozdaniya-dvusmyslennosti-gazetnogo-zagolovka> (дата обращения: 31.05.2026).

Дата публикации 01.06.2026

УДК 811.112.2'342

Дзахова В.Т., Хабиева А.А. Особенности интонации сложноподчиненных предложений в немецкой речи

Дзахова Вероника Тамбиевна

доктор филол. наук, профессор кафедры романо-германских языков
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л.Хетагурова
РФ, г.Влаикавказ
tambi69@mail.ru

Хабиева Анна Алановна

студентка кафедры романо-германских языков
Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова
РФ, г. Владикавказ
khabiyeva.a@bk.ru

Features of intonation in complex sentences in German speech

Dzakhova Veronika Tambievna

Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Romance and Germanic Languages, K.L. Khetagurov North Ossetian State University
Vladikavkaz, Russian Federation

Khabiyeva Anna Alanovna

Student, Department of Romance and Germanic Languages
K.L. Khetagurov North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russian Federation

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей интонации сложноподчинённых предложений в современной немецкой речи. Материалом анализа выступили аудиозаписи живой разговорной речи носителей немецкого литературного языка. Особое внимание уделяется роли интонации в передаче смысловых и грамматических связей между частями сложноподчинённых предложений. Исследование способствует более глубокому пониманию механизмов интонационного оформления синтаксических конструкций немецкого языка. Результаты проведенного анализа подтверждают, что степень связности частей сложноподчиненного предложения в устной речи обеспечивается движением тона, паузами, темпом речи. В частности, ведущим компонентом интонации является мелодика, поскольку именно она в наибольшей степени определяет коммуникативный тип предложения, выражает степень завершенности или незавершенности высказывания и способствует передаче эмоционально-модальных оттенков. Анализ особенностей интонации сложноподчиненных предложений позволил сделать вывод о том, что в немецком языке основным средством связи между частями сложного предложения является мелодика незавершенности в неконечной части. Независимо от позиции главной и придаточной части, все синтагмы, кроме последней, как правило, оформляются незавершенной мелодикой, что служит сигналом продолжения высказывания. Чаще всего в немецком языке в сложноподчиненных предложениях придаточное предложение стоит после главного предложения, т.е. в постпозиции, и

отделяется паузой. В конце начальной части независимо от того, какая часть предложения стоит в ней (придаточное или главное предложение), тон, как правило, повышается, что свидетельствует о незаконченности предложения. Но в случаях, когда придаточное стоит в интерпозиции (придаточное находится внутри главного предложения, разбивая его на две части), тогда тон в конце начальной части, т.е. в конце первой части главного предложения перед придаточным, повышается, а после придаточного во второй части главного предложения тон в конце падает, что является показателем конца предложения.

Ключевые слова: интонация; сложноподчинённое предложение; немецкий язык; мелодика; ударение; темп; пауза.

Abstract. The article is devoted to the study of the intonation features of compound sentences in modern German speech. The material of the analysis was audio recordings of live spoken speech of native speakers of the German literary language. Special attention is paid to the role of intonation in conveying semantic and grammatical connections between parts of complex sentences. The results obtained contribute to a deeper understanding of the mechanisms of intonation design of syntactic constructions of the German language. The results obtained confirm that the degree of coherence of the parts of a complex sentence in oral speech is provided by the movement of tone, pauses, and tempo of speech. In particular, the leading component of intonation is melodic, since it is she who most determines the communicative type of the sentence, expresses the degree of completeness or incompleteness of the utterance and contributes to the transmission of emotional modal shades. An analysis of the intonation features of complex sentences led to the conclusion that in German the main means of communication between the parts of a complex sentence is the melody of incompleteness in the non-finite part. Regardless of the position of the main and subordinate parts, all syntagmas, except the last one, are usually formed with an incomplete melody, which serves as a signal for the continuation of the utterance. Most often in German, in compound sentences, the subordinate clause stands after the main sentence, i.e. in postposition, and is separated by a pause. At the end of the initial part, regardless of which part of the sentence is in it (subordinate or main sentence), the tone usually rises, which indicates that the sentence is incomplete. But in cases where the subordinate clause is in interposition (the subordinate clause is inside the main sentence, dividing it into two parts), then the tone at the end of the initial part, i.e. at the end of the first part of the main sentence before the subordinate clause, rises, and after the subordinate clause in the second part of the main sentence, the tone at the end falls, which is an indicator of the end offers.

Keywords: intonation; complex sentence; German language; melody; stress; tempo; pause.

Интонация является неотъемлемой частью устной речи, обеспечивающей ее выразительность, структурную целостность и семантическую точность. В современной лингвистике наблюдается устойчивый интерес к просодической организации высказывания, что подтверждается появлением новых экспериментальных работ по фонетике немецкого языка [1; 2; 3]. Особое внимание исследователей привлекает интонационное оформление сложных синтаксических конструкций, поскольку именно в них наиболее отчётливо проявляется взаимодействие грамматических и просодических средств [4, с. 112-115]. В немецком

языке, где порядок слов в сложноподчинённом предложении жёстко регламентирован, интонация выступает дополнительным, а в некоторых контекстах — ведущим средством разграничения главной и придаточной частей. Несмотря на наличие классических трудов по немецкой фонетике, многие аспекты интонационного оформления сложноподчинённых предложений в спонтанной устной речи остаются недостаточно изученными, что и определяет **актуальность** настоящего исследования.

В немецком языке интонация играет важную роль не только в передаче эмоционального состояния говорящего, но и в оформлении синтаксических конструкций, в частности сложноподчинённых предложений, где она выступает дополнительным средством выражения связей между частями высказывания.

С фонетической точки зрения интонация представляет собой сложное явление, включающее несколько взаимосвязанных компонентов: мелодику, фразовое (синтагматическое) ударение, паузу и темп. Ведущим компонентом является мелодика — изменение высоты основного тона, которое определяет коммуникативный тип высказывания, степень его завершённости и участвует в выражении логических и эмоциональных значений. Мелодика тесно связана с фразовым ударением, которое выделяет смысловой центр предложения, а пауза и темп выполняют функции членения и дополнительного смыслового акцентирования.

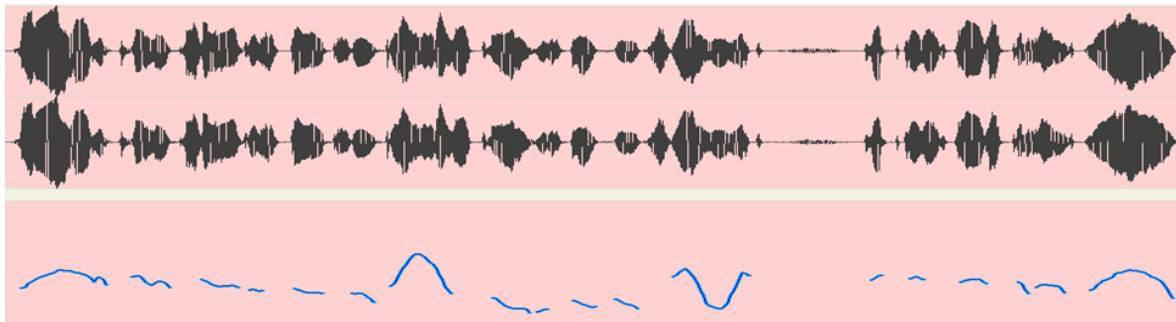
Основным средством интонационного объединения частей выступает мелодика незавершённости в неконечной части высказывания. Как показано в исследовании С.Ю. Богдановой [1, с. 25-27], восходящий тон в немецкой повествовательной речи выполняет не только функцию незавершённости, но и может сигнализировать о смысловой связи между частями высказывания. Это означает, что первая часть предложения (независимо от того, является ли она главной или придаточной) обычно произносится с повышением или сохранением тона, сигнализируя о том, что высказывание ещё не завершено.

Порядок расположения частей сложноподчинённого предложения может быть различным: придаточная часть может предшествовать главной, следовать за ней или находиться внутри главной части. Однако независимо от позиции, все синтагмы, кроме последней, как правило, оформляются мелодикой незавершённости.

Рассмотрим следующее предложение:

Wenn man die Polizei des Deutschen Bundestages noch hinzunimmt, gibt es insgesamt 19 Polizeien in Deutschland.

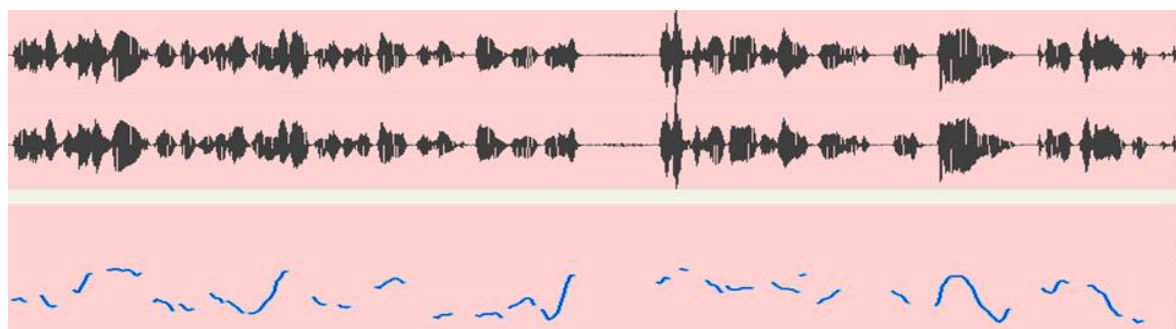
В данном случае придаточная часть в препозиции произносится с повышением тона к концу и достигает 268 Гц, после чего следует краткая пауза - 0,54 мс, отделяющая её от главной части.

Аналогичная интонационная модель наблюдается и при постпозиции придаточного предложения:

Die Verfassung und der föderalistische Staatsaufbau regeln, dass es in Deutschland nicht die eine Polizei gibt.

Здесь главная часть характеризуется восходящей мелодикой в конце – 265 Гц, что указывает на продолжение высказывания и подготавливает восприятие придаточной части.

Таким образом, повышение тона в конце начальной части сложноподчинённого предложения является типичным показателем интонационной незавершённости. Данные аудитивного и инструментального анализа показывают, что частота основного тона в таких позициях стабильно возрастает, а пауза между частями в среднем остаётся краткой, что свидетельствует о тесной смысловой связи между ними.

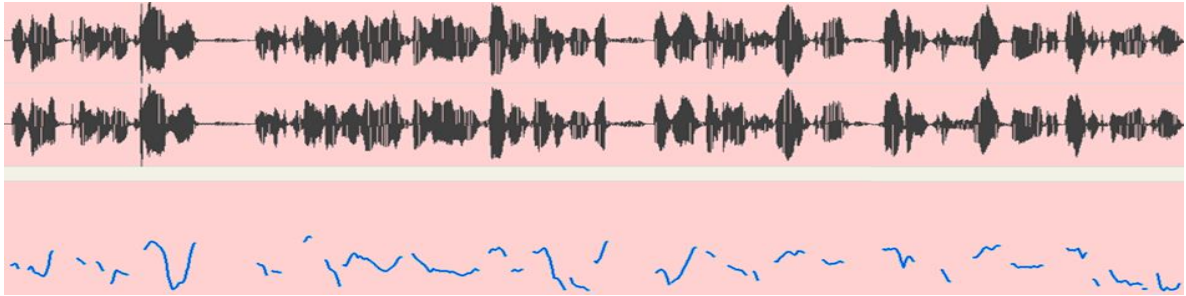
Особый интерес представляют случаи интерпозиции придаточного предложения, когда оно разрывает главную часть:

Die elektrischen Impulse, die sich zwischen diesen Nervenbahnen hin- und herbewegen, erreichen eine Geschwindigkeit von bis zu 400 km/h.

Как отмечает И.С. Гулинова [4, с. 415-416], в немецком языке интерпозитивные придаточные характеризуются наиболее сложным интонационным рисунком: первая часть главного предложения оформляется восходящим тоном, придаточное —

ровным или слабо восходящим, а финальная часть — нисходящим. Полученные в настоящем исследовании данные согласуются с этим наблюдением

В подобных конструкциях первая часть главного предложения перед придаточным оформляется мелодикой незавершённости и составляет 277 Гц, затем следует придаточная часть, также с характерным восходящим движением тона и достигает 263 Гц, а финальная часть главного предложения завершается нисходящей мелодикой, что сигнализирует о завершённости всего высказывания. Пауза перед придаточным равна 0,55 мс, а после придаточного — 0,44 мс.

Несмотря на общую тенденцию к использованию мелодики незавершённости, в ряде случаев наблюдаются отклонения от данной модели. Если коммуникативный центр высказывания сосредоточен в первой части, она может оформляться мелодикой завершённости. При этом связь между частями сохраняется за счёт неполного понижения тона. Подобные случаи встречаются сравнительно редко и чаще всего связаны с особым логическим выделением.

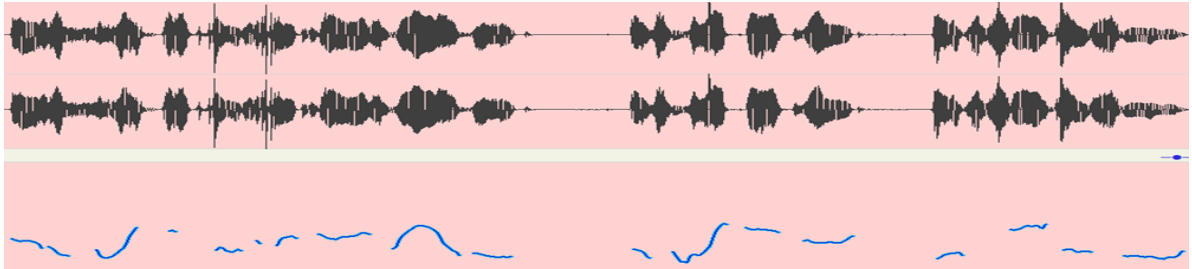
Важным интонационным средством разграничения частей сложноподчинённого предложения является пауза. О.В. Трифонова в своём исследовании паузации в немецкой устной речи [5, с. 100-102] выделяет три типа пауз в зависимости от их длительности и функции: стыковочные (связывающие тесно связанные части), разделительные (маркирующие границы синтагм) и интонационно-смысловые (несущие дополнительную коммуникативную нагрузку). Её длительность напрямую зависит от степени смысловой связанности компонентов: чем теснее связь, тем короче пауза. В анализируемом материале паузы между главной и придаточной частями, как правило, имеют небольшую продолжительность, что подтверждает их тесную синтаксическую и семантическую взаимосвязь.

Фразовое ударение также играет значительную роль в интонационном оформлении сложноподчинённых предложений. Как убедительно показано в работе С.И. Ермоленко [6, с. 70-72], фразовое ударение в немецком языке имеет акустические корреляты (повышение частоты основного тона, увеличение длительности и интенсивности), которые позволяют идентифицировать коммуникативный центр высказывания даже при минимальных синтаксических маркерах. Оно падает на

наиболее значимое слово в синтагме и участвует в распределении смысловых акцентов. Например, в предложении:

Unser Haar ist also ein kleines Wunderwerk, das weit mehr kann als schön aussehen

Тон в начале главного предложения составляет 184 Гц, а в конце достигает 214 Гц. Пауза между главным и придаточным частями предложения составляет 0,58 мс. Наиболее выделенным оказывается слово *Wunderwerk*, что определяет коммуникативный центр высказывания и влияет на общее интонационное оформление.

Темп речи, в свою очередь, выполняет вспомогательную функцию и может варьироваться в зависимости от коммуникативной задачи. О.Н. Морозова [7, с. 92-95] на материале немецкой разговорной речи показывает, что темп не является второстепенным просодическим параметром: его изменения способны дифференцировать смысловые оттенки высказывания (например, замедление при логическом противопоставлении и ускорение при перечислении). Ускорение или замедление темпа используется для выделения отдельных элементов высказывания или для усиления логического противопоставления.

Таким образом, интонация сложноподчинённых предложений в немецком языке представляет собой системное явление, в котором взаимодействуют мелодика, ударение, пауза и темп. Основной закономерностью является использование мелодики незавершённости в неконечной части высказывания, что обеспечивает структурное единство предложения и сигнализирует о продолжении мысли. При этом интонация не определяет тип синтаксической связи, а лишь отражает её наличие и степень, дополняя грамматические средства.

Проведённый анализ показывает, что интонационные характеристики образуют целостную систему, направленную на обеспечение коммуникативной выразительности речи. Как подчёркивает Т.А. Сергеева [8, с. 48-50], формирование навыков интонационного оформления сложноподчинённых предложений является одной из наиболее сложных задач при обучении немецкому языку, поскольку в родном языке учащихся могут отсутствовать аналогичные просодические модели. Их правильное использование способствует более точной передаче смысловых

отношений между частями высказывания и играет важную роль в формировании навыков устной речи на немецком языке.

Список литературы

1. Богданова С.Ю. Функциональная нагрузка восходящего тона в немецком повествовательном высказывании // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. № 5 (869). С. 23-29.
2. Кузнецова И.Н., Соколова Е.В. Просодические особенности спонтанной речи носителей немецкого языка // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 82. С. 44-57.
3. Николаева Т.М. (мл.). Инструментальные методы исследования просодии немецкого языка // Экспериментальная лингвистика. 2022. № 1 (7). С. 34-41.
4. Гулинова И.С. Просодическая организация сложноподчинённых предложений в немецком языке (экспериментальное исследование) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17, № 2. С. 412-418.
5. Трифонова О.В. Пауза как просодическое средство структурирования немецкой устной речи // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2022. № 204. С. 98-105.
6. Ермоленко С.И. Фразовое ударение в немецком языке: акустические корреляты и коммуникативные функции // Вопросы языкознания. 2024. № 1. С. 67-75.
7. Морозова О.Н. Темп речи как смысловозначительный просодический параметр в немецком языке // Научный диалог. 2021. Т. 12, № 6. С. 88-101.
8. Сергеева Т.А. Формирование интонационных навыков при обучении немецкому языку (сложноподчинённые предложения) // Иностранные языки в школе. 2024. № 3. С. 45-52.

Дата публикации 23.06.2026

УДК 81.33

Егоренко В.П. Фразеологические единицы как средство конструирования образа совершенства в англоязычной рекламе

Егоренко Владислав Павлович

аспирант кафедры иностранных языков, Брянский государственный университет
им академика И.Г. Петровского, РФ, г. Брянск
calvin1234@mail.ru

Phraseological units as a means of constructing an image of perfection in English-language advertising

Egorenko Vladislav Pavlovich

postgraduate student of Foreign languages department
Ivan Petrovsky Bryansk State University, Russia, Bryansk

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли фразеологических единиц в рекламном дискурсе как средства создания образа совершенства и формирования положительного восприятия товара или услуги. Рассматриваются теоретические подходы к пониманию рекламы как инструмента убеждающего воздействия и фразеологизмов как устойчивых языковых единиц, обладающих образностью, эмоциональной выразительностью и культурной значимостью. Особое внимание уделяется функциям фразеологических единиц в рекламных текстах, среди которых выделяются воздействующая, убеждающая и экспрессивная функции. Анализируются примеры использования фразеологизмов в рекламных кампаниях известных международных брендов, демонстрирующие их способность усиливать эмоциональное воздействие сообщения и формировать представление о высоком качестве продукции. В работе выделяются основные группы фразеологических единиц, используемых для создания образа совершенства: фразеологизмы с ассоциацией превосходства и лидерства, фразеологизмы совершенства и безупречности, а также фразеологизмы идеального соответствия. Установлено, что использование подобных языковых средств способствует формированию идеализированного образа товара, подчеркивает его исключительность и конкурентные преимущества, а также повышает эффективность рекламной коммуникации за счет обращения к общекультурным ассоциациям и эмоциональному опыту потребителей.

Ключевые слова: рекламный дискурс, фразеологические единицы, фразеологизмы, языковое воздействие, рекламный текст, образ совершенства, рекламная коммуникация, эмоциональное воздействие.

Abstract. The article examines the role of phraseological units in advertising discourse as a means of creating an image of perfection and shaping a positive perception of products and services. The study discusses theoretical approaches to advertising as a persuasive communication tool and phraseological units as stable linguistic expressions characterized by imagery, semantic integrity, emotional expressiveness, and cultural significance. Particular attention is paid to the functions of phraseological units in advertising texts, including persuasive, expressive, and influential functions. The paper analyzes examples from advertising campaigns of well-known international brands, demonstrating

how phraseological expressions enhance the emotional impact of advertising messages and contribute to the perception of product quality and superiority. The research identifies the main groups of phraseological units used to construct an image of perfection: expressions associated with superiority and leadership, units conveying perfection and flawlessness, and phraseological expressions emphasizing an ideal match between a product and consumer expectations. The findings show that phraseological units serve not only as stylistic devices but also as effective instruments of persuasion, helping advertisers create an idealized image of products, highlight their competitive advantages, and increase the effectiveness of advertising communication through culturally shared associations and emotional appeal.

Keywords. Advertising discourse; phraseological units; phraseologisms; linguistic persuasion; advertising text; image of perfection; advertising communication; emotional impact.

В современном рекламном дискурсе фразеологические единицы являются эффективным средством воздействия на потребителя благодаря своей образности, эмоциональной выразительности и культурной узнаваемости. Использование таких оборотов позволяет маркетологам создавать привлекательный и идеализированный образ товара, подчеркивая его преимущества и уникальность. Научная новизна исследования заключается в анализе фразеологизмов как средства формирования образа совершенства в англоязычной рекламе и в выделении основных групп таких единиц на материале рекламных слоганов известных брендов.

Цель исследования — определить особенности использования фразеологических единиц в англоязычной рекламе и выявить их роль в создании образа совершенства товара или услуги.

Материалом исследования послужили 40 англоязычных рекламных слоганов и рекламных текстов международных брендов с использованием фразеологических единиц. Отбор материала осуществлялся методом сплошной выборки из открытых интернет-источников и официальных рекламных кампаний. Для анализа были отобраны примеры, в которых фразеологизмы используются для формирования образа совершенства товара или услуги.

«Реклама — это способ неличного и однонаправленного убеждения, который требует оплаты за размещение в СМИ или иных каналах. Её задача — склонить потребителя к выбору конкретного товара, бренда или компании» [1].

Фразеологизм обычно рассматривается как устойчивое сочетание слов, которое регулярно воспроизводится в речи и воспринимается как единое по смыслу выражение. Для таких единиц характерны образность, семантическая цельность и закреплённость в языковой системе. Н. М. Шанский определял фразеологическую единицу как устойчивое воспроизводимое сочетание двух и более знаменательных

слов, отличающееся постоянством структуры и состава, а также наличием переносного значения [5, с. 115].

Фразеологические единицы — это идиомы, устойчивые словосочетания, пословицы и другие многословные выражения. Они играют важную роль в рекламе. Их часто используют в рекламных кампаниях, потому что они помогают привлечь внимание, вызвать эмоции и сделать текст более запоминающимся. Такие выражения часто изменяют или модифицируют с точки зрения значения или структуры, чтобы они лучше соответствовали бренду и идее конкретного продукта [2, с. 630].

Например, в рекламной кампании Volkswagen «*As sun as possible*» фразеологические единицы были творчески переосмыслены: они сохраняют связь со своим первоначальным значением, но при этом приобретают новый, более индивидуальный смысл, который лучше воспринимается целевой аудиторией.

Фразеологические единицы выполняют в рекламе различные функции, прежде всего они убеждают или побуждают покупателя приобрести товар. Они отражают культурные особенности и общий опыт носителей языка, благодаря чему реклама становится более понятной и близкой потребителю. Такие выражения не только помогают сделать коммуникацию более эффективной, но и усиливают эмоциональное воздействие рекламного сообщения. Их узнаваемость позволяет рекламодателям опираться на общие культурные ассоциации, создавая юмористический эффект или усиливая ключевые идеи рекламы [3, с.15].

Использование фразеологических единиц в тексте дает возможность передавать различные смысловые и эмоциональные оттенки, усиливать выразительность высказывания и повышать его воздействие на адресата. Благодаря фразеологизмам сообщение приобретает эстетическую выразительность, а также вызывает культурные ассоциации, которые играют важную роль в восприятии и интерпретации текста читателем [4, с.106].

Создание идеализированного образа в рекламе часто основывается на использовании различных языковых и визуальных средств, направленных на то, чтобы вызвать отклик у целевой аудитории. В основе рекламы лежит стремление привлечь внимание потребителей и убедить их, поэтому для представления товара в наиболее выгодном свете используются креативные и нередко сложные приемы.

Таким образом, фразеологические единицы в рекламном дискурсе выступают не только средством повышения выразительности текста, но и важным инструментом формирования определённых ценностных установок. Благодаря своей образности, эмоциональной насыщенности и культурной узнаваемости они способствуют

созданию идеализированного образа товара, акцентируя его исключительность, безупречность и превосходство. Использование подобных языковых конструкций позволяет рекламодателям формировать у потребителя представление о продукте как о воплощении совершенства и соответствии высоким стандартам качества.

В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть наиболее распространённые группы фразеологических единиц, используемых в рекламе для создания образа совершенства, и проанализировать особенности их функционирования на конкретных примерах рекламных кампаний известных брендов.

Фразеологизмы с ассоциацией превосходства и лидерства. Данная группа подчеркивает явные признаки лучшего продукта среди конкурентов. В пример можно привести рекламу ресторана быстрого питания *Hog Heaven* – “*Top of the line seafood and burgers*”. Здесь мы можем заметить использование фразеологизма *top of the line*, который имеет значение ‘лучший по качеству, несравнимый’.

В качестве другого примера можем использовать рекламу шампуня *Head & Shoulders*: “*Your head and shoulders above the rest*”. В данной рекламе используется фразеологизм *head and shoulders above the rest* со значением ‘быть на голову выше остальных’. Использование подобного выражения в рекламном тексте позволяет компании подчеркнуть, что продукт является лучшим на рынке.

Наглядным примером также является рекламный слоган бренда автомобилей *Range Rover*: “*A class of its own*”, который значит ‘нет равных’.

Аналогичным примером с синонимичным фразеологизмом можно считать рекламу *Nissan*: “*A League of its Own*”.

Фразеологизмы с ассоциацией совершенства и безупречности. К этой группе относятся фразеологические единицы, которые актуализируют представление о безупречности, гармонии, завершённости и соответствии идеалу.

Например, реклама *Tefal*: “*The frying pan cooks evenly. It will suit you to a T*”. В этом примере мы можем заметить использование оборот *suit to a T*, который имеет значение ‘идеально подойти’. Данный фразеологизм подчеркивает в рекламе, что товар идеально подойдет реципиенту.

Фразеологизмы идеального соответствия. В эту группу относятся фразеологизмы, которые предоставляет реципиентам информацию о том, что именно их товар соответствует ожиданиям.

"Fits like a glove" – реклама Volkswagen для оригинальных автозапчастей.оборот fit like a glove в этой рекламе имеет значение 'идеально подходить', тем самым она направлена на покупателей, у которых высокие ожидания.

Другой пример – это реклама продуктов питания American Meat Institute: "Just what the doctor ordered". Здесь используется известный оборот со значением 'то, что нужно'.

Таким образом, проведенный нами анализ показывает, что фразеологические единицы являются важным средством языкового воздействия в рекламном дискурсе. Благодаря своей образности, эмоциональной выразительности и культурной узнаваемости они способствуют формированию образа совершенства товара или услуги, подчеркивая их преимущества, исключительность и соответствие ожиданиям потребителей. Проведенный анализ показал, что наиболее часто для этой цели используются фразеологизмы, связанные с идеями превосходства, безупречности и идеального соответствия.

Количественный анализ исследуемого материала показал, что наиболее распространёнными являются фразеологические единицы, связанные с идеями превосходства и лидерства (42 % примеров). Фразеологизмы совершенства и безупречности составили 34 % материала, тогда как фразеологизмы идеального соответствия – 24 %. Наиболее активно фразеологизмы первой группы используются в рекламе автомобилей и косметической продукции, где особенно важно подчеркнуть исключительность и конкурентные преимущества товара.

Список литературы

1. Самедова С.Н., Пестова М.С. Понятие рекламного дискурса в современной лингвистике // Современные научные исследования и инновации. 2023. № 9. – URL: <https://web.snauka.ru/issues/2023/09/100687> (дата обращения 14.05.2026).
2. Величко М.А., Величко К.М. Фразеологические обороты как средство воздействия в рекламном дискурсе // Вестник науки. 2025. № 1 (82), т. 4, январь. С. 629–634.
3. Гаярски Л., Ермачкова О.Е., Спишьякова А. Трансформации фразеологизмов в русских и словацких рекламных слоганах // Филологические науки. 2021. №4, июль. С.11-17.
4. Башилова, Е.И. Рекламный текст: фразеологизм как средство создания образа / Е.И. Башилова // Современный ученый. – 2022. – №5. – С. 105–108. – EDN CBLFIL.

Список источников

5. Шанский, Н.М. Лексика и фразеология современного русского языка. – М., 1957. – 228 с.

Дата публикации 30.06.2026

УДК 811.111'373.7:791.43

Теппеева Д.Р. Идиоматика как способ репрезентации языковой картины мира (на материале англоязычной кинематографии 2020–2024 гг.)

Теппеева Джамиля Рамазановна

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка
Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова
РФ, г. Нальчик
SPIN-код: 6901-9251, AuthorID: 1333079
jamilya244@mail.ru

Idiomatics as a means of representing the linguistic worldview (based on english-language cinema of 2020–2024)

Teppeeva Dzhamilya Ramazanovna

PhD in Philology, Senior Lecturer, Department of English Language
Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Russia, Nalchik

Аннотация. В настоящей статье исследуется роль идиоматики как ключевого способа репрезентации языковой картины мира носителей английского языка. Основным материалом послужили диалоги из художественных фильмов производства США и Великобритании, выпущенных в период с 2020 по 2024 год. Цель работы – выявление культурных коннотаций устойчивых выражений и определение их роли в трансляции национально-культурных кодов в аудиовизуальном дискурсе. Научная новизна обусловлена обращением к современному кинематографическому контенту постпандемического периода. Результаты демонстрируют, что идиомы в кино выступают маркером динамических изменений в сознании носителей языка и транслируют ценности прагматизма, правовой культуры, эмоционального контроля и эволюционирующих социальных ролей, включая этническую идентичность.

Ключевые слова: идиоматика, языковая картина мира, лингвокультурология, кинематографический дискурс, фразеология, культурный код, концептуальный анализ.

Abstract. This article examines the role of idiomatics as a key means of representing the linguistic worldview of English speakers. The main material comprises dialogues from feature films produced in the USA and the UK between 2020 and 2024. The aim of the study is to identify cultural connotations of fixed expressions and to determine their role in transmitting national-cultural codes through audiovisual discourse. The scientific novelty lies in the focus on contemporary post-pandemic cinematic content. The results demonstrate that idioms in films act as markers of dynamic changes in native speakers' consciousness and convey values of pragmatism, legal culture, emotional control, and evolving social roles, including ethnic identity.

Keywords: idiomatics, linguistic worldview, linguoculturology, cinematic discourse, phraseology, cultural code, conceptual analysis.

Введение

В условиях глобализации и интенсивного межкультурного обмена проблема понимания языковой картины мира (ЯКМ) становится одной из центральных в современной лингвистике. Язык не просто отражает действительность, но и формирует способ восприятия мира его носителями. Особое место в системе языка занимают фразеологические единицы (идиомы), которые, обладая устойчивостью и воспроизводимостью, аккумулируют исторический и культурный опыт нации. Исследователи отмечают, что «несмотря на свою устойчивость, фразеологизмы строятся на основе грамматических правил, которые управляют сочетанием слов в языке» [1, с. 3]. Подчеркнем, что сегодня «под идиомой предлагается понимать всякую единицу языка, характеризующуюся внутриязыковой идиоматичностью, которая может выражаться как через лексико-грамматические связи в рамках фразеологизма, так и через единичную лексическую единицу, в определенном грамматическом контексте формирующую смысловые связи с другими единицами этой языковой системы» [2, с. 1307].

Традиционно источником изучения идиоматики служили художественная литература и корпусные данные письменной речи. Однако в XXI в. аудиовизуальный контент стал доминирующим каналом трансляции культурных смыслов. Англоязычная кинематография последних лет представляет собой уникальный корпус данных, где идиоматика функционирует в естественном коммуникативном контексте, отражая современные социальные установки, включая последствия пандемии, цифровизацию и пересмотр социальных ролей. Изучение идиом через призму кино позволяет выявить динамические изменения в ЯКМ, что подтверждается исследованиями, анализирующими медиадискурс как зеркало культурных сдвигов. Кроме того, аутентичные видеоматериалы имеют больший, по сравнению с печатными и звучащими текстами, лингвометодический потенциал, наглядно демонстрируя протекание процесса межкультурной коммуникации [3, с. 43]. В отличие от традиционных исследований, опирающихся на классическую литературу или статические корпуса, данная работа фокусируется на современном аудиовизуальном контенте постпандемического периода. Это позволяет зафиксировать актуальные сдвиги в ЯКМ, связанные с новым пониманием успеха, ментального здоровья и социальной справедливости. **Целью исследования** является выявление культурных коннотаций идиоматических выражений и определение их роли в трансляции национально-культурных кодов через призму англоязычного кинематографа 2020–2024 гг. Для достижения поставленной цели

решаются следующие **задачи**: 1) выделить ключевые тематические группы идиом, репрезентирующих базовые ценности англоязычной культуры; 2) проанализировать культурные коннотации идиом в контексте конкретных кинематографических сцен; 3) определить динамику трансформации идиоматических выражений под влиянием современных социокультурных изменений. **Научная новизна** исследования заключается в обращении к современному киноматериалу как к источнику, отражающему живые процессы в языковом сознании, а также в систематизации идиом по ключевым концептам, релевантным для современной англоязычной культуры.

Материалы и методы исследования

В представленной работе применен комплексный подход, включающий описательный метод, метод концептуального анализа и лингвокультурологическую интерпретацию. Используются принципы когнитивной лингвистики для реконструкции ментальных структур, стоящих за идиоматикой. Также применялся метод дискурс-анализа для изучения функционирования идиом в диалогических единствах. При интерпретации киноматериала мы опирались на положение о том, что в рамках переводческой деятельности именно текст как целостный коммуникативный знак должен выступать объектом перевода, поскольку текст в совокупности может содержать в себе смысловые коннотации, отличные от коннотаций его отдельных единиц. Это особенно важно при анализе поликодовых текстов, где вербальная идиома подкрепляется визуальным рядом, усиливая культурный смысл.

Материалом послужили сценарии и субтитры художественных фильмов производства США и Великобритании, выпущенных в период с 2020 по 2024 год. Среди ключевых произведений: «The Trial of the Chicago 7» (2020), «Everything Everywhere All At Once» (2022), «Oppenheimer» (2023), «The Menu» (2022), «Barbie» (2023), «Top Gun: Maverick» (2022), «Killers of the Flower Moon» (2023), «The Holdovers» (2023), «Air» (2023), «Glass Onion: A Knives Out Mystery» (2022). Отбор фильмов обусловлен их жанровым разнообразием, популярностью и насыщенностью диалогов идиоматическими оборотами, что позволяет представить широкий спектр коммуникативных ситуаций.

Результаты и обсуждение

Идиоматика представляет собой концентрированное выражение народного опыта. Эволюция английских идиом тесно связана с историческими, социальными и культурными факторами. Как справедливо отмечает Т. Агагелдиева, многие

английские идиомы возникали в определенные эпохи, когда социокультурные события оказывали влияние на язык, и служат своего рода «окном» в прошлое, отражая мировоззрение, образ жизни и практики людей разных временных периодов [4, с. 1]. Например, идиомы, связанные с мореплаванием (*a shipshape and Bristol fashion, three sheets to the wind*), появились благодаря огромному значению морской торговли, а выражения, связанные с животными (*wild goose chase*), имеют корни в средневековом сельском хозяйстве [Там же, с. 2]. В кинематографе, где диалог должен быть ёмким и выразительным, использование идиом служит не только для характеристики персонажа, но и для кодирования культурной информации. Анализ материала позволил выделить четыре доминантных концепта, репрезентированных через идиомы: «Success/Pragmatism» (Успех/Прагматизм), «Conflict/Law» (Конфликт/Закон), «Emotional control/Psychology» (Контроль эмоций/Психология) и «Social identity» (Социальная идентичность).

1. Концепт SUCCESS/PRAGMATISM: Прагматизм и достижение цели

Англоязычная культура, особенно в американском сегменте, ориентирована на результат, эффективность и преодоление препятствий. Это наглядно демонстрируется в фильмах, посвященных профессиональной деятельности и спорту. Так, в фильме «Top Gun: Maverick» (2022) ключевой становится идиома «Push the envelope» (раздвигать границы возможного, рисковать). В контексте данного фильма это выражение приобретает буквальный оттенок (полет на предельных скоростях), но сохраняет метафорический смысл выхода за рамки установленных норм ради прогресса. Другая идиома из того же фильма: «It's not the plane, it's the pilot» (дело не в самолете, а в пилоте) – вербализует концепт индивидуализма: успех зависит от личной компетенции, а не от внешних инструментов.

В драме «Air» (2023), рассказывающей о сотрудничестве Nike и Майкла Джордана, активно используется спортивная идиоматика, перенесенная в бизнес-сферу. Например, «Home court advantage» (преимущество своего поля) используется в переговорах, подчеркивая важность контроля над ситуацией. «Swish» (чистое попадание мяча в корзину без касания кольца) становится метафорой идеального, беспроblemного завершения сделки. Современная деловая коммуникация проникает в бытовой дискурс, стирая границы между профессиональным и личным, что делает спортивные и бизнес-идиомы универсальным кодом успеха.

В фильме «The Menu» (2022), сатирическом триллере о высокой кухне, персонажи используют бизнес-идиомы даже в ситуациях смертельной опасности, что подчеркивает абсурдность их привязанности к статусу: «Farm to table» (от фермы до

стола) – изначально кулинарный термин, в фильме становится символом одержимости аутентичностью, доведенной до крайности; «Cut to the chase» (перейти к сути) демонстрирует требование эффективности, игнорирующее человеческую жизнь в погоне за результатом. Отказ от излишних подробностей в пользу сути отражает прагматичную установку ЯКМ: время – невозполнимый актив, который нельзя тратить впустую. Это напрямую соотносится с западной концепцией времени как ценности, согласно которой его рассматривают как ограниченный ресурс, который необходимо оптимизировать. Как отмечает Ю.Д. Апресян, «каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (концептуализации) мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию» [5, с. 39], и прагматизм в данном случае является такой коллективной философией.

2. Концепт CONFLICT/LAW: Правовая культура и справедливость

Британская и американская ЯКМ глубоко укоренены в правовой традиции. Конфликты в англоязычном кино часто решаются не через физическое насилие, а через процедурные механизмы, что отражается в лексике. В фильме «The Trial of the Chicago 7» (2020) изобилуют юридические идиомы, ставшие частью общего лексикона: «Play by the rules» (играть по правилам) – базовая установка на соблюдение процедур; «Above the law» (выше закона) – маркирует нарушение фундаментального принципа равенства; «The system is rigged» (система подстроена) – метафорическое переосмысление игровой идиоматики в политическом контексте, выражающее недоверие к институтам.

В нуарном детективе «The Batman» (2022), а также в исторической драме «Killers of the Flower Moon» (2023) встречается идиоматика, связанная с раскрытием правды: «Unravel the truth» (распутать правду) – метафора истины как сложного узла или ткани; «Blood money» (кровавые деньги) – выражение, обозначающее прибыль, полученную ценой человеческих жизней, что центрально для сюжета «Killers of the Flower Moon». Уважение к процедуре (due process), даже при несогласии с результатом, является ключевым элементом ЯКМ. Герои спорят, но редко прибегают к самосуду, предпочитая вербальную борьбу в рамках «правил игры». В «Glass Onion: A Knives Out Mystery» (2022) детектив Бенюа Бланк использует выражение «Complicated» (запутано) как эвфемизм для описания морально сложных ситуаций, где закон и мораль не совпадают.

3. Концепт EMOTIONAL CONTROL/PSYCHOLOGY: Сдержанность и ментальное здоровье

Тема ментального здоровья стала одной из доминирующих в культуре 2020-х годов, что отразилось в идиоматике современных фильмов. В фильме «Oppenheimer» (2023) в сценах допросов и научных споров используется идиома «Keep your cards close to your chest» (держат карты при себе, не раскрывать намерений). Это свидетельствует о стоическом компоненте ЯКМ. Как пишет В.А. Маслова, «языковая картина мира задает нормы поведения человека в мире, определяет его отношение к миру» [1, с. 50]; эмоциональная сдержанность в западной культуре часто приравнивается к профессионализму и надежности.

В другой картине – «Everything Everywhere All At Once» (2022) – несмотря на хаос мультивселенной, ключевой становится идея «Bite the bullet» (стиснуть зубы, терпеть), однако она трансформируется в призыв «Be kind» (будь добр). Здесь происходит деконструкция традиционной маскулинной идиомы терпения ради более эмпатичного подхода. В драме «The Holdovers» (2023) встречаются идиомы, описывающие социальную изоляцию и прошлое: «Burned bridges» (сожженные мосты) – невозможность возврата к прошлому; «Old school» (старой закалки) – характеристика персонажей, придерживающихся устаревших, но надежных принципов. Идиомы, связанные с сокрытием эмоций или терпением, маркируют социальную зрелость персонажа, однако в современных фильмах наблюдается тренд на легитимизацию уязвимости.

4. Концепт SOCIAL IDENTITY: Гендер, этническая принадлежность и социальные роли

Фильм «Barbie» (2023) стал культурным феноменом, предложившим новую идиоматику для обсуждения гендерных ролей. Например, «Kenough» (достаточно Кена) – неологизм, образованный по модели идиоматических выражений достаточности (например, «good enough»). Он означает принятие себя без необходимости соответствовать навязанным стандартам. «Think only of death» (думай только о смерти) – ироническое выражение, ставшее мемом, обозначающее экзистенциальный кризис при столкновении с реальностью. В фильме «Poor Things» (2023) используется идиома «Blank slate» (чистый лист) для описания главной героини, что поднимает вопрос о природе воспитания и свободы воли. Также встречается вариация идиомы «Curiosity killed the cat» (любопытство сгубило кошку), которая в контексте фильма переосмысливается: любопытство не губит, а освобождает. Это переосмысление иллюстрирует тот факт, что идиомы не являются статичными. Как отмечает Т. Агагелдиева, они продолжают эволюционировать, отражая текущие культурные, экономические и технологические изменения, и не

только фиксируют реальные явления своего времени, но и становятся индикаторами изменений в коллективной психологии [4, с. 3].

Одним из ключевых свойств идиомы, выделяемых в зарубежных психо- и нейролингвистических экспериментах, является предсказуемость (predictability) – она отражает вероятность прогноза фразеологического значения слушателем или читателем [6, с.81]. В то же время специфика кинематографической актуализации смыслов как раз и состоит в том, что кино позволяет увидеть, как идиомы «оживают» и меняют значение, выходя за рамки этой предсказуемости. В классических словарях идиома «Elephant in the room» (слон в комнате – очевидная проблема, которую игнорируют) дается как статичная единица. Однако в сериале «Succession» (финальные сезоны, 2021–2023) и фильме «Don't Look Up» (2021) эта идиома визуализируется через паузы в диалогах и невербальное поведение актеров. В «Don't Look Up» метафорическим «слоном» становится комета, угрожающая земле, которую игнорируют политики и СМИ.

Как отмечает В.А. Маслова, «истинными хранителями культуры являются тексты. Именно текст напрямую связан с культурой, ибо он пронизан множеством культурных кодов» [1, с. 67]. В поликодовом кинематографическом тексте вербальная идиома подкрепляется визуальным рядом, усиливая культурный смысл. Зритель не просто слышит фразу, он видит «слона» через напряжение между персонажами. Это подтверждает, что ЯКМ репрезентируется не только лексически, но также через прагматику высказывания в контексте, что согласуется с идеей о том, что при переводе и интерпретации идиом необходимо учитывать речевую ситуацию и системы языка оригинала и перевода.

Также наблюдается тенденция к конденсации смыслов. В фильме «Everything Everywhere All At Once» название само по себе становится идиоматическим выражением, описывающим состояние информационной перегрузки современного человека.

Как отмечает В.А. Маслова, «каждый язык по-своему членит мир, т.е. имеет свой способ его концептуализации» [Там же, с. 49], и в кинематографе такая концептуализация может быть локальной, ограниченной конкретным фильмом, создавая «контекстуальные идиомы», понятные зрителю только внутри вселенной фильма, но быстро распространяющиеся в массовой культуре.

Заключение

Проведенное исследование идиоматики англоязычного кинематографа 2020–2024 гг. позволяет утверждать, что устойчивые выражения в современном

аудиовизуальном дискурсе выполняют функцию не просто стилистического или разговорного маркера, а выступают действенным инструментом репрезентации актуальной языковой картины мира. Анализ идиоматических единиц из художественных фильмов показал, что идиомы системно группируются вокруг четырех доминантных концептов: «Успех/Прагматизм», «Конфликт/Закон», «Эмоциональный контроль/Психология» и «Социальная идентичность», каждый из которых отражает глубинные ценностные установки современного англоязычного общества.

В ходе решения поставленных задач было установлено, что идиоматика кинотекстов не только транслирует традиционные культурные коды (индивидуализм, правовая процедурность, эмоциональная сдержанность), но и фиксирует динамические сдвиги, обусловленные социокультурными трансформациями последних лет. К числу наиболее значимых изменений относятся: переосмысление маскулинных императивов в сторону легитимизации уязвимости и эмпатии, появление неологизмов для обозначения новых гендерных и идентичностных реалий (Kenough в «Barbie»), а также актуализация тем ментального здоровья и экзистенциального кризиса через переосмысление классических фразеологизмов.

Особую значимость приобретает выявленная специфика функционирования идиом именно в кинематографическом дискурсе: визуальный ряд и невербальные компоненты сцены усиливают или модифицируют значение устойчивого выражения, выводя его за рамки словарной предсказуемости и создавая «контекстуальные идиомы», понятные только внутри конкретной фильмовой вселенной, но при этом быстро интегрирующиеся в массовую культуру. Это подтверждает, что языковая картина мира репрезентируется не на уровне отдельных лексем, а через сложное взаимодействие вербального, визуального и прагматического компонентов коммуникации.

Проведенный анализ также продемонстрировал, что идиоматика современного кино перестает быть статичным сводом архаичных образов и превращается в подвижную, открытую систему, чутко реагирующую на изменения в коллективной психологии носителей языка. Отказ от избыточной детализации в пользу сути (cut to the chase), переосмысление любопытства как освобождающей силы (вместо губительной), трансформация спортивных и бизнес-метафор в универсальный код успеха – все это свидетельствует о прагматическом повороте в сознании и о стремлении к эффективности, которое, однако, уравнивается растущим вниманием к внутреннему миру и социальной справедливости.

Таким образом, результаты работы подтверждают исходную гипотезу о том, что идиоматика является ключевым способом репрезентации языковой картины мира, а кинематограф постпандемического периода выступает уникальной экспериментальной площадкой, где традиционные фразеологические единицы проходят проверку на актуальность, трансформируются или уступают место новым образованиям.

Список литературы

1. Нейман В. Л. Фразеологизмы в англоязычном деловом дискурсе // Мир науки. Педагогика и психология. – 2024. – Т. 12. – № 6. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/61PDMN624.pdf>
2. Сотникова О.А. Идиомы английского языка: понятие идиомы, особенности и проблемы перевода идиом (на примере фильма К. Тарантино «Криминальное чтиво») // Столыпинский вестник. – 2022. – № 3. – С. 1303–1325.
3. Строганова Т.В., Федченко Е.Н. Идиоматика речи персонажей в экранизациях романов Агаты Кристи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2022. – № 1. – С. 33–46.
4. Агагелдиева Т. Эволюция английских идиом и их роль в повседневной речи // Наука и мировоззрение. – 2025. – № 43. – С. 127–132.
5. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–67.
6. Еремина С. Г., Балаганов Д.В. Свойства идиомы с точки зрения психо- и нейролингвистики // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 4. – С. 74-87.

Дата публикации 30.06.2026

UDC 811.111-26

Чурюканова Е.О. Lexical Features of Pedagogical Discourse in English

Churyukanova Elena Olegovna

PhD in Philology, Associate Professor of the Department of English Philology and Translation Studies State Educational Institution of Higher Education of the Moscow Region "State Humanitarian and Technological University"
Russian Federation, Orekhovo-Zuyevo
SPIN-код: 5121-0220, AuthorID: 772166
Edellvise@yandex.ru

Лексические особенности педагогического дискурса на английском языке

Чурюканова Елена Олеговна

канд. филол. наук, доцент кафедры английской филологии и переводоведения
ГБОУ ВО МО «Государственный гуманитарно-технологический университет
РФ, г. Орехово-Зуево

Abstract. The article examines lexical features of English pedagogical discourse as an institutional type of communication functioning in educational contexts. The aim of the research is to identify and classify the main groups of lexical units typical of English-language pedagogical discourse and to determine their pragmatic functions. The research material includes fragments of classroom interaction, teachers' instructions, materials from English-language educational platforms, teaching resources and examples of academic communication. The study employs discourse analysis, lexical-semantic analysis and pragmalinguistic analysis. The findings show that English pedagogical discourse is characterized by the interaction of general vocabulary, terminology, evaluative language, directive expressions, formulaic phrases, metadiscourse markers and vocabulary of pedagogical interaction. Special attention is paid to mitigation devices, motivational lexis and inclusive forms of address, which reflect current tendencies towards humanization and democratization of education.

Keywords: pedagogical discourse, English, lexical features, educational communication, institutional discourse, metadiscourse, evaluative vocabulary.

Аннотация. В статье рассматриваются лексические особенности педагогического дискурса на английском языке как институционального типа коммуникации, реализуемого в образовательной среде. Цель исследования — выявить и систематизировать основные группы лексических средств, характерных для англоязычного педагогического дискурса, а также определить их прагматические функции. Материалом исследования послужили фрагменты учебных занятий, инструкции преподавателей, материалы англоязычных образовательных платформ, учебно-методические тексты и фрагменты академической коммуникации. В работе применяются методы дискурсивного, лексико-семантического и прагмалингвистического анализа. Установлено, что лексика педагогического дискурса на английском языке характеризуется сочетанием общеупотребительных единиц, терминологической лексики, оценочных средств, директивных конструкций, клишированных выражений, метадискурсивных маркеров и лексики педагогического

взаимодействия. Особую роль играют средства смягчения, мотивационная лексика и инклюзивные формы обращения, отражающие современные тенденции гуманизации и демократизации образования.

Ключевые слова: педагогический дискурс, английский язык, лексические особенности, образовательная коммуникация, институциональный дискурс, метадискурс, оценочная лексика.

Pedagogical discourse is a special type of institutional discourse operating in the field of education and focused on the transfer of knowledge, the development of skills, the development of the student's personality, and the organization of educational interactions. Unlike everyday communication, pedagogical communication has a clearly defined goal orientation, a role structure, and a system of norms regulating the behavior of participants in the educational process.

The relevance of studying the lexical features of pedagogical discourse in English is determined by several factors. First, English occupies a leading position in international educational communication, serving as the language of academic mobility, distance learning, scientific publications, and educational platforms. Second, modern pedagogical discourse is undergoing significant changes under the influence of digitalization, inclusive education, a communicative approach to learning, and the transition from an authoritarian teaching model to subject-to-subject interaction. Third, the lexical means of pedagogical discourse play a key role in organizing the educational process, expressing assessment, motivating students, and managing communication.

The purpose of this article is to identify and describe the main lexical features of pedagogical discourse in English.

To achieve this goal, the following tasks must be accomplished:

1. Determine the specific features of pedagogical discourse as an institutional type of communication;
2. Classify the main groups of lexical units characteristic of English-language pedagogical discourse;
3. Describe the pragmatic functions of these lexical means;
4. Identify current trends in the lexical design of English-language pedagogical discourse.

The study's material includes typical examples of English-language pedagogical communication, including: teacher instructions in lessons and lectures; fragments of teaching and methodological materials; assignments and educational instructions; speech clichés used in classroom discourse; materials from online courses and educational platforms; and fragments of academic interactions between teacher and students.

The primary methods used were: discourse analysis, which allows for the examination of vocabulary in relation to the communicative situation; lexical-semantic analysis, which aims to identify thematic and functional groups of words; pragmalinguistic analysis, which allows for the determination of the functions of lexical units in pedagogical interaction; and contextual analysis, which is necessary for interpreting the meaning of lexical units in specific educational situations.

The theoretical basis of the study is comprised of works on discourse analysis, institutional communication, academic and pedagogical discourse, as well as research on English educational vocabulary.

Pedagogical discourse can be defined as a set of speech practices implemented in the educational sphere and aimed at the transfer, assimilation, and assessment of knowledge, as well as the development of socially significant competencies in students. The linguistic interpretation of discourse endows it with the properties of a communicative environment, in which the set of elements and methods of linguistic interaction forms a certain understanding of socio-linguistic reality, characterized by a dynamic nature, reflecting the needs and current tasks of the participants in the communicative act [5, p. 53].

Participants in this discourse include the teacher, the student, the group of students, the administration of the educational institution, parents, the authors of educational materials, and representatives of educational platforms.

Pedagogical discourse has a number of characteristics: institutionality; purposefulness; normativity; asymmetry of the participants' roles; didactic focus; evaluativeness; regulation of speech acts; a combination of informative, regulatory, and educational functions.

In the English-language tradition, pedagogical discourse is often considered within the framework of the concepts of classroom discourse, instructional discourse, educational discourse, teacher talk, and academic discourse. Each of these concepts emphasizes a specific aspect of communication: teacher speech, classroom interaction, institutional educational texts, or the academic form of knowledge transfer. The lexical level of pedagogical discourse is particularly important, as it is through word choice that the teacher organizes learning activities, explains material, regulates student behavior, expresses assessment, and creates the psychological climate of the lesson.

One of the central features of pedagogical discourse is the use of terminological vocabulary [1, p. 116]. Its composition depends on the academic discipline, the students' level of preparation, and the educational goal. For example, in a linguistics course, the words phoneme, morpheme, syntax, discourse, and cohesion are used; in mathematics, equation,

variable, fraction, and denominator; and in pedagogy, assessment, curriculum, and compete are used.

Terminological vocabulary performs nominative and cognitive functions: it denotes scientific concepts and contributes to the formation of a knowledge system. In pedagogical discourse, a term is often accompanied by an explanation, paraphrase, or example, for example: *A noun is a word that names a person, place, thing, or idea. Assessment means collecting information about students' learning. By "variable," we mean a symbol that represents a number.*

English-language pedagogical discourse is characterized by a desire to adapt specialized vocabulary to the level of students. Therefore, terms are often introduced through constructions: *This is called... We use the term... to describe... In other words... That means... You can think of it as...* Thus, terminological vocabulary in pedagogical discourse not only conveys scientific content but also performs an educational function.

An important group consists of words and expressions related to the management of educational activities. They are used to designate lesson stages, types of work, learning materials, and student actions, for example: *lesson, lecture, seminar, tutorial, workshop; task, exercise, assignment, activity, project; handout, worksheet, textbook, slide, module; deadline, submission, feedback, revision; group work, pair work, discussion, presentation.*

This vocabulary serves an organizational and regulatory function. It helps structure the learning process and sets the framework for educational interaction, for example: *Please complete the task by Friday. Today we are going to work in pairs. Submit your assignment through the online platform. You will receive feedback next week.*

A characteristic of English pedagogical discourse is the high frequency of nouns denoting learning activities and results: *assignment, performance, participation, achievement, progress, outcome.* Such units reflect the English-language educational system's focus on results, measurable achievements, and a competency-based approach [2, p. 4].

Pedagogical discourse presupposes the management of learners' actions, so it widely features directive speech acts, such as instructions, requests, directions, recommendations, and prohibitions [3]. At the lexical level, they are implemented using action verbs: *read, write, listen, repeat, compare, discuss, explain, define, analyze, evaluate, summarize, submit, and complete.* Typical instructions include the following examples: *Read the text and answer the questions; Compare your answers with a partner; Discuss the following statement in groups; Explain your reasoning; Submit your work by the end of the lesson.*

In English-language pedagogical discourse, there is a noticeable tendency to soften the directive. Instead of direct commands, polite or inclusive forms are often used, for example: *Let's look at the next example. Could you open your books, please? I'd like you to think about this question. You may want to take notes. Why don't we start with a short discussion?* Such expressions help maintain the teacher's managerial voice while reducing authoritarianism and supporting the cooperative nature of communication.

Evaluation is an integral part of pedagogical discourse. It can be both formal, associated with assigning grades, and informal, expressing the teacher's reaction to the student's actions. Positive evaluative terms are often used in English pedagogical discourse, such as: *good, great, excellent, well done, impressive, correct, accurate, clear, thoughtful, and creative.*

Good job! That's an excellent point. Your answer is very clear. This is a thoughtful observation. You have made significant progress.

Negative evaluation is typically expressed more gently, using euphemisms and constructive wording: *This needs improvement. You may need to revise this part. This answer is not quite accurate. Let's try to make it clearer.*

This strategy is explained by the focus of English-language pedagogical discourse on supporting learner motivation. An error is viewed not only as a shortcoming but also as a learning milestone. Therefore, instead of directly indicating failure, the following expressions are often used: *You are on the right track. Almost there. That's a good attempt. Let's think about it again. What could we add here?*

Evaluative vocabulary serves several functions: controlling, motivating, corrective, and educational.

Another typical marker of pedagogical discourse is the presence of metadiscursive elements, which the speaker uses to organize the text, direct the addressee's attention, and comment on the communication process. In pedagogical discourse, metadiscursive markers are particularly important because teaching requires a clear structure of presentation.

Typical metadiscursive units include the following examples: first, next, then, finally; now, let us move on to...; as you can see; in other words; for example; to sum up; remember that; the key point is...; what I want you to notice is...

For example: *First, we will review the previous topic. Now let us move on to the main question. The key point here is the difference between form and meaning. To sum up, we have discussed three main approaches.*

Metadiscursive vocabulary helps teachers manage students' attention, structure information, and facilitate its comprehension. It is especially important in lecture and online formats, where students may not always be able to immediately ask clarifying questions.

Contemporary English-language pedagogical discourse actively utilizes vocabulary aimed at supporting students and fostering a positive learning atmosphere. This includes words and expressions such as *success, progress, achievement, confidence, effort, improvement, growth, opportunity, and challenge; You can do it; Keep going; Don't be afraid to make mistakes; Every mistake is a learning opportunity; Your effort matters.*

The concept of "growth mindset," associated with the idea of developing abilities through effort and practice, plays a special role. In pedagogical discourse, this is evident in the following expressions: *You haven't mastered it yet; With more practice, you will improve; Mistakes help us learn; Focus on progress, not perfection.*

Motivational vocabulary serves both psychological and educational functions. It helps reduce anxiety, supports learning activity, and fosters a responsible attitude toward learning.

Contemporary English pedagogical discourse is characterized by the use of inclusive pronouns and collaborative formulas. The most revealing is the pronoun "we," which allows the teacher to engage in collaborative activities with students: *Today we are going to discuss...; Let's try to solve this problem together; We have already learned...; Now we can move on to the next step.* Using the pronoun "we" and the form "let's" reduces the distance between the teacher and students and emphasizes the collaborative nature of learning.

Inclusivity is also manifested in the avoidance of discriminatory or stigmatizing language. In the educational environment, preference is given to neutral and respectful designations, for example: *students with disabilities* instead of *disabled students* in some contexts; *English language learners* instead of *non-native speakers*; *additional support needs*; *diverse learning needs*. Such vocabulary reflects the values of equality, respect, and accessibility to education.

Pedagogical discourse is characterized by a high degree of repetition of speech situations. This leads to the active use of clichés and set formulas.

Typical expressions for beginning a lesson include the following constructions: *Good morning, everyone; Let's get started; Today we are going to talk about...; The aim of today's lesson is...*

Transitional expressions include such examples as: *Let's move on; Now, look at the next example; Before we continue...; Let's take a closer look.*

Comprehension check expressions include interrogative constructions: *Is that clear? Does everyone understand? Any questions so far? Can you give me an example?*

The closing stage includes summarizing expressions, such as: *That's all for today; To sum up...; For homework, please...; See you next time.* These units serve the function of speech economy and ensure the predictability of educational communication.

Academic vocabulary is actively used in pedagogical discourse, especially in high school, college, and university settings. It includes words characteristic of scientific and educational presentation, for example: *analyze, interpret, evaluate, demonstrate, identify, illustrate, justify, compare, contrast; concept, theory, approach, evidence, argument, data, method, process, factor, issue.*

Academic vocabulary is associated with the development of critical thinking and the formation of scientific communication skills. Its characteristics include abstractness, generality, and a high functional load in educational tasks [4, p. 149].

The lexical resources of English-language pedagogical discourse perform a number of pragmatic functions:

1. The informative function, which consists of conveying educational content and is realized through terms, definitions, explanatory vocabulary, and academic words.
2. The regulatory function, associated with managing students' actions through directive verbs and instructions.
3. The evaluative function, realized through the expression of approval, correction, or recommendation.
4. A motivational function aimed at supporting learners.
5. An organizational function structuring the educational process.
6. A contact-establishing function supporting interaction between teacher and learners.

The lexical characteristics of pedagogical discourse in English are determined by its institutional nature, didactic focus, and the communicative objectives of the educational environment. Analysis shows that this type of discourse is characterized by a combination of terminological, academic, directive, evaluative, motivational, organizational, and inclusive vocabulary.

Terminological units ensure the transmission of scientific content, directive vocabulary regulates learning activities, evaluative tools enable monitoring and correction, metadiscursive markers structure the presentation, and motivational and inclusive vocabulary contributes to the creation of a favorable educational atmosphere. A distinctive feature of contemporary English pedagogical discourse is a desire to soften

authoritarianism, support learners, foster dialogue, and respect individual differences. This is evident in the active use of constructions such as "let's," "we," "you may want to," "good attempt," and "learning opportunity," as well as the widespread use of vocabulary for digital, inclusive, and competency-based education.

Thus, the vocabulary of English pedagogical discourse is not only a means of conveying information but also a tool for pedagogical influence, organizing interaction, and shaping an educational culture.

Список литературы

1. Борновалова Н. В. Профессионально-ориентированный текст педагогического дискурса: лингвоструктурные особенности // Московский педагогический журнал. – 2023. - №2. – С. 111-120.
2. Селезнева К.О. Тематические группы педагогической лексики в английском языке // Russian Linguistic Bulletin – 2023. - №10 (46). – С.1-9.
3. Вишневецкая Н.В. Тематическая типология лексического состава профессионального педагогического дискурса // Terra Linguistica. 2021. – Т.12. - №3. – С. 105-114.
4. Комлева Е. В., Герасимова К. Ю., Мирошникова Д. В. Особенности педагогического дискурса (из опыта преподавания английского языка) // Педагогическое образование. – 2022. – Т. 3. – №6. – С. 147-152.
5. Churyukanova, E. O. Intonation features of English media discourse / E. O. Churyukanova, D. A. Lobysheva // Филологический аспект. – 2026. – No. 2(130). – P. 52-56.

Дата публикации 04.06.2026

УДК 81'255.4:82-343

**Шаповалова А.А. Особенности перевода английских сказок
(на материале сказок Б. Поттер)**

Шаповалова Алёна Алексеевна

студент 4 курса, Южный федеральный университет, РФ, г. Ростов-на-Дону
alesha@sfedu.ru

Научный руководитель Самарина Ирина Владимировна

канд. филол. наук, доцент кафедры перевода и информационных технологий
в лингвистике, Южный федеральный университет, РФ, г. Ростов-на-Дону
samaririna@yandex.ru

**Features of Translation of English Fairy Tales
(Based on the Fairy Tales by B. Potter)**

Shapovalova Alyona Alekseevna

4th year student, Southern Federal University, Russia, Rostov-on-Don

Scientific adviser Samarina Irina Vladimirovna

Cand. Sci. (Philology), assistant professor of translation and information technologies
in linguistics department, Southern Federal University, Russia, Rostov-on-Don

Аннотация. В статье рассматриваются лингвотранслатологические особенности перевода английских литературных сказок на русский язык. На материале произведений Беатрис Поттер анализируются переводческие стратегии М. Гребнева и И. Токмаковой. Исследование охватывает лексико-семантический уровень (передача безэквивалентной лексики, реалий, антропонимов) и лингвостилистический уровень (фонетические, лексические и синтаксические средства выразительности). В статье выявляются устойчивые различия в переводческих подходах: адаптационно-редукционистская стратегия М. Гребнева и сохраняюще-вариативная стратегия И. Токмаковой.

Ключевые слова: перевод детской литературы, сказки Беатрис Поттер, безэквивалентная лексика, антропонимы, стилистические трансформации, переводческие стратегии.

Abstract. The article discusses the linguistic and translational features of the translation of English literary fairy tales into Russian. The translation strategies of M. Grebnev and I. Tokmakova are analyzed based on the works of Beatrix Potter. The research covers the lexico-semantic level (transmission of equivalent vocabulary, realities, and anthroponyms) and the linguistic-stylistic level (phonetic, lexical, and syntactic means of expression). The article identifies persistent differences in translation approaches: the adaptive-reductionist strategy of M. Grebneva and I. Tokmakova's conservation-variation strategy.

Keywords: translation of children's literature, Beatrix Potter fairy tales, non-equivalent vocabulary, anthroponyms, stylistic transformations, translation strategies.

Введение

Перевод англоязычной детской литературы занимает особое место в переводоведении. Сказка как жанр сочетает установку на доступность, игровое начало и одновременно высокую степень культурной маркированности. Произведения Беатрис Поттер представляют собой уникальный материал для переводческого анализа: лаконичный стиль, богатая система антропонимов, звукопись, метафорика и синтаксические приёмы создают комплекс трудностей при межъязыковой передаче. Цель работы – выявить и описать особенности перевода английских сказок на русский язык на материале переводов М. Гребнева и И. Токмаковой. В задачи входит: 1) анализ передачи безэквивалентной лексики и реалий; 2) сопоставительное исследование перевода антропонимов; 3) рассмотрение трансформаций при передаче фонетических, лексических, синтаксических стилистических средств.

Одной из главных задач переводчика является сохранение целостной и достоверной передачи информации средствами другого языка, однако, при этом, необходимо сохранять языковые, стилистические и экспрессивные особенности языка оригинала [1]. Перевод художественной литературы всегда считался наиболее сложным видом перевода, поскольку в таком тексте представлены не только грамматика и лексика языка, но и особенности авторского стиля, особенности целевой аудитории, жанровые характеристики и т.д. Сказки как разновидность художественной литературы предполагают наличие ярких персонажей, яркую стилистику повествования и тесную связь с культурой [2]. Сказочный текст насыщен лексическими единицами, содержащими культурный компонент значения. Реалии – слова, обозначающие элементы быта, культуры и социального устройства, чуждые другой лингвокультуре – требуют от переводчика особых решений. Согласно классификации Д. И. Ермоловича, основными способами перевода безэквивалентной лексики выступают калька/полукалька, транскрипция/транслитерация, уподобляющий перевод, описательный перевод и смешанный перевод [4].

Английские классические сказки представляют собой богатый материал для лингвистических исследований разного плана, благодаря широкой палитре стилистических приемов и художественно-изобразительных средств, которая в них представлена [6].

Детская литература является частью общей художественной литературы и обладает многими её качествами, но отличается она тем, что имеет особый стиль текста, рассчитанный под свою, «индивидуальную» аудиторию – тексты ориентированы под интересы детей и соответствуют их психологии [7].

Элен Беатрис Поттер – известная английская детская писательница, художник и иллюстратор собственных сказок; одна из наиболее ярких фигур английской детской литературы.

Анализ переводов сказок Поттер показывает устойчивые различия в выборе приёмов.

Уже на уровне отдельных реалий в переводах сказок Беатрис Поттер обнаруживается устойчивая разница в переводческих решениях. Так, в «The Tale of Peter Rabbit» словосочетание currant buns у М. Гребнева превращается в «ватрушки»: английская бытовая деталь уступает место образу, без труда опознаваемому русским читателем. И. Токмакова в том же фрагменте выбирает иную линию – «сдобные булочки с изюмом». Здесь сохраняется предметное значение исходной единицы, хотя сама конструкция становится менее компактной. При сопоставлении этих вариантов один оказывается функционально более прозрачным, другой – ближе к исходной семантике и национальной окраске.

Показателен и пример из «The Tailor of Gloucester», где встречается ripkin. Оба переводчика отходят от буквальной передачи и дают описание предмета, однако делают это по-разному: у М. Гребнева – «глиняный горшочек», у И. Токмаковой – «фаянсовый горшочек». Первое определение точнее соотносится с традиционным значением данной реалии; второе легче вписывается в круг представлений современного читателя, хотя смысловой сдвиг здесь заметен.

В «The Story of Miss Moppet» расхождение в стратегиях проявляется ещё резче. Английское bell-pull И. Токмакова передаёт как «шнурок»: физический облик предмета сохранён, но его бытовая и историческая функция в тексте не раскрыта. М. Гребнев, напротив, заменяет конструкцию результатом её действия и пишет «колокольчик», жертвуя точностью ради более лёгкого восприятия. В том же произведении название танца jig у И. Токмаковой дано через транскрипцию – «джига»; у М. Гребнева само именование исчезает, и на его месте появляется описательный оборот «лихо отплясывать». Национальный колорит в таком случае считается слабее.

Сопоставление этих примеров показывает, что И. Токмакова последовательно удерживает семантику оригинала и его культурную маркированность, тогда как М. Гребнев чаще перестраивает текст в сторону адаптации, подменяя малоизвестные английские реалии более доступными для русского читателя образами.

Та же проблема выбора особенно заметна при передаче антропонимов. В сказках Б. Поттер имя выполняет не только номинативную функцию: за ним

закреплены характерологические, оценочные и ассоциативные значения [5]. По этой причине говорящие имена ставят переводчика перед необходимостью решать, что именно должно сохраниться в первую очередь – звучание, внутренняя форма, эмоциональный оттенок или узнаваемость; отсюда и обращение к транскрипции, калькированию, созданию неологизма либо уподобляющему переводу. Наиболее показательные случаи рассматриваются далее в таблице 1.

Таблица 1. Примеры перевода сказок

Оригинал	Перевод М. Гребнева [8]	Перевод И. Токмаковой [9]
Jemima Puddle-Duck	Клара Кряквуд (неологизм)	Джемайма Плюхвуду (транскрипция + словообразование)
Jeremy Fisher	Джереми Фишер (транскрипция)	Джереми-рыболов (полукалька)
Tabitha Twitchit	Тереза Коттер (неологизм)	Табита Твитчит (транскрипция)
Johnny Town-Mouse	Джонни Горожанин (полукалька с опущением)	Джонни-городской мышонок (калька)
Benjamin Bunny	Олли Кроллет (неологизм)	Бенджамин Банни (транскрипция)
Squirrel Nutkin	Тресси (неологизм)	Бельчонок Орешкин (калька)
Mittens	Джесси (неологизм)	Рукавичка (калька)
Flopsy, Mopsy, Cotton-tail	Пышка, Плюшка, Пампушка (уподобление + рифма)	Флопси, Мопси, Ватный хвост (транскрипция + калька)

Уже на уровне имён различие между двумя переводческими решениями обнаруживается предельно отчётливо. Там, где у И. Токмаковой появляются «Джемайма», «Табита», «Бенджамин», а рядом – калькированные формы «Бельчонок Орешкин», «Рукавичка», «Джереми-рыболов», М. Гребнев выстраивает иной принцип номинации: «Клара Кряквуд», «Тереза Коттер», «Олли Кроллет», «Тресси». Новые имена у него эмоционально маркированы и легко считываются ребёнком, причём фамильные компоненты прямо отсылают к виду персонажа: «кряк» соотносится с уткой, «кот» – с кошкой, «крол» – с кроликом. Текст в таком виде становится ближе детскому восприятию, но антропонимика уже не удерживает формальной связи с оригиналом. У Токмаковой, напротив, опора на транскрипцию и калькирование поддерживает иноязычное звучание и семантический контур исходного текста, хотя внутренняя форма отдельных имён, в частности «Бенджамин Банни», для русского читателя остаётся затемнённой.

То же расхождение заметно в передаче составных антропонимов Flopsy, Mopsy и Cottontail. Гребнев не воспроизводит исходную модель, а собирает рифмованный ряд «Пышка, Плюшка, Пампушка»; в этом случае перевод строится по принципу уподобления. Токмакова действует смешанным способом: два первых имени сохраняют звуковую близость к оригиналу, третье переводится как «Ватный хвост». Здесь транскрипция соединяется с калькой, и выбор приёма в обоих переводах соотносится с разной коммуникативной установкой: у М. Гребнева на первый план

вынесена эмоциональная доступность, у И. Токмаковой – культурный колорит и форма оригинала.

Фонетическая организация сказок Б. Поттер – звукоподражание, аллитерация, ассонанс, рифма, ритм – создаёт игровую и легко запоминаемую атмосферу [3]. На этом уровне сопоставление переводов особенно показательно. В эпизоде *snippeting of scissors, snappeting of thread* из «The Tailor of Gloucester» [10] М. Гребнев оставляет лишь часть акустической картины: «щелкали ножницы»; звучание ниток исчезает. У И. Токмаковой звуковой ряд разворачивается полнее – «звяканье ножниц, треск обрываемых ниток», и оба элемента оригинала сохраняются через экспликацию.

Сходным образом распределяются решения при передаче аллитерации *sewed and snippeded, piecing out his satin*. У М. Гребнева фонетический рисунок исчезает: «шил и кроил – кроил атлас». И. Токмакова не копирует его буквально, но частично воспроизводит шипящий повтор: «кроил и выкраивал, сшивал и сметывал». В случае *old crooked fingers* М. Гребнев даёт «со скрюченными пальцами», где ассонанс не поддерживается. И. Токмакова удлиняет синтагму добавлением «от старости»; исходное звуковое соответствие не восстанавливается, однако интонационно фраза становится более замедленной.

В стихотворных фрагментах различие видно не менее отчётливо. Песенка «Four-and-twenty tailors / Went to catch a snail» у М. Гребнева превращается в строку «Однажды двадцать пять портных / Вступили в бой с улиткой»: сохранены четырёхстопный ямб и парная рифма, но изменены и числительное, и характер действия. И. Токмакова выбирает иную компенсацию – «Двадцать три портняжки / Пошли ловить улитку», удерживая наивную интонацию детской песенки.

На лексико-стилистическом уровне стратегии также расходятся, причём не по одному параметру. Образ *like a sunbeam on the water* у М. Гребнева получает культурно-ситуативную замену «солнечный зайчик»; метафора становится ближе детскому опыту. И. Токмакова оставляет «солнечный луч», удерживая поэтичность исходного образа. Метонимическое *Stop thief!* из «The Tale of Peter Rabbit» у Гребнева передано прямо: «Держи вора!» – с сохранением краткости и иронического контраста. У И. Токмаковой фраза расширяется: «Ах ты, маленький воришка! Попался!»; в реплике появляется смягчённая, более тёплая интонация.

Показателен и пример антономазии *Sally Henney-penny*. М. Гребнев заменяет имя русской формой «Пеструшка»: антономазия остаётся, но рифмованный комизм источника теряется. И. Токмакова сохраняет имя как «Салли Хенни-Пенни»; приём формально удержан, хотя в русской культурной среде его комический эффект уже не

столь очевиден. В эпизоде с ромашковым чаем М. Гребнев ограничивается полным переводом с небольшими сдвигами – «чувствовал себя неважно», «целую ложку». И. Токмакова вводит разговорно окрашенное «расклеился» и оценочное «снадобье», из-за чего иронический подтекст ощущается резче.

Олицетворение *The moon climbed up... and looked down* у Гребнева передано нейтральнее: «поднялась» и «посмотрела». У И. Токмаковой появляются «взобралась» и «глянула», и луна выглядит более антропоморфной. В каламбуре *nuts* – «орехи» / «сумасшедший» – М. Гребнев сохраняет только предметное значение: «Кто роется в моих орехах?». И. Токмакова отказывается от буквального соответствия и предлагает функциональную замену: «Кто тут сходит с ума из-за орехов?»; двойной смысл возникает уже на иной языковой основе.

При передаче эпитета *bitter cold day* М. Гребнев даёт «холодный день», без компонента интенсивности. У И. Токмаковой появляется «холодным зимним днём»; экспрессивность исходного определения восстанавливается не прямо, а через развёрнутое уточнение. Гипербола *slept for hours and hours* у М. Гребнева перестраивается в «много-много часов», тогда как И. Токмакова сохраняет повторную структуру: «часами и часами». В последнем случае ритмический рисунок оригинала слышен явственнее.

Синтаксический слой обнаруживает те же различия, хотя в менее крупных масштабах. Инверсия *Out came Babbitty Bumble* у М. Гребнева передана конструкцией «Вылетел Бэббити Бамбл»: начальная позиция глагола поддерживает внезапность появления и динамику сцены. И. Токмакова выбирает «Выбрался Баббити Бамбл»; движение здесь кажется более медленным, с оттенком комической неторопливости. Риторический вопрос *How could they sleep with all that lettuce?* у М. Гребнева сохраняет обращённость к персонажам – «Как же они могли уснуть...». У И. Токмаковой возникает обобщённо-личная форма: «Как можно было заснуть...». Связь с конкретной сюжетной ситуацией при этом ослабевает, зато реплика звучит более универсально.

Литота: *was not very much impressed*. М. Гребнев использует калькированную конструкцию – «не слишком впечатлился». И. Токмакова применяет функциональное соответствие – «не очень понравился», что звучит естественнее по-русски при сохранении литотического эффекта.

Антитеза (противопоставление послушных крольчат и непослушного Питера). М. Гребнев противопоставляет «хорошие» и «очень непослушный». И. Токмакова усиливает антитезу через экспрессивную лексику – «славные» и «ужасный шалун».

Повтор: No more twist! No more twist! М. Гребнев сохраняет повтор со специальным термином – «Кончился гарус! Кончился гарус!». И. Токмакова использует общеупотребительную лексику с уменьшительно-ласкательным суффиксом – «Не хватает шнурочка! Не хватает шнурочка!», усиливая трогательность и сочувствие к персонажу.

Заключение

Проведённый анализ переводов сказок Беатрис Поттер, выполненных М. Гребневым и И. Токмаковой, позволяет выявить две различные стратегии.

Стратегия М. Гребнева определяется как адаптационно-редукционистская. На лексико-семантическом уровне переводчик часто создаёт неологизмы, заменяет реалии уподобляющим переводом, опускает культурно-специфические компоненты. На стилистическом уровне преобладают опущение фонетических приёмов, культурно-ситуативная замена метафор, нейтрализация экспрессивных эпитетов. На синтаксическом уровне сохраняется исходная структура, но снижается стилистическая маркированность. Основная цель – сделать текст максимально доступным, эмоционально выразительным и естественным для русскоязычного ребёнка.

Стратегия И. Токмаковой определяется как сохраняюще-вариативная. Переводчик предпочитает транскрипцию и калькирование при передаче антропонимов, описательный перевод и полукальку для реалий. На стилистическом уровне последовательно применяются экспликация, добавление смысловых компонентов, структурное преобразование и компенсация. И. Токмакова стремится сохранить звуковой образ, метафорику, иронический подтекст и синтаксический рисунок оригинала. Жертвой доступности становится реже; приоритетом остаётся художественное своеобразие произведения.

Различия между двумя переводами наглядно демонстрируют, что перевод детской литературы требует осознанного выбора между двумя полюсами: адаптацией к восприятию иноязычной аудитории и сохранением культурной, стилистической и образной специфики оригинала. Оба подхода имеют право на существование; выбор зависит от коммуникативной задачи конкретного издания. Перспективы дальнейшего исследования связаны с расширением корпуса за счёт других переводчиков (О. Образцовой) и привлечением экспериментальных данных о восприятии разных стратегий детской аудиторией.

Список литературы

1. Иванова Н. Г. Особенности перевода звукоподражаний английской литературной сказки на русский язык / Н. Г. Иванова, А. В. Кириллова // Казанская наука. – 2025. – № 10. – С. 589-591.
2. Никульшина А. В. Явление интерференции при переводе сказок Б. Поттер / А. В. Никульшина, Е. В. Илова // В сборнике: Креативная лингвистика. Сборник научных статей. Астрахань, 2025. – С. 353-357.
3. Байкова, О. В. Специфика перевода фонетических стилистических средств на материале сказок Беатрис Поттер / О. В. Байкова, А. С. Земцова // Общество. Наука. Инновации (НПК-2023) : сборник материалов XXIII Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, приуроченной к 60-летию ВятГУ : в 2 т. – Киров, 2023. – Т. 1. – С. 24–27.
4. Ермолович, Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур / Д. И. Ермолович. – Москва : Р. Валент, 2001. – 200 с. .
5. Жук, Е. Е. Имена собственные в английских сказках и их перевод (на примере сказок Беатрис Поттер) / Е. Е. Жук // Актуальные аспекты лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации : Сборник научных статей IV Международной научно-практической конференции, Краснодар, 22 ноября 2024 года. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2024. – С. 64-70.
6. Омельченко, Е. Д. Особенности перевода англоязычной детской художественной литературы (на примере сказок Беатрис Поттер) / Е. Д. Омельченко, А. М. Зиатдинова // Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики : Сборник научных трудов VIII Международной научно-практической конференции, Елабуга, 11–12 октября 2024 года. – Елабуга: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2024. – С. 289-294.
7. Байкова, О. В. Специфика перевода фонетических стилистических средств на материале сказок Беатрис Поттер / О. В. Байкова, А. С. Земцова // Общество. Наука. Инновации (НПК-2023) : Сборник материалов XXIII Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, приуроченной к 60-летию ВятГУ. В 2-х томах, Киров, 12 апреля – 22 2023 года. Том 1. – Киров: Вятский государственный университет, 2023. – С. 24-27.

Список источников

8. Поттер, Б. Кролик Питер и другие истории / Б. Поттер ; пер. с англ. М. Гребнева. – Москва : Художественная литература, 1994. – 84 с.
9. Поттер, Б. Сказки / Б. Поттер ; пер. с англ. И. Токмакова. – Москва : Детская литература, 1989. – 76 с.
10. The Beatrix Potter Collection / B. Potter. – Vol. 1–2. – Typeset in Great Britain by Antony Gray. – Wordsworth Editions Limited, 2014. – 430 p.

Дата публикации 16.06.2026

УДК 81'23

**Шуняков Е.А. Словообразовательные модели окказионализмов,
функционирующих в вымышленном мире компьютерной игры
«Subnautica»**

Шуняков Евгений Алексеевич

аспирант кафедры теории английского языка и переводоведения
Брянский государственный университет им. акад. И. Г. Петровского, РФ, г. Брянск
shunyakov100@gmail.com

**Word-Formation Models of Nonce Words Functioning in the Fictional World of
the Computer Game «Subnautica»**

Shunyakov Evgeniy Alexeevich

postgraduate student of English theory and translation studies department
I.G. Petrovsky Bryansk State University, Russia, Bryansk

Аннотация. В статье исследуются окказионализмы, функционирующие в компьютерной игре «Subnautica», как средство создания и репрезентации художественного образа вымышленного инопланетного мира. Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом современной лингвистики к языковым особенностям виртуальных художественных вселенных, а также недостаточной изученностью окказиональной лексики в видеоиграх по сравнению с литературными произведениями и кинематографом. Цель работы заключается в выявлении особенностей образования окказионализмов компьютерной игры и определении их роли в формировании игрового мира и восприятии его пользователем. В ходе исследования анализируются способы образования рассматриваемых языковых единиц. Особое внимание уделяется способности окказионализмов передавать специфику инопланетной флоры, фауны, технологий и культурных реалий, обеспечивая эффект достоверности и целостности художественного пространства. Научная новизна исследования состоит в комплексном рассмотрении окказиональной лексики видеоигры как инструмента построения игрового мира, что позволяет расширить представления о языковых механизмах создания вымышленных миров в интерактивных цифровых произведениях. Полученные результаты могут быть использованы в исследованиях игровой локализации, лексикологии и теории художественного дискурса.

Ключевые слова: окказионализм, неологизм, вымышленная вселенная, фантастика, словообразование, компьютерный игровой дискурс.

Abstract. This article examines nonce words functioning in the video game «Subnautica» as a means of creating and representing the artistic image of a fictional alien world. The relevance of the study is determined by the growing interest of modern linguistics in the linguistic features of virtual fictional universes, as well as by the insufficient investigation of occasional vocabulary in video games compared to literary works and cinematographic productions. The aim of the research is to identify the peculiarities of nonce words formation in the video game and to determine their role in the construction of the game world and its perception by players. The study analyzes the word-formation patterns

employed in the creation of these lexical units. Particular attention is paid to the ability of nonce words to convey the specific characteristics of alien flora, fauna, technologies, and cultural realities, thereby ensuring the credibility and coherence of the fictional environment. The scientific novelty of the research lies in its comprehensive examination of occasional vocabulary in a video game as a tool of world-building, which contributes to a broader understanding of the linguistic mechanisms involved in the creation of fictional worlds in interactive digital media. The findings may be applied in the fields of game localization studies, lexicology, and the theory of fictional discourse.

Key words: nonce word, neologism, fictional universe, fiction, word formation, computer game discourse.

Проблема окказионального словотворчества неизменно притягивает внимание учёных, поскольку язык как явление находится в постоянном развитии, вследствие чего сфера использования окказионализмов, их функциональность и продуктивные модели их образования могут так же подвергаться изменениям. Одной из основных функций окказионализмов является экспрессивная функция, то есть образованное слово может иметь определённую эмоциональную окраску и передавать личностное отношение автора к денотату [2, с. 193]. Таким образом, окказионализмы, благодаря выраженной экспрессивной функции, используются в произведениях, действие которых происходит в вымышленном мире, для обозначения несуществующих географических объектов, явлений флоры и фауны, наименования инопланетных рас, фантастических технологий и предметов и так далее. Актуальность данного исследования заключается в изучении функционирования окказионализмов и их роли при создании образа вымышленного мира.

Вначале следует разграничить сходные понятия, такие как ‘окказионализм’ и ‘неологизм’. Неологизмы возникают в тех случаях, когда образуется потребность в описании новых явлений. С течением времени неологизмы перестают восприниматься как новые слова и становятся частью словарной системы языка, тем самым утрачивая статус неологизмов. Окказионализмы, напротив, существуют только в определённом контексте, для которого они были созданы, сохраняют связь со своим автором, чем и объясняется ограниченность их употребления [1, с. 92].

Учёные по-разному трактуют окказионализмы. Н.И. Фельдман называет их «словами-самоделками», которые «не получили распространения, не вошли в язык и в силу этого сохраняют свою новизну независимо от момента» [6, с. 65]. М.Д. Степанова определяет окказионализмы как случайные единичные образования», «слова-метеоры», которые не выходят за пределы своих произведений [5, с. 39]. Согласно словарю-справочнику лингвистических терминов, окказионализм – это

«слово, образованное по непродуктивной модели, используемое только в условиях данного контекста» [4, с. 157].

Компьютерный игровой дискурс представляет особый интерес для изучения окказионализмов, так как он включает в себя множество слов, которые создаются авторами игровых вселенных для описания происходящих в них явлений. Всё больше исследователей обращают внимание на компьютерный игровой дискурс, так как игровая индустрия за последние десятилетия превратилась в один из наиболее значимых секторов современной экономики, направленных на развлечение. По мере того как видеоигры переходят из разряда нишевого увлечения или хобби и становятся элементом массовой культуры, конкурируют с кинематографом и профессиональным спортом, учёные всё чаще обращаются к анализу языковых, коммуникативных и социокультурных аспектов, которые представляется возможным изучать в рамках данного дискурса.

Научный интерес к компьютерному игровому дискурсу обусловлен его относительной новизной по сравнению с другими дискурсами. На ряду с компьютерным игровым дискурсом лингвисты занимаются изучением компьютерного, электронного, виртуального дискурса, интернет-дискурса и прочих дискурсов, связанных с компьютерными технологиями. Учёные определяют терминологическую базу, анализируют лингвистические категории данных дискурсов, а также приводят их сходства и различия [3, с. 114].

В рамках компьютерного игрового дискурса возможно производить анализ на макро- и микроуровнях языка. Макроуровень включает изучение игровых жанров, в то время как микроуровень анализирует языковые единицы с точки зрения их лексико-грамматических, а также фонетических особенностей [7, с. 94]. Окказионализмы стоит рассмотреть на микроуровне языка, так как в отличие от узуальных слов, чьё производство подчиняется регулярным и продуктивным моделям, окказионализмы демонстрируют нарушение, расширение или творческое переосмысление действующих словообразовательных парадигм. Анализ на микроуровне позволяет выявить, за счёт каких конкретных морфемных и деривационных механизмов достигается эффект новизны и экспрессивности: это может быть контаминация основ, изменение стандартного аффикса на семантически избыточный, субституция словообразовательного форманта в рамках словообразовательной модели.

Особый интерес представляют случаи построения окказионализма по продуктивным моделям словообразования, но с нарушением лексико-семантических

или грамматических норм. Например, образование абстрактного существительного от конкретного корня, не предполагающего подобной деривации в рамках языковой нормы.

В настоящей статье рассматриваются исключительно окказионализмы, которые были созданы для обозначения явлений флоры и фауны игровой вселенной компьютерной игры «Subnautica». Данная вселенная представлена в виде вымышленной отдалённой планеты, большая часть суши которой скрыта под водой. Игрок выступает в роли потерпевшего крушение члена экипажа, вынужденного столкнуться с агрессивной инопланетной экосистемой подводного мира. Для формирования образа инопланетности и инаковости, авторы игры прибегают к созданию множества окказионализмов, описывающих окружение, с которым встречается игрок.

Для понимания природы происхождения тех или иных окказионализмов необходимо рассмотреть их словообразовательные модели. В статье используется следующая классификация моделей словообразования: аффиксация, основосложение, конверсия, усечение, блендинг, редупликация, а также смешанные типы словообразования. В ходе работы было проанализировано 25 окказионализмов, встречающихся в исследуемом игровом материале.

Словообразовательная структура исследуемых окказионализмов компьютерного игрового дискурса подлежит следующей типологической классификации:

- окказионализмы, образованные по продуктивным моделям;
- окказионализмы, образованные по малопродуктивным моделям.

Проведенный словообразовательный анализ окказионализмов позволяет установить, что в компьютерном игровом дискурсе на примере игровой вселенной компьютерной игры «Subnautica» преобладают продуктивные способы словообразования, среди которых ведущими являются основосложение, аффиксация и контаминация.

Большинство исследуемых окказионализмов были образованы путём основосложения (17 окказионализмов, 68% от общего числа анализируемых единиц). Данный словообразовательный тип подразумевает создание нового слова путём сложения двух или более полнозначных основ (или целых слов) в одну комплексную единицу.

Рассмотрим следующие примеры:

Окказионализм *bladderfish* образован с помощью слияния субстантивных основ *bladder* – ‘an organ like a bag inside the body of a person or animal, where urine is stored before it leaves the body’ и *fish* – ‘an animal that lives in water, is covered with scales, and breathes by taking water in through its mouth, or the flesh of these animals eaten as food’ (Здесь и далее: значения слов указаны в соответствии с онлайн-словарём английского языка «Cambridge Dictionary»: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/>).

Таким способом были образованы следующие окказионализмы: *boneshark* (*bone* – ‘any of the hard parts inside a human or animal that make up its frame’ + *shark* – ‘a large fish that has sharp teeth and a pointed fin on its back’); *brinewing* (*brine* – ‘water with salt in it, especially when used to preserve food’ + *wing* – ‘the flat part of the body that a bird, insect, or other animal uses for flying’); *crashfish* (*crash* – ‘If a vehicle crashes or someone crashes it, it is involved in an accident, usually a serious one in which the vehicle is damaged and someone is hurt’ + *fish*); *crabsnake* (*crab* – ‘a sea creature with five pairs of legs and a round, flat body covered by a shell, or its flesh eaten as food’ + *snake* – ‘a reptile with a long body and no legs’); *crabsquid* (*crab* + *squid* – ‘a sea creature with a long body and ten arms situated around the mouth, or this animal eaten as food’); *creepvine* (*creep* – ‘to move slowly, quietly, and carefully, usually in order to avoid being noticed’ + *vine* – ‘any type of plant that climbs or grows along the ground and has twisting stems’); *gasopod* (*gas* – ‘a substance in a form like air that is neither solid nor liquid’ + *pod* – ‘a long, narrow container that is attached to an aircraft for carrying engines, weapons, extra fuel, etc.’ с применением интерфикса -o-); *ghostray* (*ghost* – ‘the spirit of a dead person, sometimes represented as a pale, almost transparent image of that person that some people believe appears to people who are alive’ + *ray* – ‘a narrow beam of light, heat, etc. travelling in a straight line from its place of origin’); *holefish* (*hole* – ‘an empty space in an object, usually with an opening to the object's surface, or an opening that goes completely through an object’ + *fish*); *hoopfish* (*hoop* – ‘a ring of wood, metal, or plastic’ + *fish*); *hoverfish* (*hover* – ‘to stay in one place in the air, usually by moving the wings quickly’ + *fish*); *jellyray* (*jelly* – ‘any soft, slightly wet substance that shakes slightly when it is moved’ + *ray*); *reefback* (*reef* – ‘a line of rocks or sand just above or just below the surface of the sea, often dangerous to ships’ + *back* – ‘the inside or outside part of an object, vehicle, building, etc. that is furthest from the front’); *rockgrub* (*rock* – ‘the dry solid part of the earth's surface, or any large piece of this that sticks up out of the ground or the sea’ + *grub* – ‘an insect in the stage when it has just come out of its egg’); *squidshark* (*squid* + *shark*); *ventgarden* (*vent* – ‘a small opening that allows air, smoke, or gas to enter or leave a closed space’ + *garden* – ‘a piece of land

next to and belonging to a house, where flowers and other plants are grown, and often containing an area of grass'). Окказионализм *pengling* образован при помощи блендинга путём соединения усечённой субстантивной основы *peng* (от *penguin* – 'a black and white bird, found mainly in the Antarctic, that cannot fly but uses its small wings to help it swim') и аффиксации – присоединения уменьшительно-ласкательного суффикса *-ling*.

На примере исследуемых окказионализмов можно отметить, что наиболее частотной моделью основосложения для создания окказионализмов является слияние субстантивных основ (N + N pattern), второй по частотности идет слияние глагольной и субстантивной основ (V + N pattern).

Следующей продуктивной словообразовательной моделью является блендинг (5 окказионализмов, 20% от общего числа анализируемых единиц). Данная модель словообразования представляет собой объединение основ, одна или обе из которых являются усечёнными, в единое слово.

Например, окказионализм *ampeel* образован при помощи блендинга путём соединения усечённой субстантивной основы *amp* (от *ampere* – 'the standard unit of electric current') и субстантивной основы *eel* – 'a long, thin, snake-like fish, some types of which are eaten'. Подобным способом были также образованы следующие окказионализмы: *jellyshroom* (субстантивная основа *jelly* – 'any soft, slightly wet substance that shakes slightly when it is moved' + усечённая субстантивная основа *shroom* (от *mushroom* – 'a type of fungus that grows soft parts above the ground that produce spores')); *magmarang* (субстантивная основа *magma* – 'hot liquid rock found just below the surface of the earth' и усечённой субстантивной основы *rang* (от *boomerang* – 'a curved stick that, when thrown in a particular way, comes back to the person who threw it')); *pengwing* (усечённая субстантивная основа *peng* (от *penguin*) + субстантивная основа *wing* – 'the flat part of the body that a bird, insect, or other animal uses for flying').

Наименее используемой моделью словообразования является редупликация (1 окказионализм, 4% от общего числа анализируемых единиц).

С помощью частичной редупликации был образован окказионализм *eyeeye* (субстантивная основа *eye* – 'one of the two organs in your face that are used for seeing' + усечённая субстантивная основа *ye* (от *eye*)).

Проведённый анализ позволяет заключить, что окказионализмы в игровой вселенной «Subnautica» выступают важным инструментом моделирования художественного пространства в создании образа фантастического мира.

Преобладание такой словообразовательной модели как основосложение может свидетельствовать о стремлении разработчика обеспечить семантическую прозрачность окказионализмов и таким образом облегчить восприятие несуществующих для игрока реалий. Единичные случаи использования менее продуктивных моделей словообразования подтверждают вариативность словообразовательных стратегий в игровом дискурсе. Таким образом, окказионализмы выполняют не только номинативную, но и экспрессивную функцию, способствуя погружению игрока в вымышленную реальность. Перспективным представляется дальнейшее изучение окказионального словотворчества в компьютерных играх с привлечением более широкого корпуса материала и сопоставительного анализа различных игровых вселенных.

Список литературы

1. Годизова З. И., Ши Яньнин. Окказионализмы в современном русском языке рубежа веков: семантико-словообразовательный аспект // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. № 2. С. 192–200.
2. Балкунова А. С. Никнейм – неологизм или окказионализм? // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2011. № 1 (7). С. 92–96.
3. Фельдман Н. И. Окказиональные слова и лексикография // Вопросы языкознания. 1957. № 4. С. 64–73.
4. Степанова М. Д. Словообразование современного немецкого языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1953. 374 с.
5. Енбаева Л. В., Ханжин Ю. С. Дискурсивные характеристики компьютерных игр: сопоставительный анализ // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2018. № 4.
6. Харлашкин М. Н. Особенности дискурса видеоигр // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 1. С. 92–98.

Список источников

7. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителей. 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1976. 543 с.
8. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 13.02.2026).
9. Subnautica [Электронный ресурс] // KRAFTON. URL: <https://subnautica.com/en> (дата обращения: 14.01.2026).

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

Дата публикации 25.06.2026

УДК 81'25

Александрова Э.В., Шкилев Р.Е. Особенности перевода юридических текстов с русского языка на английский язык

Александрова Эльвира Валерьевна

студентка 3 курса кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации
Высшей школы педагогики и филологии Елабужского института Казанского
Федерального университета
Aleksandrova20_05@mail.ru

Шкилев Роман Евгеньевич

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии и
межкультурной коммуникации Высшей школы педагогики и филологии
Елабужского института Казанского Федерального университета
schkilef@gmail.com

Title Features of Legal Texts Translation from Russian into English

Aleksandrova Elvira Valerevna

3rd-year student, Department of English Philology and Intercultural Communication
Higher School of Pedagogy and Philology, Elabuga Institute of Kazan Federal University

Shkilev Roman Evgenyevich

PhD in Philology, Docent, Associate professor at the Department of English Philology and
Intercultural Communication, Higher School of Pedagogy and Philology, Elabuga Institute
of Kazan Federal University

Аннотация. На основе сравнительной типологии анализируются особенности перевода юридических текстов с русского языка на английский. Цель исследования — выявление системных расхождений на лексическом, грамматическом и синтаксическом уровнях и определение способов их преодоления. В работе используются контрастивный анализ и метод переводческих трансформаций. Научная новизна заключается в комплексном подходе, объединяющем типологию языков и практику юридического перевода, что отличает данное исследование от работ, сосредоточенных на отдельных аспектах (например, только на лексических или только на грамматических трудностях). В результате выявлены основные зоны расхождений: безэквивалентная лексика, ложные друзья переводчика, отсутствие прямого эквивалента модального глагола *shall*, различия в употреблении пассивных конструкций и синтаксической организации предложений. Предложены практические алгоритмы перевода, иллюстрированные десятью конкретными примерами из аутентичных текстов.

Ключевые слова: юридический перевод, сравнительная типология, переводческие трансформации, безэквивалентная лексика, *legalese*, юридический дискурс, модальный глагол *shall*, пассивные конструкции.

Abstract. Based on comparative typology, the article analyzes legal translation from Russian into English. The aim is to identify systemic discrepancies at the lexical, grammatical and syntactic levels and to determine ways to overcome them. Contrastive analysis and translation transformations are used. The scientific novelty lies in an integrated approach combining language typology and legal translation practice, which distinguishes this study from works focused on individual aspects. As a result, the main areas of divergence are identified: non-equivalent lexis, false friends, the lack of a direct equivalent for the modal verb shall, differences in the use of passive constructions and syntactic organization. Practical translation algorithms are proposed, illustrated with ten specific examples from authentic texts.

Keywords: legal translation, comparative typology, translation transformations, non-equivalent lexis, legalese, legal discourse, modal verb shall, passive constructions.

Введение. Юридический перевод — особый вид межкультурной коммуникации, требующий не только лингвистических, но и глубоких экстралингвистических знаний в области права. Ошибка в переводе юридического текста может иметь серьёзные правовые последствия. В условиях глобализации проблема адекватного перевода юридических документов приобретает особую остроту. Настоящая работа сосредоточена на направлении перевода с русского языка на английский. Целью исследования является выявление системных типологических расхождений между русскими и английскими юридическими текстами и определение способов их преодоления. Материалом исследования послужили аутентичные тексты российских нормативно-правовых актов, а именно Гражданский кодекс РФ, и англо-американской договорной документации, а также их переводы. Методологическую основу составили контрастивный анализ, контекстуальный анализ и метод переводческих трансформаций.

Юридические тексты на русском и английском языках демонстрируют системные различия на лексическом, морфологическом, синтаксическом и стилистическом уровнях. К лингвистическим факторам относятся наличие или отсутствие категории определенности-неопределенности, аналитизм английского versus синтетизм русского, различия в синтаксической организации и порядке слов. Экстралингвистические факторы — различия между правовыми семьями, что порождает безэквивалентную лексику. Как подчёркивает Т.С. Стрельчик, одна из основных проблем — несовпадение терминов в различных правовых системах [1, с. 136].

Лексико-семантические особенности и проблемы перевода. Наиболее очевидные трудности при переводе с русского на английский связаны с безэквивалентной лексикой — терминами, обозначающими реалии, отсутствующие в правовой системе целевого языка [2, с. 229]. Сложны для передачи мировой судья,

следственный комитет, прокуратура, нотариус. А.В. Невар подчёркивает, что переводчику часто приходится выбирать из нескольких возможных вариантов, и этот выбор должен основываться на анализе контекста [3, с. 242]. Особую группу составляют ложные друзья переводчика: английское *advocate* не является полным эквивалентом русского адвокат [4, с. 279].

Пример 1. Безэквивалентная лексика. Русский термин «мировой судья» в английском переводе передаётся как *justice of the peace* с добавлением пояснения в сноске: *a judge with limited jurisdiction in the Russian judicial system*. «Прокуратура» переводится описательно — *prosecutor's office* или *public prosecution service*, поскольку в странах общего права нет единого органа, сочетающего надзор и обвинение. «Нотариус» — *notary public*, однако российский нотариус имеет более широкие полномочия, что требует комментария.

Пример 2. Ложные друзья. В договоре купли-продажи русское «адвокат» не следует переводить как *advocate*, если речь идёт о представителе в суде общей юрисдикции; правильно — *attorney* или *counsel*. В то же время английское *lawyer* шире русского «юрист», поэтому при переводе с русского фразы «он работает юристом» корректнее *he works as a legal counsel*.

Пример 3. Передача реалий судебной системы. Русский термин «следственный комитет» не имеет аналога в английском общем праве. При переводе используется калька *Investigative Committee* с обязательным пояснением: *a federal agency in Russia with authority to investigate serious crimes*. В договоре о правовой помощи допустимо описательное *Russian federal agency for pre-trial criminal investigation*. «Апелляционная инстанция» в российском процессе передаётся как *court of appeal*, «кассационная инстанция» — *cassation instance* с пояснением, что это третья ступень обжалования, отсутствующая в системе общего права.

Пример 4. Ложные друзья «акт» — *act*, «лицо» — *person*. Русское слово «акт» может означать и *act* в значении нормативный акт, и *deed* как документ, и *record* как протокол. Ошибка: перевод «акт обследования» как *act of inspection* вместо *inspection report*. Русское «юридическое лицо» — *legal entity*, а не *legal person*, хотя последнее тоже допустимо, но в англо-американской практике предпочитают *entity*. Пример из доверенности: «Петров действует как физическое лицо» *Petrov acts as an individual*.

Грамматические и синтаксические расхождения. Глагол *shall* в английском юридическом дискурсе выражает долженствование, но в русском языке нет его прямого эквивалента. При переводе с русского на английский необходимо выявлять случаи, где русское предложение подразумевает обязанность, и вводить

shall [5, с. 275]. Также английский юридический стиль предпочитает пассивные конструкции, русский — активные, поэтому требуется трансформация. Синтаксические различия проявляются в длине и сложности предложений: русские тексты более развёрнуты, английские — короче, что требует членения [6, с. 161].

Пример 5. Передача shall. Русская фраза из договора «Исполнитель обязан предоставить отчёт в течение пяти дней» при переводе получает shall: The Contractor shall submit the report within five business days.

Пример 6. Пассивные конструкции. Русское активное предложение «Суд рассматривает дело в открытом заседании» трансформируется в английский пассив: The case is heard by the court in open session.

Пример 7. Членение предложения. Сложное русское предложение из Гражданского кодекса РФ «Если иное не предусмотрено договором, риск случайной гибели товара переходит к покупателю с момента, когда продавец считается исполнившим свою обязанность передать товар, а покупатель — принявшим его» разбивается на два английских: Unless otherwise provided by the contract, the risk of accidental loss of the goods shall pass to the buyer. This occurs at the moment when the seller is deemed to have fulfilled the obligation to deliver the goods and the buyer — to have accepted them.

Пример 8. Передача русских деепричастных оборотов. «Руководствуясь статьёй 309 Гражданского кодекса РФ, продавец обязуется...» Pursuant to Article 309 of the Civil Code of the Russian Federation, the seller shall undertake... Из реального договора: «Учитывая просрочку исполнения, покупатель вправе отказаться от договора» Given the delay in performance, the buyer is entitled to withdraw from the contract.

Пример 9. Скрытое долженствование. «Налогоплательщик представляет декларацию не позднее 30 апреля» The taxpayer shall submit the tax return no later than April 30, потому что без shall теряется обязательность. «Договор вступает в силу с момента подписания» The contract shall enter into force upon signature.

Пример 10. Членение предложения с причастным оборотом. Русский текст из ГК РФ: «Имущество, переданное в доверительное управление, не подлежит обращению взыскания по долгам учредителя управления, за исключением случаев признания учредителя несостоятельным банкротом, если такое имущество было приобретено до возбуждения производства по делу о банкротстве». Английский перевод с членением на три предложения: Property transferred into trust management shall not be subject to foreclosure for the debts of the trust founder. This rule does not apply

if the founder is declared insolvent or bankrupt. An exception exists only where such property was acquired before the initiation of bankruptcy proceedings.

Применение переводческих трансформаций. На лексическом уровне доминируют транслитерация, калькирование и описательный перевод. На грамматическом — замена активного залога на пассивный, перестановка, членение предложения [7, с. 160]. Дополнительные аспекты рассматриваются в работах других авторов: интерпретация юридического текста неразрывно связана с переводом [8, с. 155]; наибольшие сложности связаны с терминологией разных правовых традиций [9, с. 89]; безэквивалентная лексика — маркер межкультурных различий [10, с. 48]; она отражает национально-культурную специфику правовых систем [11, с. 118]; передача *shall* — ключевая проблема [12, с. 94]; модальные глаголы несут высокую смысловую нагрузку [13, с. 65].

Заключение. Проведённое исследование показало, что особенности перевода юридических текстов с русского на английский носят системный характер и требуют от переводчика не только языковой, но и экстралингвистической компетенции. Основные зоны расхождений выявлены на лексическом уровне — безэквивалентная лексика, ложные друзья, на грамматическом — отсутствие эквивалента *shall*, различия в употреблении пассива, и на синтаксическом — длина и сложность предложений. Предложены практические алгоритмы выбора переводческих решений, проиллюстрированные десятью конкретными примерами. Перспективы дальнейших исследований видятся в расширении эмпирической базы и разработке методических рекомендаций для обучения юридическому переводу.

Список литературы

1. Стрельчик Т.С. Проблема несовпадения трактовок некоторых юридических понятий в английском и русском языках // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам: материалы XV Междунар. науч. конф., Минск, 29 окт. 2021 г. Минск: БГУ, 2021. С. 136-140.
2. Занковец О.В., Цыганкова М.В. Лексическая безэквивалентность юридических терминов // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире: материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 24–25 окт. 2019 г. Минск: БГУ, 2019. С. 229-234.
3. Невар А.В. Выбор эквивалентов из ряда синонимов при переводе терминологии правовых документов с русского языка на английский // Сборник научных статей по материалам XXII Междунар. студ. науч. конф., Гродно, 13 мая 2021 г. Гродно: ГГАУ, 2021. С. 241-244.
4. Занковец О.В., Жвырблевская М.Н. Псевдоинтернациональная лексика в правовых документах: функционирование и перевод // Иностранные языки: инновации, перспективы исследования и преподавания: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 23–24 марта 2023 г. Минск: БГУ, 2023. С. 279-283.

5. Жминько И.И. Особенности трудности перевода английских юридических текстов на русский язык // Молодежная наука 2021: технологии, инновации: в 3 ч. Ч. 3: материалы Всеросс. науч.-практ. конф., Пермь, 9-12 марта 2021 г. Пермь: ИПЦ "Прокрость", 2021. С. 275-276.
6. Угоренко В.П. Синтаксические особенности перевода юридического текста // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире: сб. ст. по итогам III Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 26–27 окт. 2017 г. Ч. 1. Минск: Изд. центр БГУ, 2018. С. 161-166.
7. Фисун Е.Р., Некрутенко Е.Б. Переводческие трансформации и их классификация // Язык и культура: сборник научных трудов V Республиканской очно-заочной научной конференции (с международным участием). Макеевка: Донбасская национальная академия строительства и архитектуры, 2019. С. 160-162.
8. Барабаш О.В., Мещерякова О.В. Юридический текст: проблема интерпретации и перевода // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2013. № 3. С. 152-161.
9. Кубракова М.В. Особенности перевода юридической лексики // Современные исследования в области гуманитарных наук. 2020. № 4. С. 87-92.
10. Исаева А.А. Проблема передачи безэквивалентной лексики в аспекте межкультурных различий в правовых сферах // Актуальные вопросы переводоведения. 2020. № 2. С. 45-51.
11. Капнина М.А. Безэквивалентная лексика как отражение национально-культурной специфики правовых систем // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2022. Т. 26. № 1. С. 112-126.
12. Голубева В.А. Особенности передачи модальных глаголов при переводе с английского языка на русский // Академическая публицистика. 2018. № 6. С. 92-96.
13. Данилина А.А., Игнатова М.Н. Особенности перевода модальных глаголов в деловом английском языке // Будущее науки – 2025: сборник научных статей 12-й Междунар. молодеж. науч. конф. Курск, 2025. С. 63-67.

Дата публикации 10.06.2026

УДК 81'42

Дзахова В.Т., Тедеева Д.О. Языковые средства выражения эмоций в политическом дискурсе (на материале немецкого языка)

Дзахова Вероника Тамбиевна

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры романо-германских языков
Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л.Хетагурова
РФ, г.Владикавказ
tambi60@mail.ru

Тедеева Диляра Олеговна

Студентка, Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л.Хетагурова
РФ, г. Владикавказ
dilyara.ted@gmail.ru

Linguistic means of expressing emotions in political discourse

Dzakhova Veronika Tambievna

Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Romance and Germanic
Languages, K.L. Khetagurov North Ossetian State University
Vladikavkaz, Russian Federation

Tedeeva Dilyara Olegovna

Student, Department of Romance and Germanic Languages
K.L. Khetagurov North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russian Federation

Аннотация. Статья посвящена анализу языковых средств, через которые в немецком политическом дискурсе передаются эмоции. Основная задача работы — выявить лексические, синтаксические, грамматические и стилистические механизмы, формирующие эмоциональный слой политической речи. В качестве эмпирической базы выбран текст новогоднего обращения федерального канцлера Германии Ангелы Меркель. Применяются описательный и контекстуальный анализ, а также отдельные приёмы дискурс-анализа. Показано, что эмоциональная составляющая немецкого политического дискурса, как правило, выражена сдержанно и опосредованно: она реализуется через оценочную лексику, модальные конструкции и риторические приёмы. Эти средства усиливают персуазивный потенциал высказывания и способствуют формированию доверия и чувства солидарности у аудитории.

Ключевые слова: политический дискурс, немецкий язык, эмоции, экспрессивность, модальность.

Abstract. The paper focuses on the linguistic means used to convey emotions in German political discourse. The aim of the work is to identify lexical, syntactic, grammatical and stylistic mechanisms that shape the emotional dimension of political speech. The empirical material is the New Year's address of the Federal Chancellor of Germany, Angela Merkel. The study relies on descriptive and contextual analysis, supplemented by elements of discourse analysis. It is demonstrated that emotionality in German political discourse tends to be restrained and implicit, emerging through evaluative vocabulary, modal

constructions and rhetorical devices. These means enhance persuasive impact and foster trust and solidarity among the audience.

Keywords: political discourse, German language, emotions, linguistic means, expressiveness, modality.

Политический дискурс выступает одной из ключевых форм институциональной коммуникации, ориентированной на формирование общественного мнения и воздействие на массовую аудиторию. Его специфика проявляется в одновременной реализации информативной и персуазивной функций, которые воплощаются через систему языковых средств [1; 2].

Эмоциональный компонент в политической речи играет особую роль. Он усиливает выразительность высказывания, помогает структурировать содержание и направляет интерпретацию событий адресатом. При этом эмоции в данном типе дискурса не носят спонтанного характера — они используются как целенаправленный инструмент воздействия [3].

Интерес к механизмам эмоционального влияния в политической коммуникации в последние годы заметно усилился, что и определяет актуальность работы. Немецкий политический дискурс в этом отношении показателен: его отличают сдержанность и ориентация на рациональность, поэтому способы выражения эмоций здесь приобретают особую аналитическую ценность [4].

Цель статьи — выявление и анализ языковых средств выражения эмоций в немецком политическом дискурсе.

Материал и методы исследования

В качестве материала взято новогоднее обращение Ангелы Меркель за 2015 год. Жанр сам по себе примечательный: это одновременно официальный политический текст и нечто личное, обращённое напрямую к каждому зрителю. Именно это сочетание делает его продуктивным для анализа эмоциональных механизмов, поскольку говорящий вынужден балансировать между институциональным статусом и коммуникативной близостью.

Методологическую основу работы составляют описательный метод и контекстуальный анализ, дополненные элементами дискурс-анализа и прагмалингвистического подхода. Такая комбинация позволяет рассматривать текст одновременно в нескольких плоскостях: что сказано, как сказано и с какой коммуникативной целью [2].

Лексические средства

Лексический уровень несёт основную нагрузку в формировании эмоционального фона политического текста, и обращение Меркель это наглядно подтверждает.

Прежде всего обращает на себя внимание оценочная лексика с резким разрывом между двумя полюсами. Слова *Krisen* и *Kriege* создают фон тревоги и нестабильности, тогда как уже через несколько фраз появляются *starkes Land* и *Nehausragendes*, разворачивающие восприятие в противоположную сторону. Такое чередование представляет собой устойчивый риторический приём: угроза называется прежде, чем предлагается опора, что усиливает убедительность позитивного полюса. По мнению А.В. Зориной [5, с. 1156], использование метафорических моделей позволяет политику трансформировать абстрактные переживания в конкретные образы за счет вербализации эмоций.

Лексика благодарности выполняет сразу несколько функций. Повтор *Danke* и конструкции типа *Ich danke den freiwilligen Helfern* называют конкретные группы людей, а не абстрактное общество, что снижает дистанцию между политиком и аудиторией. Помимо этого, благодарность как речевой акт предполагает признание чужого вклада, и слушатель начинает воспринимать себя участником общего усилия, а не сторонним наблюдателем.

Ценностная лексика, представленная единицами *Werte*, *Respekt*, *Traditionen*, апеллирует к тому, что в культурном пространстве считается само собой разумеющимся. Подобные слова функционируют через механизм узнавания, а не убеждения: они не требуют аргументации, поскольку активируют уже существующие ценностные установки аудитории [1, с. 42–45].

Лексика надежды реализована через конкретные формульные конструкции. *Wir schaffen das* и *Ich bin überzeugt* отличаются от общих заверений тем, что форма первого лица множественного числа включает говорящего в коллективное усилие, а не позиционирует его над аудиторией. Это снижает тревожность и транслирует уверенность без избыточной патетики.

Синтаксические средства

Синтаксическая организация высказывания напрямую влияет на интенсивность эмоционального воздействия, и в обращении Меркель этот уровень задействован последовательно и разнообразно.

Перечисления типа *Unsere Werte, unsere Traditionen, unsere Gesetze* создают ритмическое нагнетание, при котором каждый следующий элемент воспринимается весомее предыдущего. Важно, что однородные члены здесь не просто перечисляют

факты, а выстраивают иерархию смыслов: от абстрактного к конкретному, от общего к институциональному.

Анафорические повторы усиливают этот эффект на уровне сверхфразового единства. Многократное воспроизведение одной и той же начальной конструкции фиксирует ключевую идею в памяти адресата и придаёт тексту черты ритуальной речи, что особенно уместно в жанре новогоднего обращения.

Краткие предложения, например 2015 war so ein Jahr., функционируют как намеренные паузы в общем развёртывании текста. Они прерывают синтаксический поток и концентрируют внимание именно в той точке, где говорящему необходима максимальная смысловая фиксация.

Местоимение wir пронизывает весь текст и выполняет функцию риторического включения. Адресат не остаётся по другую сторону высказывания, он оказывается внутри общего субъекта действия, что формирует устойчивое ощущение солидарности и коллективной ответственности.

Грамматические и модальные средства

Модальность в политическом тексте распределяет эмоциональные акценты не менее точно, чем лексика.

Модальность долженствования, реализованная через wir müssen, вводит в текст ощущение серьёзности и неотложности. Это не угроза и не призыв в прямом смысле, скорее фиксация общей ответственности, которую говорящий разделяет с аудиторией, а не возлагает на неё извне.

Модальность уверенности, представленная конструкцией Ich bin überzeugt, выполняет функцию риторической гарантии. Личная убеждённость политика транслируется как основание для доверия [7, с. 118–121].

Модальность возможности через wir können смягчает общий тон и задаёт перспективу достижимости.

Стилистические и риторические средства

Политическая речь традиционно опирается на повтор, антитезу, метафору и параллелизм. В тексте Меркель эти приёмы работают в связке с уже описанными механизмами, усиливая их эффект. Антитеза обеспечивает ту самую логику «угроза — опора», которая прослеживается на всех уровнях текста. Таким образом, как отмечает А.Г. Чабанная, в речи возникает оппозиция «свой-чужой», увеличивающая степень речевого манипулирования в немецкоязычной политической коммуникации [6, с.533].

Прагматическая функция эмоций

Эмоциональный компонент в политическом дискурсе не является декоративным элементом. Консолидирующая функция объединяет аудиторию вокруг общих ценностей и коллективного субъекта *wir*. Стабилизирующая снижает тревожность через признание проблем и одновременное утверждение устойчивости государственных институтов. Персуазивная направляет интерпретацию событий в заданном направлении, не прибегая к открытой аргументации [2; 8].

Заключение

Проведённый анализ показывает, что языковые средства выражения эмоций занимают структурообразующее место в политическом дискурсе. Обращение Меркель подтверждает характерную особенность немецкой политической речи: эмоциональность реализуется в имплицитной и сдержанной форме, без прямой экспрессии, через точно выверенные лексические, синтаксические, грамматические и риторические механизмы. Интересно отметить, что аналогичные выводы, сделанные на основе исследования персуазивных стратегий немецких политических групп в Европарламенте, можно обнаружить в работе Galli [9, с. 87-89].

Список литературы

1. Чудинов А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2012. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnye-harakteristiki-politicheskoy-kommunikatsii> (дата обращения: 09.05.2026).
2. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. 5-е изд. М.: URSS, 2021. 326 с.
3. Григорьева В. С. Эмоция как объект лингвистического исследования в аспекте теории дискурса // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2023. № 6 (179). С. 79–84.
4. Гусейнова И. А., Горожанов А. И. Антислова как фактор идеологизации современного политического дискурса Германии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2024. Т. 23, № 4. С. 84–95.
5. Зорина А. В. Метафора как продуктивное средство вербализации эмоций в политическом дискурсе Германии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2024. — Т. 17, № 4. — С. 1154–1160.
6. Чабанная А. Г. Дискурсивные механизмы речевого манипулирования в немецкоязычном политическом дискурсе // Казанский лингвистический журнал. — 2024. — Т. 7, № 4. — С. 529–539.
7. Chilton P. Analysing Political Discourse: Theory and Practice. London: Routledge, 2021. 254 p.
8. Musolff A. Political Metaphor Analysis: Discourse and Scenarios. London: Bloomsbury Academic, 2023. 224 p.
9. Galli G. La persuasione nei dibattiti parlamentari europei: analisi di strategie linguistiche nei gruppi politici tedeschi : дис. ... магистра. — Torino : Università degli Studi di Torino, 2024. — 98 p.

Дата публикации 30.06.2026

УДК 81 '42

**Макашин Д. Д. Визуальная аргументация как инструмент удержания
внимания в научно-популярном лонгриде**

Макашин Дмитрий Дмитриевич

аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики
Байкальский государственный университет, РФ, г. Иркутск
dimchehh@mail.ru

**Visual Argumentation as a Tool for Retaining Reader Engagement in Popular-
Science Long-Form Journalism**

Makashin Dmitry Dmitrievich

Postgraduate at the department of theoretical and applied linguistics
Baikal State University, Russia, Irkutsk

Аннотация. В статье исследуются механизмы визуальной аргументации в научно-популярных лонгридах как инструмент удержания внимания читателя в условиях клипового мышления и когнитивной перегрузки. На материале лонгрида The Guardian о валлийском языке проведён прагма-диалектический анализ визуальных компонентов. Установлено, что изображения могут либо встраиваться в аргументативную структуру текста (реализуя топы «Свидетельство» и «Пример»), либо выполнять иллюстративную функцию, облегчая восприятие объёмного материала. Делается вывод, что мультимодальная природа лонгрида эффективно удерживает фокус внимания аудитории и способствует глубокому прочтению.

Ключевые слова: визуальная аргументация, лонгрид, клиповое мышление, мультимодальность, прагма-диалектика.

Abstract. The paper examines visual argumentation mechanisms in popular-science longreads as a tool for retaining reader attention amid clip thinking and cognitive overload. Based on a Guardian longread about the Welsh language, a pragma-dialectical analysis of visual components is conducted. It is found that images either integrate into the argumentative structure (realizing the "Testimony" and "Example" topoi) or serve an illustrative function, facilitating the perception of extensive material. The author concludes that the multimodal nature of the longread effectively sustains audience focus and promotes in-depth reading.

Keywords: visual argumentation, longread, clip thinking, multimodality, pragma-dialectics.

Введение. В эпоху глобальной цифровизации всё более актуальной становится проблема клипового мышления – типа мышления, отличающегося поверхностным восприятием информации, обусловленного быстрой сменой фокуса внимания и фрагментированным пониманием действительности [1, с. 405]. С ростом экономики и технологического прогресса (а значит, и ускорения общего темпа жизни)

формы развлечения становятся более усеченными по времени и простыми по содержанию, что приводит к данной проблеме и укрепляет ее. Наиболее распространенным такой тип мышления становится среди подрастающего поколения, что на наш взгляд не является удивительным, поскольку современные дети и подростки с самых ранних лет привыкают к более легкому типу развлекательного контента. Чтению книг предпочитается просмотр видеороликов короткого формата или прослушивание интервью или подкастов «фоном», параллельно основной деятельности. По данным аналитического доклада ВЦИОМ «Россияне и книги: портрет читателя в 2026 году», самым распространённым фактором, ограничивающим чтение среди населения Российской Федерации, стала нехватка времени (58% ответов респондентов) [9]. Авторы доклада отмечают, что среди молодежи распространены когнитивные факторы («отвлекают другие люди», «сложно сосредоточиться, устаю» – 14% ответов за каждый из факторов). Таким образом, перед авторами современных длинных текстов становится задача поиска и применения эффективных способов удержания внимания читателя и мотивирование к прочтению всего материала до конца. Одним из путей решения становится возникший в 2012 г. новый формат подачи журналистского материала – лонгрид (от англ. «long read» - длительное чтение). Под форматом лонгрида понимается длинный текст, сопровождающийся аудио-, видео- и интерактивными вставками, который направлен на глубокое погружение читателя в тему текста, а также требующий от автора такого текста значительной проработки источников [2, с. 184]. В таких текстах делается ставка не только на особенности текста повествования, но и на мультимодальную составляющую, которая способствует убедительной передаче знания для читателя. Наличие в лонгридах научно-популярного жанра, которые приняты за материал данного исследования, аргументативных паттернов, по нашему мнению, может представляться читателем в качестве обоснования целесообразности вдумчивого прочтения такого текста.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении и описании механизмов визуальной аргументации, способствующих удержанию внимания читателя в научно-популярных лонгридах лингвистической тематики, а также в определении роли этих механизмов в преодолении когнитивных ограничений современной аудитории.

Теоретические и методологические основания исследования.

Несмотря на то, что визуальные компоненты образуют эмпирическую базу нашего корпуса научно-популярных лонгридов, их анализ в качестве визуальных

аргументов сопряжён с определёнными трудностями. В настоящей работе мы обращаемся к теоретическим наработкам в области визуальной риторики и визуальной аргументации [3; 4; 5; 6], согласно которым далеко не всякое изображение способно выполнять аргументативную функцию. Разумеется, существуют визуальные объекты с очевидным прагматическим значением — дорожные знаки, диаграммы, графики, отсканированные документы, а также навигационные пиктограммы и индексы. Однако подобные случаи не являются предметом рассмотрения в данной работе. Для анализа более сложных визуальных материалов мы исходим из двух ключевых методологических установок.

Первая установка, широко признанная в исследовательском сообществе, заключается в том, что изображение правомерно квалифицировать как аргумент в том случае, если интерпретатор способен проследить его преобразование, ориентированное на осмысление или достижение целей коммуникативного взаимодействия [7, с. 224].

Вторая установка предполагает, что аргументативный потенциал изображения раскрывается через выявление его внутренней структуры. Обосновывается применимость аппарата аргументативных схем, восходящих к античной топической традиции Аристотеля, для анализа структуры невербальных аргументов [8].

Прагма-диалектический анализ текста лонгрида. Обратимся к лонгриду, опубликованному 12.03.2026 г. в интернет-версии британской газеты The Guardian, в которой автор рассказывал про различные способы, которые помогли ему в должной степени выучить валлийский язык для воссоединения с семьей [10]. В данной статье мы видим несколько тезисов. Имплицитные тезисы, которые мы реконструировали путем систематического добавления, замещения невыраженной информации и удаления излишней информации, выделены курсивом

Тезис 1 (История подавления языка). *Пренебрежительное отношение к Валлийскому языку привело к его упадку.*

Арг. 1.1. Презентация исторического факта В 1847 году был опубликован печально известный правительственный доклад, приведший к фактическому остракизму валлийского языка. (In 1847, an infamous government report on education in Wales blamed the “evil effects” of the Welsh language for indolence, illiteracy and violence)

Арг 1.2. Приводятся статистические данные (By 1911, when Nain was two, only 43% of the country spoke Welsh. By Mum’s infancy in the late 1930s, that number had sunk

to almost 30%, and in the 1960s, when she left the country, it was down to a quarter of the population)

Арг. 1.3. Обращение к свидетельству человека, жившего в тот период истории Великобритании (When Nain was a girl, children caught speaking Welsh at her school were made to wear a wooden paddle around their necks – the so-called Welsh Not. The last one tagged with the Not at the end of the week was beaten.)

Арг 1.4. Подведение к констатированному факту. Валлийский язык систематически несправедливо вытеснялся, уступая место престижному английскому, семьи уезжали в поисках лучшей жизни (Industrial Revolution, which brought English-speaking workers to Welsh coalmines as Welsh-speaking families moved away in pursuit of a better life. New money and new inequalities fomented civil unrest).

В этом фрагменте мы видим изображение рыболовецких лодок на фоне замка Конуи в 1983 году (рис. 1). Известно, что сейчас это популярное туристическое место, но как раз в конце прошлого века он был заброшен. На фоне заброшенного замка стоят лодки на мелководье. В данном случае изображение встраивается в структуру аргументации, перед нами предстает множественная аргументация. Изображение дополняет структуру, подтверждая тезис. Схема в данном случае топическая, (т е. связь между аргументом и тезисом реализует Топ «Свидетельство»).

Рисунок 1. Рыболовецкие лодки на фоне замка Конви, 1983 год.

Есть и другая иллюстрация из семейного архива, где автор, будучи еще малышом, гуляет с бабушкой. Но такая иллюстрация больше носит описательный характер, нежели аргументативный, она не используется в подтверждение того или иного тезиса.

Изображение Часовни у берега Ллин Селин, большого водохранилища, построенного в 1960-х годах в долине реки Тривери, Северный Уэльс. – это символ равнодушия к Валлийской культуре (рис. 2). Надпись «Cofiwch Dryweryn» («Помните

Трайверин») на стене разрушенного здания стала лозунгом, отражающим мрачное настроение валлийского национализма.

Рисунок 2. Часовня на берегу Ллин-Селлин – крупного водохранилища, построенного в 1960-х годах в долине реки Триверин в Северном Уэльсе.

Обратим внимание на еще один фрагмент с изображением. Он дается в заключительной части лонгрида. Это изображение и застывший кадр из жизни автора, и символ политики двуязычия в Уэльсе, гарантирующей равный юридический статус валлийского и английского языков. Государство обеспечивает дублирование всех публичных надписей, вывесок и документов на обоих языках для сохранения культурной идентичности

Если мы обратимся к главному тезису этого материала, который почти эксплицитно представлен в заголовке («В чём недостатки Duolingo: как я научился говорить по-валлийски со своей матерью»), то можем его сформулировать следующим образом:

Основной тезис: Язык нельзя выучить механически с помощью программ и приложений; его нужно «проживать» через бытовой контекст, разговоры с родственниками, интонации и семейные ритуалы.

Арг 1. Факт Автор понадеялся на популярное приложение для изучения языков Duolingo и хотел говорить на валлийском с мамой, но она нашла ошибки, и это только вызвало ее презрение. Он это подтверждает (I tried to show off some Welsh. “Dw i isio mynd am dro yn nes ymlaen,” I said. She frowned. I repeated the phrase, with a doubtful upward inflection. “I want to go for a walk later.” The words were right, my pronunciation

confounding. She asked to see Duolingo. Within moments, she found errors. When she heard it “speak”, she gave me a withering look that needed no translation: delete).

Арг. 2. Свидетельство. Специализированное приложение SaySomethingin тоже оказалось не совсем удачное

2.1. Факт, подтверждаемый личным опытом. Система не объясняет мутации букв и грамматические нюансы (отсутствие единого слова «да») The system didn't explain the rules of mutations; it advised internalising them through practice.

2.2. Факт, подтверждаемый личным опытом. «За первые 25 уроков курса я не выучил ни одной цифры и не научился спрашивать дорогу до железнодорожной станции». (For the first 25 lessons of the course, I did not learn a single number, or how to ask directions to the railway station)

Арг. 3. Факт, подтверждаемый личным опытом. Качественному закреплению грамматики и лексики валлийского языка поспособствовало живое общение с людьми:

3.1. Автор упоминает о пользе прослушивания музыкальных композиций на валлийском языке. («Music helped. On the internet radio station NTS, I found the Casgliad Cymru (Welsh Collection) and went deep into a playlist for the post-punk label Ankst. I could pick out the odd word, but I was mostly content to let Welsh wash over me as it did in childhood»).

3.2. Непосредственное общение с живыми людьми упоминается в форме обсуждения сплетен на кухне. («This felt real. It was how I had first heard Welsh: gossip at Auntie Gwenda's house, news in Nain's kitchen»).

К этому фрагменту текста приведена фотография дорожной разметки на одной из дорог в районе северного Уэльса, обозначающая слово «медленно» сперва на валлийском, а затем на английском языке (рис. 3).

Рисунок 3. Двухязычная дорожная разметка в Северном Уэльсе. Фотография: Майк Бут/Alamy

Этот визуальный элемент также входит в общую структуру аргументации, дополняя ее. Данный визуальный аргумент выражает топ «Пример» – дорожные обозначения могут интерпретироваться как еще один пример объектов, способствующих закреплению в памяти определенных лексических единиц.

В финальном блоке материала находим гиперссылку на статью, тематически связанной с исследуемым нами лонгридом которая развивает идею и дает возможность больше прочесть об идентичности валлийцев:

Проведённый в данной статье прагма-диалектический анализ показывает, что визуальные элементы в научно-популярном лонгриде связаны с задачей удержания внимания читателя. В тех случаях, когда визуальные элементы предстают перед нами как визуальные аргументы, они интегрируются в структуру аргументации в основном тексте статьи и усиливают логическую убедительность текста путём реализации топов «Свидетельство» и «Пример». В иных случаях, когда визуальные элементы являются лишь иллюстративным материалом, они являются определёнными визуальными «якорями» для глаза читателя, упрощая восприятие объёмного текста, что важно в условиях развития клипового мышления и дефицита внимания аудитории. Изложенное позволяет заключить, что мультимодальная природа лонгрида способна удерживать фокус внимания читателя на тексте статьи.

Список литературы

1. Исаева, К. В. Клиповое мышление как социальный феномен современного общества «в цифре» / К. В. Исаева, А. С. Вантеева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2025. – Т. 25, вып. 4. – С. 404–412. – DOI 10.18500/1818-9601-2025-25-4-404-412. – EDN KZFCBQ.
2. Галустян, А. Мультимедийные лонгриды как новый формат онлайн-журналистики / А. Галустян, Д. Кульчицкая // Как новые медиа изменили журналистику. 2012–2016 / под науч. ред. С. Балмаевой, М. Лукиной. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2016. – С. 179–205.
3. Шукуров, Ш. М. Визуальная риторика / Ш. М. Шукуров // Человек. – 2021. – Т. 32, № 5. – С. 180–191.
4. Aberdein, A. Virtuous Norms for Visual Arguers / A. Aberdein // Argumentation. – 2017. – Vol. 32, no. 1. – P. 1–23.
5. Birdsell, S. Toward a Theory of Visual Argument / S. Birdsell, L. Groarke // Argumentation and Advocacy. – 1996. – Vol. 33, no. 1. – P. 1–10.
6. Champagne, M. Why Images Cannot be Arguments, but Moving Ones Might / M. Champagne, A.-V. Pietarinen // Argumentation. – 2020. – Vol. 34. – P. 207–236.
7. Боброва, А. С. Визуальная аргументация. Как работать с картинками? / А. С. Боброва // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2025. – Т. 9, № 1. – С. 211–228.

8. Барбина, Н. С. Мульти模альная полифония современной коммуникативной среды / Н. С. Барбина // Материалы II Международного Пятигорского лингвистического конгресса «Языки мира – мир языков». – Пятигорск : ПГУ, 2025. – С. 178–190.

Список источников

9. Всероссийский центр изучения общественного мнения. Россияне и книги: портрет читателя в 2026 году (аналитический доклад) [Электронный ресурс] / ВЦИОМ. – 2026. – 15 апр. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/rossijane-i-knigi-portret-chitatelja-v-2026-godu> (дата обращения: 10.07.2026).
10. Where Duolingo falls down: how I learned to speak Welsh with my mother [Электронный ресурс] // The Guardian. – 2026. – 12 Mar. – URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2026/mar/12/where-duolingo-falls-down-how-i-learned-to-speak-welsh-with-my-mother> (дата обращения: 29.06.2026).

Дата публикации 17.06.2026

УДК 81.567

Романов А.В., Каляева М.А. Библейский лингвокультурный код как инструмент конструирования смысла в треке Канье Уэста „Praise God”»

Романов Андрей Валерьевич

Ст. преподаватель кафедры иностранных языков, Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики
ch.isaac69@mail.ru

Каляева Мария Александровна

Студент, Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики
mari.kalyayeva@bk.ru

Biblical Linguocultural Code as a Tool for Constructing Meaning in Kanye West's Track "Praise God"

Romanov Andrey ValerievichSenior

Senior lecturer of the Department of Foreign Languages, the Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics

Kalyaeva Maria Alexandrovna

Student, the Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ трека «Praise God» Канье Уэста как объекта современной музыкальной индустрии и медиакультуры. В работе решаются следующие задачи: систематизация библеизмов и культурных маркеров; раскрытие роли библейского кода как инструмента коммуникации; анализ языковых средств *AAVE* как маркёров культурной принадлежности; исследование звуковых решений (минимализм, бас, автотюн) как невербальных кодов; оценка влияния структуры на восприятие слушателя. Научная новизна заключается в системном подходе к изучению библейского лингвокультурного кода не как набора цитат, а как центрального элемента драматургии трека, интегрированного с эстетикой «трэп-госпела». Установлено, что композиция представляет собой многоуровневую структуру, где нарушение классических схем, экстремальный минимализм и контраст вокальных обработок создают эффект глубокого эмоционального переживания. Теоретическая значимость работы обусловлена вкладом в изучение механизмов смыслообразования в музыке, практическая — возможностью применения результатов в курсах по медиалингвистике и музыкальной критике.

Ключевые слова: Канье Уэст, хип-хоп, лингвокультурология, библейский код, библеизмы, афроамериканский английский (*AAVE*), трэп-госпел, музыкальная структура, продакшн, культурные коды, гибридная идентичность.

Abstract. The article conducts a comprehensive analysis of Kanye West's track "Praise God" as an object of the modern music industry and media culture. The paper addresses the following tasks: systematization of biblical allusions (bibleisms) and cultural markers; elucidation of the role of the biblical code as a communication tool; analysis of

African American Vernacular English (AAVE) linguistic means as markers of cultural affiliation; investigation of sound design solutions (minimalism, bass, Auto-Tune) as non-verbal codes; and evaluation of the influence of structure on listener perception. The scientific novelty lies in a systematic approach to studying the biblical linguocultural code not as a set of quotations, but as a central element of the track's dramaturgy integrated with the aesthetics of "trap gospel". It is established that the composition represents a multi-level structure where the violation of classical schemes, extreme minimalism, and the contrast of vocal processing create an effect of profound emotional experience. The theoretical significance of the work is due to its contribution to the study of meaning-making mechanisms in music, while the practical significance lies in the possibility of applying the results in courses on media linguistics and music criticism.

Keywords: Kanye West, hip-hop, linguoculturology, biblical code, bibleisms, African American Vernacular English (AAVE), trap gospel, musical structure, production, cultural codes, hybrid identity.

Введение

Актуальность исследования

В условиях тотальной медиатизации и цифровизации, когда медийная активность глобально влияет на социальные институты, особую актуальность приобретает системное изучение молодёжных субкультур в контексте теории коммуникаций. Как отмечают исследователи, хип-хоп представляет собой устойчивый медиафеномен, чья структура включает совокупность эффективных коммуникативных практик. Настоящая работа вписывается в эту повестку, анализируя трек «Praise God» как ключевой элемент современной хип-хоп-индустрии. [1].

Актуальность. В современной музыкальной индустрии хип-хоп всё чаще становится пространством для рефлексии о вере, травме и личной трансформации. Альбом Канье Уэста *Donda* (2021) является одним из наиболее ярких примеров этого сдвига. Однако, несмотря на многочисленные критические обзоры, посвящённые текстовому содержанию альбома, системный анализ языковых средств и культурных кодов, формирующих смысловое ядро конкретных треков, практически отсутствует.

Степень изученности проблемы и научная новизна

Обращение к теме веры в творчестве афроамериканских артистов имеет глубокие корни, восходящие к жанрам соул и госпел, вышедшим из религиозных песнопений. Для современного слушателя, воспитанного в этой культуре, библейские образы и лексика являются не просто цитатами, а мощным универсальным лингвокультурным кодом. Этот код позволяет артисту апеллировать к коллективной памяти аудитории, выстраивать драматургию личных переживаний и формировать сложную гибридную идентичность. Настоящее исследование вписывается в эту

повестку, анализируя трек «Praise God» как текст, в котором библейский код становится главным инструментом коммуникации со слушателем

Язык хип-хоп культуры представляет собой ключевой объект для социолингвистического анализа, поскольку именно через вербальные и невербальные коды формируется объективная характеристика данного молодёжного движения. Изучение языка рэпа позволяет выявить механизмы конструирования идентичности и передачи культурных кодов внутри сообщества.

Научная проблема. Существующие работы (Chippingos, 2024; Solomon, 2006) фокусируются на религиозных мотивах в хип-хопе в целом, но не объясняют, как именно звуковые решения — микширование, вокальные обработки, композиционный монтаж — формируют у слушателя эффект «переживания», а не просто восприятия музыки.

Новизна исследования. Новизна исследования заключается в том, что в работе впервые проводится комплексный анализ употребления библейского лингвокультурного кода в современной композиции одного из наиболее влиятельных мировых рэп-исполнителей. В отличие от существующих исследований, фокусирующихся на технических аспектах или общих религиозных мотивах, данная работа рассматривает библеизмы и культурные отсылки как центральный инструмент конструирования смысла и коммуникации с аудиторией. Подход, при котором библейский код анализируется как основной элемент драматургии трека, является новым для отечественной филологической науки в применении к творчеству Канье Уэста.

Степень изученности проблемы и научная новизна

Цель исследования — Выявить особенности репрезентации американской культуры в треке «Praise God» Канье Уэста через комплексный лингвокультурологический анализ взаимодействия библейского кода, специфики афроамериканского английского (AAVE) и звуковых решений продакшна как инструментов конструирования смысла и гибридной идентичности.

Задачи:

1. Провести лингвокультурологический анализ текстового материала трека, систематизировав используемые библеизмы и культурные маркеры для определения их художественных функций.

2. Раскрыть роль библейского лингвокультурного кода как центрального инструмента коммуникации со слушателем и формирования драматургии личных переживаний артиста.

3. Проанализировать языковые средства (сленг, грамматические конструкции AAVE) как маркёры культурной принадлежности и инструменты поэтизации, обеспечивающие аутентичность высказывания.

4. Исследовать звуковые решения (минималистичная аранжировка, экстремально низкий бас, использование автотюна) как невербальные коды, создающие эффект телесного переживания («трэп-госпел») и усиливающие смысловую нагрузку вербального текста.

5. Оценить влияние структуры трека (отсутствие вступления, обрыв без затухания) и пространственного микширования вокальных партий на формирование у слушателя эффекта незавершённости и рефлексии.

6. Сравнить специфику использования библейских образов и лингвистических приёмов в творчестве Канье Уэста с классическими канонами религиозной лирики и работами других исполнителей хип-хопа.

7. Обосновать междисциплинарную новизну подхода, объединяющего методы филологического и музыковедческого анализа для изучения современного рэп-дискурса.

Обзор литературы

Лингвокультурологический анализ американского рэпа

Для обоснования методологии настоящего исследования необходимо рассмотреть ключевые работы, посвящённые лингвокультурным характеристикам американского рэпа и хип-хоп музыки.

В фундаментальной работе Адама Крима (2015) анализируется эволюция афроамериканского вербального искусства (African American Verbal Art) от уличных баттлов до мейнстрим-культуры, где автор доказывает, что рэп функционирует как сложная система кодов, отражающих социальные реалии и идентичность исполнителей.

Исследование Сесила Брауна (2018) посвящено анализу афроамериканского английского (AAVE) в текстах хип-хопа, где автор рассматривает сленг и грамматические конструкции не как ошибки, а как маркеры культурной принадлежности и инструмент поэтизации.

В исследовании Я. М. Янченко (2020) хип-хоп рассматривается как особое дискурсивное пространство. Автор доказывает, что дискурс субкультуры характеризуется высокой степенью аксиологичности (ценностной нагруженности) и субъективности, что напрямую обусловлено биографией и менталитетом участников. Важной особенностью признается интертекстуальность текстов и креолизация —

создание смысла на стыке вербального текста, мелодии и визуального ряда (клипов). [9].

Корпусные исследования и лингвистическая стилизация

Важнейшим методологическим ориентиром служит корпусное исследование Джека Грива и коллег (2019). В данной работе представлен корпусно-лингвистический анализ хип-хоп-дискурса. Авторы составили специальный корпус текстов американских рэп-исполнителей (LYRAP) и доказали, что лингвистическая реалистичность текстов создаётся намеренно через стилизацию под афроамериканский английский (AAVE), но полного соответствия диалекту не прослеживается. Это подтверждает, что использование языковых маркеров AAVE в рэпе является осознанным художественным приёмом для конструирования идентичности исполнителя. [3].

Научная литература по теме исследования включает несколько ключевых направлений. В области изучения Auto-Tune как художественного приёма основополагающей является работа Бена Дёйнкера (2025), который вводит понятие zero-onset Auto-Tune и доказывает, что в трэп-музыке этот софт функционирует не как средство коррекции, а как самостоятельный инструмент, трансформирующий тембр и эмоциональность вокала [2]. Этот вывод напрямую применим к анализу вокальных обработок в треке «Praise God».

Религиозная тематика в хип-хопе исследуется в монографии Миллера (2012) [14]. Который анализирует способы интеграции религиозных дискурсов в хип-хоп культурные практики. В русскоязычной науке Пырова (2017) на примере русского религиозного рэпа показывает, как нетрадиционные звуковые решения (в её анализе — колокольный звон) служат маркерами религиозной атмосферы [6]. Важное методологическое значение имеет работа Лара (2013), демонстрирующая, что хип-хоп может служить ресурсом для конструирования гибридной религиозно-светской идентичности — феномен, обозначенный автором как «cool piety» [15].

Критические обзоры альбома Donda (Thomas, 2021) отмечают минималистичные аранжировки и центральную роль голоса матери как смыслового ядра композиции [11]. В жанровом обзоре GRAMMY.com феномен «трэп-госпела» описывается как намеренное использование «мирских» битов для передачи духовного послания [10]. Исследование Тернера и Пра (2019) экспериментально устанавливает, что слушатели хип-хопа имеют устойчивые ожидания относительно пространственного микширования вокала (центр стереокартины), и любые отклонения воспринимаются как отвлекающие, если не служат конкретной

художественной цели [5, 12]. Однако ни одно из перечисленных исследований не предлагает системного анализа трека «Praise God» именно с точки зрения взаимодействия его композиционных, продюсерских и вокальных решений. Настоящая работа заполняет этот пробел.

Актуальность лингвистического анализа рэп-дискурса подтверждается и в новейших работах. В исследовании И. В. Борисовой (2022) проводится анализ лингвистического своеобразия американских рэп-композиций на примере творчества Machine Gun Kelly и NF. Автор демонстрирует, как современные исполнители используют сленг и синтаксические конструкции для конструирования сложной идентичности, балансирующей между агрессией и саморефлексией, что перекликается с драматургией вокальных партий в «Praise God». [6].

Анализ структуры трека «Praise God»

Тематическая основа. Трек «Praise God» из альбома Donda (2021) — яркий пример синтеза личного опыта, глубоких тем и новаторского подхода к музыке. В композиции участвуют Трэвис Скотт и Baby Keem. В начале и в припеве звучит голос покойной матери Уэста — Донды Уэст. Этот приём не случаен: как отмечают исследователи, включение голоса Донды Уэст превращает трек в акт памяти и духовного наследия, делая личную трагедию артиста частью звуковой ткани композиции [13, 11]. Она читает отрывок из стихотворения Гвендолин Брукс: «Скажи им, скажи тем, кто всё портит, кто мешает солнцу, кто марает себя, кто нарушает гармонию: даже если ты не готов к новому дню, ночь не может длиться вечно». Это задаёт тон всей композиции — обращение к тем, кто видит жизнь в негативе, и напоминание о благодарности. В самой песне Канье, Трэвис и Baby Keem прославляют Иисуса. Baby Keem критикует людей, которые обращаются к Богу только в беде: «Вы относитесь к своему Господу... как к страховке арендатора».

Композиционные особенности. Трек нарушает классическую структуру куплет-припев-куплет. Начало без вступления: трек стартует сразу с голоса матери и бита. Припев с фразой «We gon' praise God» повторяется как мантра. Трек обрывается без затухания — это композиционный жест незавершённости. Такой монтаж имитирует молитвенный опыт и приглашает слушателя к самостоятельному осмыслению. Исследователи отмечают, что отход от классических схем становится способом создания «пространственной атмосферы», где структура трека замедляет или ускоряет восприятие времени. В случае «Praise God» обрыв без затухания «приостанавливает ощущение движения», оставляя слушателя в состоянии ожидания и рефлексии [13].

Продакшн и звуковые решения. Продакшн трека является ярким примером феномена креолизации, где смысловая нагрузка распределяется между вербальным текстом и аранжировкой. Главная особенность — экстремальный минимализм с нарочито грубой подачей. Экстремально низкий 808-бас работает не просто как ритмическая основа, а как источник физического воздействия («телесного переживания»), создавая с текстом единое целое. Анализ звуковых решений в треке целесообразно проводить в ключе, предложенном Т. Л. Пыровой, которая на материале русского рэпа показала, как нетрадиционные звуковые маркеры формируют религиозную атмосферу. В случае «Praise God» мы наблюдаем зеркальный процесс: для передачи духовного послания используется эстетика «трэп-госпела». Как и в анализе Пыровой, где колокольный звон служит маркером сакрального, здесь функцию религиозного маркера выполняют нарочито «мирские», жесткие элементы: экстремально низкий 808-бас и искаженные ударные («ratchet drums»). Этот приём делает духовное послание доступным и понятным для светской, молодёжной аудитории, создавая гибридную форму сакрального. Как отмечает Саманта МакКалла, использование «мирских» битов в религиозном контексте вызывает споры, но именно этот приём делает музыку доступной для нецерковной аудитории. [11, 9].

Пространственное микширование: голос матери — в центре, бас — «внизу», ad-libs Трэвиса Скотта — по периферии. Это создаёт эффект погружения. Однако такое решение идёт вразрез с ожиданиями слушателя: исследование Тернера и Пра (2019) показало, что отклонения в микшировании вокала воспринимаются как отвлекающие, если не служат художественной цели [5, 12]. В «Praise God» это оправдано: голос матери символизирует стабильное духовное присутствие, а «плавающие» ad-libs создают ощущение хаоса, из которого рождается порядок.

Вокальные обработки: Канье использует автотюн для создания механистичного тембра при исполнении духовной лирики, в то время как Baby Keem звучит «живым». Этот контраст интерпретируется как смена эмоциональных состояний — от отчуждения к обличительной прямоте. Auto-Tune здесь выступает не как средство коррекции, а как самостоятельный инструмент трансформации тембра и смысла. Подтверждением этому служит комментарий участника студийных сессий KaySuu: команда стремилась «сделать госпел более крутым» для новой аудитории. Таким образом, автотюн становится мостом между светской формой и сакральным содержанием.

Библеизмы и библейский лингвокультурный код в треке «Praise God»

Введение: специфика библейского кода в американском рэпе

В современной музыкальной индустрии хип-хоп всё чаще становится пространством для рефлексии о вере, травме и личной трансформации. В этом контексте библейские образы, сюжеты и устойчивые выражения — библеизмы — выступают не только как маркёры религиозной идентичности, но и как универсальный лингвокультурный код. Этот код позволяет артистам апеллировать к коллективной памяти англоязычной аудитории, формировать сложные метафоры, выстраивать драматургию личных и социальных конфликтов. В творчестве Канье Уэста обращение к библейским мотивам становится особенно заметным с альбома *Jesus Is King* (2019), однако именно в *Donda* (2021) и, в частности, в треке «Praise God», этот приём достигает максимальной глубины и многослойности.

Обзор литературы: библеизмы как инструмент культурной коммуникации

В научной литературе по социолингвистике и культурологии отмечается, что библеизмы в рэпе выполняют несколько ключевых функций. Во-первых, они обеспечивают межкультурную коммуникацию: библейские сюжеты и выражения понятны большинству носителей английского языка, независимо от их конфессиональной принадлежности. Во-вторых, они служат инструментом создания драматизма: образы страдания, искупления, борьбы с искушением усиливают эмоциональное воздействие текста. В-третьих, обращение к религиозной традиции становится способом формирования идентичности, особенно в контексте афроамериканской культуры, где церковь исторически играла центральную роль.

Исследователи выделяют феномен «cool piety» — «крутой набожности», когда религиозные мотивы интегрируются в светскую музыкальную эстетику, создавая гибридную идентичность. В русскоязычной науке отмечается, что нетрадиционные звуковые решения могут служить маркёрами религиозной атмосферы.

Библеизмы в творчестве Канье Уэста: сравнительный анализ

Предыдущие работы

В альбоме *Jesus Is King* библеизмы носят преимущественно декларативный характер: названия треков («Jesus is King», «Follow God») прямо отсылают к христианской догматике. В *Donda* подход меняется: библейские образы вплетаются в личные истории, используются для выражения скорби, надежды, благодарности, а также для критики формальной религиозности.

«Praise God» как кульминация

В треке «Praise God» библеизмы не просто цитируются, а становятся структурным элементом композиции, формируя её драматургию и смысловое ядро.

Примеры библеизмов из песни «Praise God»

Систематизация выявленных библеизмов позволяет наглядно продемонстрировать их полифункциональность. В таблице 1 представлен анализ фрагментов текста, где библейские образы и устойчивые выражения (библеизмы) классифицированы по их художественному назначению: от создания рефрена-мантры до выражения современной социальной критики через библейскую метафору.

Таблица 1. Примеры библеизмов из песни «Praise God»

Фрагмент	Библеизм	Значение и функция
We gon' praise God	Praise God	Прямая отсылка к псалмам (напр., Псалом 150:6). Используется как рефрен-мантра, объединяющая слушателей в акте коллективной благодарности.
You treat your Lord like renters insurance	Lord, insurance	Метафора: обращение к Богу только в беде. Отсылка к ветхозаветным пророкам, обличающим формальную веру (ср. Книга пророка Исайи).
Even if you ain't ready for the day / The night can't last forever	The night can't last forever	Парафраз новозаветного мотива о конце страданий (Иоанна 16:21). Символ надежды и воскресения, перекликающийся с личной историей Канье (потеря матери).
I'm still a God-fearing man	God-fearing	Традиционное выражение из протестантской культуры, означающее благочестие и смирение перед высшей волей.

Лингвокультурный анализ: почему именно эти библеизмы?

- «Praise God» — универсальный призыв к благодарности, легко считываемый вне зависимости от конфессии.
- «Renters insurance» — современная метафора, делающая библейский упрёк актуальным для молодёжной аудитории.
- «The night can't last forever» — мотив надежды, перекликающийся с личной историей Канье (потеря матери).

Сравнение с другими рэперами

В творчестве таких исполнителей, как Kendrick Lamar («How Much a Dollar Cost», альбом *To Pimp a Butterfly*) или Jay-Z («Family Feud»), библеизмы также используются для осмысления моральных дилемм и социальной критики. Однако у Уэста они чаще связаны с личной трансформацией и семейным контекстом, что придаёт его текстам особую интимность.

Язык конфликта в хип-хопе

Отдельного внимания в контексте лингвистического анализа хип-хопа заслуживают работы, посвящённые его конфликтной природе. Фундаментальной для отечественной науки является работа Т. М. Кожелупенко (2008), в которой рэп рассматривается как специфический язык конфликта и способ вербальной самоидентификации внутри субкультуры. Автор доказывает, что рэп-текст по своей структуре является актом противостояния, где сленг и метафоры служат инструментами кодирования агрессии и социального вызова. Эта концепция напрямую применима к анализу трека «Praise God», где критика формальной веры («страховка арендатора») у Baby Keem выступает как элемент этого внутреннего конфликта внутри религиозной тематики. В более поздней работе (2009) автор углубляет анализ, рассматривая сленг как средство субкультурного кодирования. Актуальность данного подхода подтверждается недавними исследованиями, например, работой И. В. Борисовой (2022), которая на материале творчества современных исполнителей анализирует лингвистическое своеобразие рэп-композиций, подтверждая сохранение конфликтной доминанты в языке жанра. [7, 8].

Выводы

В ходе исследования установлено, что трек «Praise God» Канье Уэста представляет собой многоуровневую художественную конструкцию, в которой звуковые, композиционные и текстовые решения работают на создание эффекта глубокого эмоционального переживания.

1. Композиционная структура трека намеренно нарушает классические схемы: отсутствие традиционного вступления, обрыв без затухания и мантраобразный припев формируют у слушателя ощущение незавершённости и приглашают к личной рефлексии. Такой монтаж интерпретируется как имитация молитвенного опыта, где финал открыт для индивидуального осмысления.

2. Продакшн трека строится на экстремальном минимализме и нарочито грубой подаче. 808-бас выступает не только как ритмическая основа, но и как источник «телесного переживания», что характерно для эстетики «трэп-госпела» и способствует физическому вовлечению слушателя.

3. Пространственное микширование — голос матери в центре, бас в низкочастотной зоне, ad-libs по периферии — создаёт эффект погружения и символически закрепляет стабильное духовное присутствие в центре звуковой картины, противопоставляя его внешнему хаосу. Это решение художественно оправдано, несмотря на возможное противоречие с ожиданиями аудитории.

4. Вокальные обработки выполняют драматургическую функцию: контраст между автотюном у Канье и «живым» вокалом Baby Keem маркирует смену эмоциональных состояний — от отчуждения к обличению и освобождению. Auto-Tune выступает не как средство коррекции, а как самостоятельный инструмент трансформации тембра и смысла.

5. Анализ библеизмов показал, что устойчивые выражения и образы из библейского кода используются для формирования универсальных смыслов, усиления драматизма и создания межкультурной коммуникации. В тексте трека выявлены такие библеизмы, как «Praise God», «You treat your Lord like renters insurance», «The night can't last forever», «God-fearing man», каждый из которых выполняет определённую художественную и смысловую функцию.

Ограничения исследования

В работе не проводилось экспериментального исследования восприятия трека различными аудиториями, не установлена универсальность выявленных приёмов для слушателей, не знакомых с биографией артиста. Сравнение с другими треками альбома *Donda* и творчества Канье Уэста носит фрагментарный характер.

Перспективы

Дальнейшие исследования целесообразно направить на проведение рецептивных экспериментов (опросы, фокус-группы) для проверки гипотезы о влиянии пространственного микширования и композиционных решений на эмоциональное восприятие. Также перспективен сравнительный анализ других треков *Donda* и произведений современных рэп-исполнителей с точки зрения использования библейского лингвокультурного кода.

Заключение

Таким образом, Канье Уэст в треке «*Praise God*» использует библейский лингвокультурный код как основной инструмент для конструирования сложного художественного образа. Трек становится не просто объектом прослушивания, а пространством для личной рефлексии о вере и поиске смысла.

Введение анализа библеизмов и библейского кода позволяет раскрыть дополнительные смысловые пласты композиции и обосновать междисциплинарную новизну работы с позиций филологии и культурологии. Однако для более глубокого понимания механизмов воздействия подобных текстов необходимы дальнейшие исследования

Список литературы

1. Лазутова, Н. М. Субкультура хип-хоп как медиафеномен / Н. М. Лазутова, В. С. Семенова, В. В. Водзинская, К. М. Топе Аранда // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2020. — № 2 (36). — С. 148–154.
2. Duinker, B. Auto-Tune as instrument: trap music's embrace of a repurposed technology / B. Duinker // Popular Music. — 2025. — Vol. 44, № 1. — С. 45–63.
3. Grieve, J. Assessing hip-hop discourse: Linguistic realness and styling / J. Grieve, D. Speelman, D. Biber, E. W. K. Wible // Text & Talk. — 2019. — Vol. 39, № 5. — С. 671–698.
4. Пырова, Т. Л. Слово и образ: эстетические особенности русского религиозного хип-хопа / Т. Л. Пырова // Философия и культура. — 2017. — № 7. — С. 77–87.
5. Turner, K., Pras, A. Is Binaural Spatialization the Future of Hip-Hop? / K. Turner, A. Pras // Audio Engineering Society Convention 147. — New York: AES, 2019. — Preprint 10234.
6. Борисова, И. В. Лингвистическое своеобразие американских рэп-композиций (на примере творчества Machine Gun Kelly и NF) / И. В. Борисова // Российский социально-гуманитарный журнал. — 2022. — № 3. — С. 112–120.
7. Кожелупенко, Т. М. Рэп как язык конфликта в субкультуре хип-хопа / Т. М. Кожелупенко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. — 2008. — № 4. — С. 83–89.
8. Кожелупенко, Т. М. Сленг как средство субкультурного кодирования в современных американских и русских рэп-текстах : диссертация ... кандидата филологических наук / Т. М. Кожелупенко ; Воронежский государственный университет. — Воронеж, 2009. — 205 с.
9. Янченко, Я. М. Хип-хоп как особое дискурсивное пространство отдельной субкультуры / Я. М. Янченко // Гуманитарные исследования. — 2020. — № 2 (36). — С. 148–154.

Список источников

10. GRAMMY.com: What Is Trap Gospel? [Электронный ресурс] // GRAMMY.com. Режим доступа: <https://www.grammy.com/news/what-is-trap-gospel>.
11. Variety Staff: 'Donda' Review: Kanye West's Album Is Overstuffed and Mesmerizing [Электронный ресурс] // Variety. Режим доступа: <https://variety.com/2021/music/reviews/kanye-west-donda-album-review-1235048822/>.
12. HipHopDX Staff: Kanye West Held Daily Bible Studies At DONDA Sessions [Электронный ресурс] // HipHopDX. Режим доступа: <https://hiphopdx.com/news/kanye-west-bible-study-donda-sessions>.
13. de Paor-Evans, A. Not A Love Song: Essays on Hip Hop, Culture and the City / A. de Paor-Evans; University of Central Lancashire (Preston). — Preston: University of Central Lancashire, 2017.
14. Miller, M. Religion and Hip Hop / M. Miller; Routledge (New York). — New York: Routledge, 2012.
15. Lahr, J. Muslim American youth and secular hip hop: Manifesting 'cool piety' through musical practices / J. Lahr // Poetics. — Vol. 41, № 2 (2013). — С. 99–121.

Дата публикации 23.06.2026

УДК 811.111

**Рыбка Т.А., Сергеева А.В., Исакбаева П.В. Лексические лакуны в
англоязычной психологической терминологии XXI века: проблема
перевода на русский язык**

Рыбка Татьяна Андреевна

студент кафедры германских языков, Стерлитамакский филиал Уфимского
университета науки и технологий, Россия, г. Стерлитамак
msqeze@yandex.ru

Сергеева Алёна Владимировна

студент кафедры германских языков, Стерлитамакский филиал
Уфимского университета науки и технологий, Россия, г. Стерлитамак
Sergeeva.Alena.2004@yandex.ru

Исакбаева Полина Викторовна

старший преподаватель германских языков, Стерлитамакский филиал Уфимского
университета науки и технологий, Россия, г. Стерлитамак
p.v.isakbaeva@struust.ru

**Lexical gaps in the 21st century English psychological terminology: the problem
of translation into Russian**

Rybka Tatyana Andreevna

student, Germanic languages department, Sterlitamak Branch of Ufa University of Science
and Technology, Sterlitamak, Russia

Sergeeva Alyona Vladimirovna

student, Germanic languages department, Sterlitamak Branch of Ufa University of Science
and Technology, Sterlitamak, Russia

Isakbaeva Polina Viktorovna

senior lecturer, Germanic languages department, Sterlitamak Branch of Ufa University of
Science and Technology, Sterlitamak, Russia

Аннотация. Статья посвящена исследованию лексических лакун, возникающих при переводе новых психологических терминов английского языка на русский язык. В центре внимания находятся неологизмы, появившиеся в англоязычном психологическом дискурсе в XXI веке и обозначающие феномены межличностной коммуникации и эмоциональных состояний. На материале отобранных терминов анализируются причины возникновения лакунарности, рассматриваются существующие способы перевода (калькирование, транслитерация, описательный перевод) и оценивается степень их адекватности. В конце приводится вывод о неполноте русскоязычной терминосистемы в данной области и предлагаются критерии выбора оптимальных переводческих решений.

Ключевые слова: лексические лакуны, безэквивалентная лексика, английский язык, межкультурная коммуникация, семантические пустоты, теория перевода.

Abstract. The article is devoted to the study of lexical gaps arising in the translation of new English psychological terms into Russian. The focus is on neologisms that appeared in the English-language psychological discourse in the 21st century and denote phenomena of interpersonal communication and emotional states. Based on selected terms, the article analyzes the causes of lacunarity, examines existing translation methods (calquing, transliteration, descriptive translation) and assesses their degree of adequacy. The conclusion is made about the incompleteness of the Russian terminological system in this area and the criteria for choosing optimal translation solutions are proposed.

Key words: lexical gaps, non-equivalent vocabulary, English, intercultural communication, semantic voids, theory of translation.

В современной лингвистике всё большее внимание уделяется проблеме лексических лакун – отсутствию в одном языке слова или устойчивого выражения для понятия, которое существует и вербализовано в другом языке. Термин *lacuna* был введён в научный обиход канадскими лингвистами Ж. Вине и Ж. Дарбельне в середине XX века, однако активное изучение лакунарности как системного свойства языков началось значительно позже, с развитием сопоставительной лексикологии и межкультурной коммуникации. Согласно А.Т. Баротову, в лингвистическом исследовании важно принимать во внимание параметр лакунарности, который предполагает анализ таких единиц, как лингвемы одного языка, противопоставляемые лакунам (то есть смысловым пустотам или «нулям») другого языка [1, с. 191].

Особый интерес в этом контексте вызывает новая психологическая терминология английского языка. В англоязычном дискурсе фиксируется появление неологизмов, описывающих различные аспекты межличностных отношений и эмоциональных состояний. Эти слова активно проникают в другие языки, включая русский, через социальные сети, переводные книги и статьи. Однако их адаптация сопровождается значительными трудностями, поскольку русский язык зачастую не имеет готовых однословных эквивалентов для этих новых понятий. Возникает феномен лексической лакунарности, который требует специального лингвистического анализа.

Проблема перевода психологической терминологии приобретает не только теоретическое, но и прикладное значение. В условиях растущего интереса к психологии в России миллионы людей читают переводные статьи, смотрят лекции западных психологов и сталкиваются с терминами, не имеющими устоявшихся русских аналогов. Неадекватный перевод может исказить смысл, породить

непонимание и, в конечном счёте, снижать эффективность межкультурной коммуникации. Настоящая работа призвана отчасти восполнить этот пробел.

Цель исследования – выявить и проанализировать лексические лакуны в англоязычной психологической терминологии XXI века, а также оценить существующие способы их перевода на русский язык. Для достижения этой цели решаются следующие задачи: 1) уточнить понятие «лексическая лакуна» применительно к терминологической лексике; 2) выделить корпус новых психологических терминов английского языка, представляющих зону лакунарности; 3) описать основные переводческие приёмы, используемые для компенсации лакун; 4) провести сопоставительный анализ показательных терминов и 5) сформулировать рекомендации по выбору оптимальных переводческих решений.

Теоретической базой исследования служат работы отечественных и зарубежных лингвистов по теории лакунарности, переводоведению и неологии. Материалом для анализа послужили данные авторитетных англоязычных словарей (Oxford Dictionary, Merriam-Webster), специализированных ресурсов, фиксирующих неологическую лексику, а также корпус публикаций в русскоязычных СМИ и психологических блогах за 2020 - 2026 годы. Методология работы включает элементы сопоставительного анализа, компонентного анализа лексических значений и описательного метода.

Важное значение для анализа имеет типология лакун. Так, согласно исследованию О.А. Мальцевой и Ю.А. Монашевой, с точки зрения внешних, неязыковых факторов, лакуны делятся на два типа: мотивированные и немотивированные лакуны [2, с. 55]. Мотивированные лакуны обусловлены отсутствием в культуре носителей языка самого предмета или явления, например, *матрешка – russian doll* (дословно *русская кукла*). Немотивированные лакуны, напротив, фиксируют отсутствие слова при наличии соответствующего явления в культуре. Человек уже знает, как выглядит явление или предмет, он может его представить (у него есть «картинка в голове»). Сложность только в том, что в родном языке нет одного короткого слова для этого понятия. Именно второй тип лакун представляет наибольший интерес, поскольку его существование не имеет очевидных экстралингвистических причин. В.Г. Кузнецов подчёркивает, что лакуны являются принадлежностью конкретного языка, носители языка их не осознают, а выявляются они лишь путём межъязыкового сопоставления [3, с. 51]. Лексическая лакуна трактуется как проявление межъязыковой асимметрии, заключающееся в отсутствии в данном языке эквивалентной единицы словаря (слова или устойчивого речевого

оборота) для понятия, вербализованного в другом языке посредством отдельной номинативной единицы [4, с. 1].

С точки зрения перевода, лакуны относятся к категории безэквивалентной лексики – слов и выражений, не имеющих регулярных словарных соответствий в другом языке. При изучении трудов Л.С. Бархударова, исследователь Лу Чи выделил три основных способа перевода безэквивалентной лексики: транслитерация (передача иноязычного слова буквами языка перевода), калькирование (поморфемный перевод) и описательный перевод [5, с. 317]. В современной переводческой практике к ним добавляются также функциональная замена (использование близкого по смыслу, но не тождественного слова) и создание неологизмов. Как показывает анализ новых психологических терминов, все эти приемы активно используются при попытке заполнить возникающие лакуны, однако результаты далеко не всегда можно признать удовлетворительными.

Для настоящего исследования методом сплошной выборки из русскоязычных и англоязычных статей, видео и интернет-ресурсов были выделены 50 терминов.

Отобранные единицы для подробного описания в данной статье – *doomscrolling*, *brainrot*, *sonder* – удовлетворяют всем перечисленным требованиям: 1) термин является неологизмом XXI века; 2) термин активно употребляется в англоязычном психологическом дискурсе; 3) термин не имеет устоявшегося однословного эквивалента в русском языке; 4) термин фиксируется в русскоязычных текстах в различных переводческих вариантах.

Doomscrolling (также встречается вариант *doomsurfing*) представляет собой сложное слово, образованное путём сращения существительного *doom* (рок, гибель, злая судьба) и герундия *scrolling* (пролистывание ленты новостей или контента на экране). Urban Dictionary приводит следующую дефиницию: «When you keep scrolling through all of your social media feeds, looking for the most recent upsetting news about the latest catastrophe» [8]. Термин обозначает компульсивную привычку бесконечно пролистывать ленту новостей, социальных сетей или других цифровых медиа, потребляя преимущественно тревожный, негативный или пугающий контент, при том, что сам процесс осознанно оценивается пользователем как вредный, утомляющий или ухудшающий психическое состояние. Термин получил массовое распространение в 2020 году – в период пандемии COVID-19, когда уровень тревожности в обществе был максимально высок, а доступ к цифровым новостям стал практически круглосуточным.

В русском языке *doomscrolling* не имеет однословного эквивалента. Существует несколько конкурирующих способов передачи этого понятия. Первый – транслитерированная калька «*думскроллинг*», которая встречается в блогах и различных статьях. Например: «Эмоциональный опыт думскроллинга: как справиться с негативными новостями?» [6, с. 78]. Эта форма является относительно компактной, но, во-первых, не фиксируется академическими словарями русского языка, а во-вторых, не раскрывает внутренней формы слова для носителя, не знакомого с английским языком. Второй способ – описательный перевод: «бесконечное пролистывание новостной ленты с тревожным содержанием», «компульсивное чтение плохих новостей в интернете». Такие описания точны по смыслу, но громоздки и нарушают принцип языковой экономии. Третий способ – попытки подобрать функциональный аналог: «новостная зависимость», «цифровая тревога». Однако эти варианты не являются точными, поскольку *doomscrolling* описывает зависимость от потребления именно негативного контента.

Brain rot (буквальный перевод – «гниение мозга») представляет собой двухкомпонентный термин, образованный по модели «существительное + существительное». Он обозначает предполагаемое умственное и интеллектуальное ухудшение, вызванное чрезмерным и бессистемным потреблением бессмысленного интернет-контента, особенно в формате коротких видео. Еще в начале двухтысячных это было просто сленговое выражение, но 2024 году Оксфордский словарь признал его словом года, зафиксировав рост употребления на 230% [9]. Важно отметить, что *brain rot* не является клиническим термином, это скорее метафорическое, публицистическое обозначение определенного состояния человека.

В русском языке для передачи *brainrot* также отсутствует устоявшийся эквивалент. Наиболее распространённым является транслитерированная калька «гниение мозга» (иногда «мозгогниение»). Эта форма используется в научно-популярных видео и является интуитивно понятной для носителя русского языка, поскольку доходчиво передает содержание данного понятия. Однако она воспринимается скорее как образное выражение, нежели как термин. Второй способ – описательный перевод: «умственная деградация от бессмысленного интернет-контента», «ослабление когнитивных способностей из-за переизбытка примитивной информации». Как и в случае с *doomscrolling*, эти обороты точны, но громоздки. Третий способ – использование приблизительного аналога из русского разговорного лексикона: «засорение сознания», «расплавление мозгов». Однако эти варианты стилистически не могут претендовать на статус терминологического

эквивалента. Так, необычный пример использования есть в статье А.А. Комаровой и А.Ю. Слободчиковой: «Кроме того, полиэкран используется как мультимедийное средство массовой коммуникации, способствуя наращиванию информационной емкости, выполняя манипулятивную и развлекательную функции (в рекламе, "brainrot"-медиаконтенте, массовых театрализованных представлениях – концертах, шоу).» [7, с. 55]. Автор употребляет термин без перевода в качестве определения к слову «медиаконтент». В этом случае русскоязычному человеку смысл должен быть ясен через описания в контексте.

Sonder – качественно иной тип лексической единицы по сравнению с двумя предыдущими. Во-первых, это слово не является неологизмом социальных сетей или журналистики, а было искусственно создано американским писателем и видеоблогером Джоном Кёнигом (John Koenig) для его проекта «The Dictionary of Obscure Sorrows» («Словарь неясных печалей»). Проект, начатый в 2006 году и опубликованный в виде книги в 2021 году, ставил своей целью дать имена сложным, тонким эмоциональным состояниям, которые в обычных языках остаются безымянными. В словаре есть множество интересных слов для изучения, одно из которых *sonder*. Оно определяется Кёнигом как «the awareness that everyone has a story» (осознание того, что у каждого есть история) [10]. Иными словами, *sonder* – это внезапное пронзительное осознание того, что каждый окружающий вас незнакомец проживает свою, столь же сложную, полную и насыщенную жизнь, как и вы со всеми её радостями, тревогами, мечтами и рутиной.

В русском языке *sonder* не имеет эквивалента. Это один из наиболее ярких примеров немотивированной лексической лакуны: соответствующее психологическое переживание, безусловно, знакомо и русскоязычным людям, однако в русской языковой картине мира оно не получило отдельной номинации. Видео в Интернете предлагают развёрнутое описательное объяснение, которое может занимать несколько предложений: «внезапное осознание того, что каждый случайный прохожий проживает такую же сложную и насыщенную жизнь, как и ты сам». Интересно, что в английском языке *sonder* тоже не является общеупотребительным словом, и значение термина нужно пояснять и в самой англоязычной среде. В словарной статье Merriam-Webster приводится выдержка из новостного издания: «A profound, but often overlooked, or unknown, concept is that of *sonder*: the realization that each person has a life as rich and complex as our own.» («Существует глубокое, однако зачастую недооцениваемое или вовсе неизвестное понятие – «сондер», которое заключается в осознании того, что жизнь каждого

другого человека столь же насыщена и полна переживаний, как и наша собственная.») [11].

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Англоязычная психологическая терминология XXI века является зоной с большим содержанием лакун при переводе на русский язык. Проанализированные термины *doomscrolling*, *brainrot* и *sonder* обозначают психологические феномены, существующие в российской реальности, однако не получивших устоявшихся однословных наименований в русском языке, что позволяет классифицировать их как немотивированные лексические лакуны.

Основным способом заполнения таких лакун в современной переводческой практике выступает транслитерация (или калькирование), дополненная в случае необходимости описательным комментарием. Этот способ обеспечивает терминологическую точность, но создаёт коммуникативный барьер для читателя, не владеющего английским языком. Описательный перевод, напротив, гарантирует понимание, но нарушает принцип языковой экономии и плохо подходит для частотного употребления. Представляется, что наиболее адекватной стратегией перевода новых психологических терминов является комбинированный подход: введение транслитерированной (или калькированной) формы с употреблением описательной конструкции при первом появлении термина в тексте.

С практической точки зрения результаты исследования могут быть использованы переводчиками психологической литературы, составителями двуязычных словарей неологизмов, а также преподавателями английского языка и перевода при работе с актуальной лексикой. Перспективным направлением дальнейших исследований является подробное описание способов перевода подобной лексики, изучение динамики освоения таких терминов русским языком, а также сопоставительный анализ способов перевода психологических неологизмов в близкородственных славянских языках.

Список литературы

1. Баротов А.Т. Лакунарность в терминологической системе // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук / Паёми Донишгоњи миллии тољикистон. Бахши Филологӣ. 2023. №10. С. 191-197.
2. Мальцева О.Н., Монашева Ю.А. Особенности перевода безэквивалентной лексики (на примере английского языка) // Научные труды Московского гуманитарного университета, 2021. № 2. С. 53-58.
3. Кузнецов В.Г. Лексические лакуны и границы переводимости // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки, 2017. №9 (781). С. 50–59.

4. Лисяо Х. Основные способы элиминирования лакунарной лексики в сфере ландшафтного дизайна на занятиях РКИ / // Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 2025. № 3 (196). С. 156-160.
5. Лу Чи. Важнейшие аспекты перевода в книге «Язык и перевод» Л.С. Бархударова // МНКО, 2022. №2 (93). С. 316-318.
6. Казун А.Д., Малыгина Н.С. Эмоциональный опыт думскроллинга: как справиться с негативными новостями? // Интеракция. Интервью. Интерпретация, 2024. №4. С. 78-95.
7. Комарова А.А., Слободчикова А.Ю. Художественный контрапункт как структурно-содержательный концепт в искусстве XX–XXI веков // Южно-Российский музыкальный альманах, 2025. №2. С. 52-59.

Список источников

8. Doomscrolling // Urban dictionary URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=doomscrolling>
9. 'Brain rot' named Oxford Word of the Year 2024 // Oxford University Press URL: <https://corp.oup.com/news/brain-rot-named-oxford-word-of-the-year-2024/>
10. Sonder // The Dictionary of Obscure Sorrows URL: <https://www.thedictionaryofobscuresorrows.com/concept/sonder>
11. Sonder // Merriam-Webster URL: <https://www.merriam-webster.com/slang/sonder>

Дата публикации 09.06.2026

УДК 81'27

Семухина Е.А. Образ Франции сквозь призму метафоры в русском путевом очерке первой половины XIX века (на материале текстов А. Глаголева)

Семухина Елена Александровна

канд. филол. наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков
Саратовский военный ордена Жукова, Краснознаменный институт войск
национальной гвардии Российской Федерации, РФ, г. Саратов
semuh@rambler.ru

The image of France through the prism of metaphor in the russian travel sketch of the first half of the 19th century (based on the texts of A. Glagolev)

Semukhina Elena Aleksandrovna

Cand. Sci. (Philology), Assistant Professor, Professor of Foreign Languages Department
Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops of the
Russian Federation, Russia, Saratov

Аннотация. Статья посвящена лингвокультурологическому анализу метафорического образа Франции в русском путевом очерке первой половины XIX в. на материале травелога А. Глаголева «Записки русского путешественника» (1837). Установлено, что метафоры в произведении Глаголева выполняют текстообразующую и идеологическую функции: Франция предстаёт как страна культурно притягательная, но переживающая период ценностных изменений, связанных с последствиями революции. Ключевые метафорические модели (утраченного света, болезни, античного мифа) создают семантически связный образ постреволюционной Франции как пространства, удалившегося от традиционных христианских устоев. Полученные результаты вносят вклад в изучение русской лингвокультуры XIX в. и национальной картины мира.

Ключевые слова: лингвокультурология, метафора, травелог, русская литература XIX века, А. Глаголев, Франция, национально-культурная специфика

Abstract. This article presents a linguoculturological analysis of the metaphorical image of France in the Russian travel sketch of the first half of the 19th century, based on A. Glagolev's travelogue *Notes of a Russian Traveler* (1837). It is established that metaphors in Glagolev's work perform text-forming and ideological functions: France appears as a culturally attractive country undergoing a period of value transformations associated with the consequences of the revolution. Key metaphorical models (those of lost light, disease, and classical myth) create a semantically coherent image of post-revolutionary France as a space that has distanced itself from traditional Christian foundations. The findings contribute to the study of Russian linguoculture of the 19th century and the national worldview.

Keywords: linguoculturology, metaphor, travelogue, 19th-century Russian literature, A. Glagolev, France, national-cultural specificity

Одним из актуальных направлений исследований в области языкознания является анализ того, как язык отражает образ другой страны (имагологический аспект [1]). Путевой очерк XIX в. представляется релевантным материалом для такого анализа, поскольку в нем фиксируется встреча представителя одной культуры с реалиями другой. Целью настоящего исследования является анализ лингвокультурного аспекта метафоры как инструмента создания образа Франции, который затем десятилетиями закреплялся в русском общественном сознании.

Подчеркнем, что большинство работ, связанных с травелогами [2, с. 80] (путевыми очерками) XIX в., сосредоточено на произведениях хорошо известных авторов, таких как Н.М. Карамзин, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, при этом записки других путешественников остаются вне поля зрения современной науки. Таким представляется травелог А. Глаголева «Записки русского путешественника», которому посвящен едва ли десяток научных работ. В то же время именно «рядовые» тексты нередко оказываются более репрезентативными для реконструкции массовых стереотипов и бытовой лингвокультуры своего времени, чем тексты литературных гениев, обладающих уникальной, часто парадоксальной оптикой.

Подчеркнем также, что настоящее исследование основано на анализе метафорики, которая представляет собой ключ к декодированию мировоззрения эпохи. В современной лингвистике метафора рассматривается не только и не столько как троп, сколько как когнитивный механизм, структурирующий мышление и находящий отражение в тексте [3, с. 25]. Лингвокультурный аспект метафоры позволяет заострить внимание не на универсальных, а на национально-специфичных и исторически обусловленных способах концептуализации действительности. Вышесказанное определяет актуальность проведенного исследования. Его новизна связана с тем, что впервые был осуществлен анализ метафорических проекций, связанных с Францией на материале «Записок русского путешественника» А. Глаголева.

Обращение к метафоре в лингвокультурных целях обусловлено тем фактом, что она «является специфической формой отражения национально-культурного наследия в языке», а поиск «лингвокультурного вектора метафоризации ведет к изучению глубинных основ национально-культурного миропонимания, определяющего многие особенности национально-языковой картины мира, национального языкового сознания» [4, с. 104-105].

Рассмотрим подробнее материал, взятый для анализа в рамках настоящего исследования. «Записки русского путешественника», датируемые 1837 г.

принадлежат перу А.Г. Глаголева, русского ученого, доктора словесности, археолога, историка, действительного члена Общества любителей российской словесности. Как и многие представители высших слоев российского общества XIX в., он много путешествовал за границей, в том числе с образовательными целями. Во время поездок А.Г. Глаголев записывал свои наблюдения, которые затем были обработаны и опубликованы в виде объемного четырехтомного издания. В своем травелоге автор описал несколько стран, через которые проходило его путешествие: Австрию, Швейцарию, Италию, Францию, Германию и Англию. Он придерживался критического взгляда на зарубежные культуры, сравнивая их с русской и признавая превосходство последней, особенно в отношении морали. Неудивительно, что Российская Академия наук посчитала путевые заметки Глаголева важной и серьезной работой и взяла ее издание на себя в 1837 г., переиздав вновь в 1845 г.

Описанию Франции и Парижа посвящена значительная часть четвертого тома «Записок...», причем фактические зарисовки автор сопровождает размышлениями о культуре и морали, характере жителей и экономике региона (что соответствует жанру путевого очерка или травелога, требующего рассуждений и описаний личных переживаний, не только документализма, но и субъективизма [5, с. 52]). Создаваемый автором образ Франции буквально «соткан» из множества ярких метафор.

Так, в частности, Франция, согласно мнению А.Г. Глаголева обладает над Европой большой властью, которая достигается *«не силой оружия», «не дипломатией»*, а культурным влиянием, особенно на женщин: Франция *«опутала своими цветочными цепями весь прекрасный пол Европы»* [6, с. 2] (зд. и далее подчеркн. метафорические обороты), – пишет он. При констатации значимости культуры Франции Глаголев подвергает критике Французскую революцию и ее ценности. В Париже, как он утверждает, *«посажено дерево вольности»*, что привело к крайне негативным последствиям: *«над этим городом прогремел гром небесный», «он трясется и в религии, и в правлении, и в нравах»* (т. е. не имеет четких устоев), *«его скрижали блеснят и рассыпаются как метеоры, его правители являются и исчезают как китайские тени»* [6, с. 3]. Для Глаголева всемирный интерес, вызванный Французской революцией, не является свидетельством ее подлинной значимости; напротив, политические изменения и новые ценности, ею порожденные, оцениваются им как недолговечные и обреченные на исчезновение.

«Блестящим скрижалям» Парижа автор травелога противопоставляет *«пустоту и мрак, раскрытые безбожием»*, в то время как правительство Франции было *«опьянено чадом революции»*. Лишь восстановление веры дало французскому

народу «внутреннюю тишину государства» [6, с. 4-5]. Однако, сами французы предстают на страницах травелога недостаточно богобоязненными, например, они не чувствуют свою ответственность за казнь Людовика XVI, впоследствии причисленного к лику святых. Французы не «*слушали молитв и не преклоняли колен*» во время принесения «*очистительной жертвы*» на месте казни, «*будто бы кровь венчанного мученика не пала на их отцов и на них самих*» [6, с. 10]. Эта яркая метафора, в которой кровь предстает символом непокаянного греха, передающегося по наследству. С точки зрения Глаголева революционные ценности зиждутся на отвержении Бога и священной жертвы, а потому обречены на духовную бесплодность.

Однако власть, которую в результате восстановления христианской веры получили Иезуиты, тоже не получает одобрения Глаголева. Он полагает, что Франция «больна» безбожием, но Иезуиты, эти «нетерпеливые врачи», «не гнут, а ломают Францию» [6, с. 12].

Говоря о нравах французов, автор травелога указывает, что их вежливость, утраченная за годы революции, была «отблеском двора прежних королей» [6, с. 12]. Эта метафора «утраченного света» указывает на то, что для Глаголева королевский двор был абсолютным этикетом, культурным каноном и гарантом порядка и иерархии.

Примечательно в «Заметках русского путешественника» описание одного из модных парижских кафе «Дома слепых», в котором оркестр слепых музыкантов располагался в подвале, где, по слухам были также гроты «*посвященные оргиям*». Автор указывает, что это «остров Цирцей, превращающий людей в зверей», и народ Франции ждет «*новое наказание... за отступничество от веры, от благочиния, и от всех связей гражданских*» [6, с. 127]. Представляется, что эта метафора «остров Цирцей» у автора связана не только с конкретным кафе, но и со всей Францией в целом, поскольку Глаголев говорит о наказании для всех французов за неблагопристойное поведение и богоотступничество. Подобно тому, как остров Цирцеи был местом, оторванным от большого мира и его законов, постреволюционная Франция, с точки зрения автора, оказывается отрезанной от христианской Европы, от традиционных моральных устоев и, главное, от Бога. Это пространство, где перестают действовать привычные нормы, где добродетель не вознаграждается, а порок не наказывается.

В общем представляется, что в «Записках русского путешественника» А.Г. Глаголева формируется образ Франции притягательной и по-прежнему прекрасной (с «цветочными цепями» для женщин) в отношении моды и всего внешнего, однако

утерявшей свой статус, значение и блеск («скрижали блестят и рассыпаются»), погруженной в пучину («пустоту и мрак») безбожия, расчеловечивания («остров Цирцей»), находящейся в ожидании наказания за совершенные во время революции грехи («кровь пала»). Создаваемый автором образ пронизывает весь текст травелога, объединяя его структурные и смысловые части и служит основой для выбора релевантных средств выразительности, в первую очередь, стилистических метафор (отражающих концептуальные). Анализ материала показывает, что метафоры у Глаголева не являются орнаментальными – они выполняют текстообразующую и идеологическую функции. Каждое новое описание французского обычая, учреждения или типажа возвращает читателя к уже заданным метафорическим моделям, создавая эффект семантической когерентности.

Выбор именно метафоры как доминирующего стилистического средства не случаен. Метафора позволяет Глаголеву: говорить о деградации Франции, не прибегая к прямой обличительной риторике, обращаться к глубоким культурным смыслам (античный миф, библейские сюжеты, христианскую традицию), создавать обобщенный, типологический образ Франции, выходящий за рамки конкретных эмпирических наблюдений.

Список литературы

1. Никольский Е.В., Папилова Е.В. Имагологические аспекты травелогов русских сентименталистов второго ряда // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Вып. 17. – №11. – 2024. – С. 4218-4223. – doi:10.30853/phil20240595
2. Ефимовский Е. Жанровая специфика травелога // Art Logos. – №1 (14). – 2021. – С. 79-91.
3. Катермина В.В. Образный потенциал английского неологического дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. – №8 (490). – 2024. – С. 25-32. – doi:10.47475/1994-2796-2024-490-8-25-32
4. Кондратьева О.Н. Метафора как лингвокультурный феномен // Лингвокультурология. – №8. – 2014. – С. 104-106.
5. Семухина Е. А. Специфика репрезентации и функции культурного образа в травелогe Н.И. Греча // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2024. – № 69. – С. 50-56. – DOI 10.31773/2078-1768-2024-69-50-56.

Список источников

6. Глаголев А.Г. Записки русского путешественника. Часть IV. Париж. Лондон. – СПб.: Тип. Императорской Российской Академии, 1837. – 293 с.

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Дата публикации 14.06.2026

УДК 81'255.2

**Тетерятникова В.А., Можарова Ю.С., Губкина Д.А., Ивлева М.С.
Риторический вопрос во внутренней речи персонажа: функции и
переводческие решения (на материале романа Р. Сёрл «One Italian
Summer»)**

Тетерятникова Виолетта Алексеевна

студентка лингвистического факультета, Южный Федеральный Университет
г. Таганрог, Россия
vetavata@mail.ru

Можарова Юлия Сергеевна

студентка лингвистического факультета, Южный Федеральный Университет
г. Таганрог, Россия

Губкина Дарья Андреевна

студентка лингвистического факультета, Южный Федеральный Университет
г. Таганрог, Россия

Ивлева Мария Сергеевна

студентка лингвистического факультета, Южный Федеральный Университет
г. Таганрог, Россия

**The Rhetorical Question in a Character's Internal Speech: Functions and
Translation Solutions (Based on R. Serle's Novel "One Italian Summer")**

Teteryatnikova Violetta Alekseevna

student, Southern Federal University, Taganrog, Russia

Mozharova Iulia Sergeevna

student, Southern Federal University, Taganrog, Russia

Gubkina Daria Andreevna

student, Southern Federal University, Taganrog, Russia

Ievleva Maria Sergeevna

student, Southern Federal University, Taganrog, Russia

Аннотация. В статье рассматривается риторический вопрос как средство организации внутренней речи персонажа и его передача при переводе психологического романа Р. Сёрл «One Italian Summer» с английского языка на русский. Цель — выявить функции риторического вопроса во внутренней речи героини и описать переводческие трансформации. Методом сплошной выборки проанализированы риторические вопросы глав 6–9 и 21 и их переводные

соответствия. Выделены пять авторских контекстных функций приёма; установлено, что доминирующим решением выступает сохранение вопросительной конструкции, а основные потери выразительности связаны с опущением приёма и компенсируются лексико-грамматическими средствами.

Ключевые слова: риторический вопрос, внутренняя речь, несобственно-прямая речь, переводческие трансформации, эмотивность, художественный перевод.

Abstract. The article examines the rhetorical question as a means of organising a character's internal speech and its rendering in the translation of R. Serle's psychological novel "One Italian Summer" from English into Russian. The aim is to identify the functions of the rhetorical question in the heroine's internal speech and to describe the translation transformations applied. The rhetorical questions of chapters 6–9 and 21 and their translation equivalents were analysed by continuous sampling. Five authorial contextual functions of the device are distinguished; it is established that the dominant solution is the preservation of the interrogative construction, while the principal expressive losses are connected with the omission of the device and are compensated by lexical and grammatical means.

Keywords: rhetorical question, internal speech, represented speech, translation transformations, emotivity, literary translation.

Риторический вопрос принадлежит к синтаксическим средствам выразительности и при переводе художественного текста образует самостоятельную проблему: приём основан не на лексической семантике, а на синтаксической форме и интонации, по-разному закреплённых в исходном и переводящем языках. Асимметрия формы и содержания — вопросительная структура при утвердительном или эмотивном значении — определяет переводческую трудность: воспроизводится не вопрос, а его экспрессивная и модальная нагрузка.

Актуальность работы связана с вниманием переводоведения к передаче стилистически маркированного синтаксиса и с недостаточной изученностью функционирования риторического вопроса во внутренней речи персонажа. Научная новизна состоит в том, что риторический вопрос рассматривается в его текстовой функции — как средство организации внутреннего монолога, — а его перевод описывается на материале романа Р. Сёрл «One Italian Summer» [10], ранее не привлекавшегося к переводоведческому анализу.

Цель — выявить функции риторического вопроса во внутренней речи героини и описать трансформации при его передаче на русский язык. Материал — главы 6–9 и 21 романа и их перевод, выполненный автором работы; методом сплошной выборки извлечено более десяти риторических вопросов с переводческими соответствиями. Анализ переводческих решений опирается на типологию трансформаций Л. С. Бархударова — перестановки, замены, добавления, опущения [1] — и на положение В. Н. Комиссарова о лексико-грамматическом характере переводческих преобразований

[7]. Используются сопоставительный, лингвостилистический и контекстуальный методы.

Риторический вопрос трактуется в стилистике как приём, основанный на транспозиции — переосмыслении грамматического значения вопросительного предложения. И. Р. Гальперин определяет его сущность: «the question is no longer a question but a statement» [9, с. 244]; значения вопроса и утверждения реализуются одновременно, а вопросительная форма придаёт высказыванию модальные оттенки сомнения, вызова, иронии [9, с. 245]. И. В. Арнольд описывает приём как превращение вопроса в эмфатическое утверждение, функция которого — «привлечь внимание, усилить впечатление, повысить эмоциональный тон» [8, с. 225]; ответ в нём подсказан, а сам вопрос вовлекает читателя в рассуждение.

В современной лингвистике приём получает более узкое определение. Д. О. Добровольский и Анна А. Зализняк трактуют риторический вопрос как утверждение, соответствующее отрицательному ответу (*Разве это старость?* — 'это не старость'), либо как утверждение о пустоте предметной области вопросительного слова (*Какой русский не любит быстрой езды?* — 'не существует такого') [2]. В их трактовке риторический вопрос «не только не предполагает, а не допускает ответа» [2]: ответная реплика разрушает коммуникативный акт. Передаваемые убеждения авторы делят на квалифицирующие, деонтические и констатирующие [2]. В настоящей работе приём понимается в широком стилистическом смысле — как вопросительная по форме конструкция с утвердительным или эмотивным содержанием, — поскольку такое понимание соответствует экспрессивной внутренней речи, где вопрос передаёт не логическое отрицание, а эмоциональное состояние героини.

В переводоведческой литературе риторический вопрос характеризуется как косвенное высказывание. А. Б. Серик определяет такие конструкции как «не вопросы, а утверждения, данные в формате вопроса» [3]. Опираясь на М. Ларсон, исследователь отмечает, что вопросительная форма употребляется с целью, отличной от запроса информации, и при переводе нередко заменяется утверждением; по наблюдению Ю. Найды, английское *What difference does it make?* функционирует как утверждение *It makes no difference* [3]. Со ссылкой на П. Симунда указывается, что риторические вопросы обнаруживаются практически во всех языках и функционируют сходным образом, тогда как, по Найде, в ряде языков они отсутствуют, что создаёт переводческую проблему [3].

Риторический вопрос рассматривается также как синтаксическое средство репрезентации категории эмотивности. А. Ф. Пантелеев на материале русской

художественной прозы показывает, что вопросительные конструкции репрезентируют эмоции «сомнение, неуверенность, тревога, боязнь, огорчение, отчаяние» [4] и особенно частотны в несобственно-прямой речи, где голос персонажа сливается с голосом повествователя [8, с. 269; 4]. В художественном дискурсе риторический вопрос рассматривается как средство передачи эмоционально-оценочного компонента: в конфликтных ситуациях он выражает «surprise, distrust, reproach, and resentment» [5], а во внутренней речи персонажа отражает его эмоциональное состояние и оценку чужих действий [5]. Эти положения задают рамку анализа внутренней речи героини, организованной преимущественно вопросительными построениями.

Повествование ведётся от первого лица; риторический вопрос выступает основным маркером внутреннего монолога. На основе эмоций, репрезентируемых риторическим вопросом в несобственно-прямой речи [4; 5], в исследуемом материале выделяются пять авторских контекстных функций. Предлагаемая классификация не воспроизводит готовую типологию из существующих работ, а получена путём группировки риторических вопросов глав 6–9 и 21 по их функции в тексте романа и соотнесена с эмоциональными значениями, описанными в [4], [5] и [3].

Самоупрёк и самообвинение — реализует значение упрёка [3; 5]: (1) «How could I have let her out of my sight?» — *Но как я тогда могла упустить ее из виду?*; (2) «What did I expect to happen?» — *Чего я ожидала?*

Осмысление невозможного, неверие — соотносится с эмоцией сомнения [4]; аналогичное употребление риторического вопроса во внутренней речи для выражения удивления и осуждения отмечается в художественном дискурсе [5]: (3) «Why would she be? She is dead» — *Да и с чего бы ей быть здесь? Она мертва*; (4) «How can I possibly answer that?» — *Как мне на это отвечать?*

Подавленная прямая речь — вопросы, не получающие вербального выхода; в оригинале выделены курсивом: (5) «How do you know all of this? Who is Remo? How long will you stay?» — *Откуда ты все это знаешь? Кто такой Ремо? Как долго вы здесь пробудете?*

Рефлексия и переоценка прошлого: (6) «Did she recognize him when she saw him? Was it love at first sight?» — *Сразу ли она поняла, что он тот самый? Это была любовь с первого взгляда...?*

Экзистенциальная саморефлексия — соотносится с эмоциями сомнения и отчаяния [4; 5]: (7) «How much of my life has been open, really?» — *Как часто я чувствовала свободу...?*

Переводческие решения распределяются по четырём типам трансформаций [1].

Сохранение вопросительной конструкции — доминирующее решение (примеры 1–6): форма и функция воспроизводятся напрямую. Н. П. Ивинских и А. Р. Игнашина отмечают, что устранение вопросительности «искажает коммуникативную установку автора на диалог с читателем» [6]; для текста с установкой на внутренний диалог сохранение формы предпочтительнее.

Добавление как компенсация: экспрессия переносится на лексико-грамматический уровень. В (3) «Why would she be?» переведено как *Да и с чего бы ей быть здесь?* — добавлены частица *да и* и конкретизатор *здесь*; (8) «Did I think I'd find her...?» — *Я что, рассчитывала найти ее...?* (маркер *я что*); (9) «What are the odds?» — *Какова была вероятность такого совпадения?!* (эмфатическая пунктуация).

Замена (смысловое развитие): в (7) образ «ореп» передан понятием свободы. А. Б. Серик относит модуляцию к трём способам передачи риторических приёмов наряду с буквальным и свободным переводом [3].

Опущение приёма — снятие вопросительной формы: (10) «My parents had a good marriage. Was it great?» — *У моих родителей был хороший союз, быть может, даже замечательный...* Вопрос свёрнут в утверждение; теряется интонация неуверенной самооценки. Замена вопроса утверждением согласуется с трактовкой риторического вопроса как утверждения в вопросительной форме [3] и описана как один из способов его передачи. Аналогичный эффект отмечает И. В. Арнольд: в переводе С. Я. Маршака риторический вопрос Шекспира передан утверждением, отчего теряется ироническая грусть подлинника [8, с. 225].

Перестановка как самостоятельный приём в материале не требуется: порядок вопросов в сериях (5)–(6) сохраняется, отражая нарастание рефлексии [1].

Проведённый анализ позволяет ответить на вопросы, поставленные во вводной части, и сформулировать ряд обобщений относительно функционирования и перевода риторического вопроса во внутренней речи персонажа.

Во-первых, в психологическом романе Р. Сёрл «One Italian Summer» риторический вопрос является ведущим средством организации внутреннего монолога героини. Поскольку повествование ведётся от первого лица, вопросительные конструкции принимают на себя основную нагрузку по передаче рефлексии, что соответствует положению о частотности таких построений в несобственно-прямой речи, где голос персонажа сливается с голосом повествователя [8; 4], и наблюдению о роли риторического вопроса во внутренней речи персонажа в

художественном дискурсе [5]. Тем самым приём, традиционно описываемый в стилистике на материале ораторской и поэтической речи [9; 8], обнаруживает в художественной прозе от первого лица особую, текстообразующую роль.

Во-вторых, в исследуемом материале выделены пять авторских контекстных функций риторического вопроса — самоупрёк и самообвинение, осмысление невозможного и выражение неверия, подавленная прямая речь, рефлексия и переоценка прошлого, экзистенциальная саморефлексия. Предложенная классификация не воспроизводит готовую типологию, а получена путём группировки примеров глав 6–9 и 21 и соотнесена с эмоциональными значениями (сомнение, отчаяние и др.), описанными для несобственно-прямой речи [4] и художественного дискурса [5], и со значением упрёка, отмечаемым в переводоведческой литературе [3]. Совокупность этих функций показывает, что риторический вопрос во внутренней речи героини выражает не логическое отрицание, заложенное в узком лингвистическом определении приёма [2], а прежде всего эмоциональное состояние, что подтверждает обоснованность широкого стилистического понимания приёма, принятого в работе.

В-третьих, при передаче риторического вопроса на русский язык применяются четыре типа переводческих решений, соотносимых с типологией трансформаций Л. С. Бархударова [1]: сохранение вопросительной конструкции, добавление, замена и опущение. Перестановка как самостоятельный приём в материале не востребована, поскольку порядок вопросов в сериях отражает нарастание рефлексии и сохраняется в переводе. Распределение решений неравномерно: доминирует сохранение вопросительной конструкции, что свидетельствует о принципиальной переводимости приёма в паре «английский — русский» и согласуется с наблюдением о предпочтительности сохранения вопросительности в текстах с установкой на диалог с читателем [6].

В-четвёртых, потери выразительности связаны прежде всего с опущением приёма — свёртыванием риторического вопроса в утвердительную конструкцию. При таком решении предметно-логическое содержание сохраняется, однако утрачивается интонация, которую создаёт именно вопросительная форма; показательно, что аналогичный эффект отмечается и в признанных образцах перевода [8]. В случаях сохранения вопросительной формы экспрессия, заложенная в оригинале интонационно, переносится в перевод на лексико-грамматический уровень — посредством усилительных частиц, дискурсивных маркеров и эмфатической

пунктуации; такая компенсация подтверждает положение о лексико-грамматическом характере переводческих преобразований [7].

Таким образом, для переводчика художественного текста риторический вопрос предстаёт не как формальная синтаксическая трудность, а как функционально нагруженный приём, адекватная передача которого требует осознанного выбора между прямым воспроизведением вопросительной формы и её компенсацией. Практическая значимость результатов состоит в возможности их использования в курсах стилистики и теории перевода, а также в практике художественного перевода; перспективу исследования составляет проверка выявленных функций и переводческих решений на более широком корпусе психологической прозы.

Список литературы

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
2. Добровольский Д. О., Зализняк Анна А. «Риторический вопрос» в лингвистике и в речи // Слово.ру: балтийский акцент. 2025. Т. 16, № 2. С. 53–70. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ritoricheskiy-vopros-v-lingvistike-i-v-rechi> (дата обращения: 30.05.2026).
3. Серик А. Б. Особенности перевода риторических вопросов // Молодой учёный. 2020. № 49 (339). С. 578–582. URL: <https://moluch.ru/archive/339/76128> (дата обращения: 01.06.2026).
4. Пантелеев А. Ф. Синтаксические средства выражения эмоций в прозе В. С. Токаревой // Гуманитарные и социальные науки. 2025. Т. 109, № 2. С. 124–131. DOI: 10.18522/2070-1403-2025-109-2-124-131.
5. Грышина Е. Б. Rhetorical question as a means of communicating emotional-evaluative component in artistic discourse // Молодой учёный. 2025. № 47 (598). С. 341–343. URL: <https://moluch.ru/archive/598/130366> (дата обращения: 02.06.2026).
6. Ивинских Н. П., Игнашина А. Р. Проблема перевода текстов по психологии // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. 2024. № 20. С. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-perevoda-tekstov-po-psihologii> (дата обращения: 28.05.2026).

Список источников

7. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
8. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов. М.: Флинта: Наука, 2010. 382 с.
9. Galperin I. R. Stylistics. Moscow: Higher School Publishing House, 1977. 313 p.
10. Serle R. One Italian Summer. New York: Atria Books, 2022. 221 p.

ПРИКЛАДНАЯ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Дата публикации 30.06.2026

УДК 81'42:659

Мухина М.В. Стратегии построения текста экологической социальной рекламы как средство повышения ее эффективности

Мухина Мария Васильевна

кандидат филологических наук, учитель русского языка и литературы
школы № 37 г. Волжского Волгоградской области
SPIN-код: 7062-5943, AuthorID: 734028

Strategies for building environmental social advertising text as a means of increasing its effectiveness

Mukhina Maria Vasilyevna

Candidate of Philological Sciences, teacher of Russian language and literature. schools
No. 37 in Moscow, Volzhsky, Volgograd region

Аннотация. Статья посвящена анализу репрезентации экологических проблем в современной социальной рекламе, являющейся инструментом формирования экологического сознания и проэкологического поведения. В работе рассматриваются концептуальные основания экологической рекламы, выделяются антропоцентрическая и экоцентрическая стратегии воздействия, а также анализируется роль отдельных частных стратегий (персонализация, позитивное моделирование, нестандартный сторителлинг и т.п.), способных повысить степень воздействия рекламы на адресата. Статья вносит вклад в междисциплинарное изучение экологического рекламного дискурса и предлагает практические рекомендации для создания более действенных социально-экологических кампаний.

Ключевые слова: социальная реклама, средства выразительности, экологические проблемы, коммуникативные стратегии, рекламный дискурс

Abstract. The article is devoted to the analysis of the representation of environmental problems in modern social advertising, which is a tool for the formation of environmental awareness and environmental behavior. The paper examines the conceptual foundations of environmental advertising, highlights anthropocentric and ecocentric impact strategies, and analyzes the role of individual private strategies (personalization, positive modeling, non-standard storytelling, etc.) that can increase the degree of advertising impact on the recipient. The article contributes to the interdisciplinary study of environmental advertising discourse and offers practical recommendations for creating more effective socio-environmental campaigns to increase its effectiveness

Keywords: social advertising, means of expression, environmental issues, communication strategies, and advertising discourse

Введение

В последние десятилетия экологическая проблематика привлекает все больше внимания исследователей. Изменение климата, загрязнение окружающей среды,

утрата биоразнообразия и истощение природных ресурсов превратились в вызовы, требующие не только политических и технологических решений, но и трансформации массового сознания. Основная причина такого положения видится исследователям «в потребительском отношении человека к природе, ложном ощущении неисчерпаемости природных богатств, которое влечет принятие экологически непродуманных решений на государственном уровне и небрежное отношение граждан к природе на бытовом уровне» [1, с. 81-82]. Подтверждением высказанного мнения является тот факт, что на сегодняшний день антропогенное воздействие человека на природу превосходит допустимые пределы в 10 раз, а количество уже уничтоженных экосистем составляет около 40 % [2, с. 202]. Для решения этой насущной проблемы требуется применение комплексных мер. С одной стороны, установление более жесткой и конкретной ответственности за экологические преступления, о чем юристы говорят уже два десятилетия (См., например [3]). С другой стороны, разработка программы экологического просвещения и воспитания населения. В этом контексте социальная реклама (далее СР) приобретает особое значение как инструмент, способный формировать экологическое мировоззрение, транслировать ценности устойчивого развития и побуждать к проэкологическому поведению. СР нацелена на изменение общественных установок и поведенческих паттернов, что делает её незаменимым каналом коммуникации в сфере экологического просвещения.

В общем объеме выпускаемой СР экологическая тематика располагается на третьем месте после рубрик «Здоровье человека» и «Человек и закон» и составляет 17,5% от общего количества плакатов СР [4, с. 44]. Она фокусируется на проблемах охраны окружающей человека среды, актуализирует вопросы, связанные с сохранением природного равновесия и ответственным отношением к ресурсам планеты. В то же время, как показывают исследования, возможности СР в России используются не полностью, поскольку «наряду с удачными и грамотно построенными рекламными сообщениями выпускается и много неудачной, серой и невыразительной рекламной продукции» [5, с. 123]. Основными причинами появления неэффективной рекламы обычно называется отсутствие общей стратегической цели и неправильное составление иерархии важности заявляемых проблем [6]. Это обстоятельство обуславливает необходимость научного осмысления того, каким образом экологические проблемы репрезентируются в современной СР, какие средства и стратегии используются для привлечения внимания аудитории и формирования устойчивых проэкологических установок. Грамотное решение

указанных задач может способствовать повышению качества создаваемой рекламной продукции.

Материалом исследования послужили 600 плакатов экологической СР, собранные методом сплошной выборки из открытых источников Интернета. Основное внимание было уделено анализу плакатов, выпущенных в рамках реализации специальных проектов, направленных на повышение экологической грамотности населения (проекты «Всё равно?!», «Красная книга», «Эконелогично», инициативы WWF и т.п.).

Степень эффективности экологической социальной рекламы

Экологическая СР представляет собой особый тип рекламной коммуникации, направленной на формирование экологического сознания и ответственного отношения к природной среде. Особенность этого вида коммуникации состоит в том, что он рассчитан на самую широкую аудиторию и транслирует идеи, которые имеют значимую социальную ценность [7]. Эта особенность порождает ключевую проблему, требующую от создателей экологической СР приложения дополнительных усилий: по сравнению с СР, посвященной другим проблемам, экологическая СР имеет гораздо более слабую эффективность [8], что обусловлено рядом объективных причин.

Во-первых, экологическая СР чаще всего строится на констатации кризисного состояния экологической системы, недопустимости бездумного и неконтролируемого использования природных ресурсов и т.п. Однако чтобы привлечь внимание аудитории, недостаточно просто информировать и вовлекать – требуется креативный подход, способный пробить информационные барьеры.

Во-вторых, СР далеко не всегда учитывает психологические особенности отношения к экологическим проблемам: они часто воспринимаются как отдалённые и не касающиеся непосредственно жизни конкретного человека. В связи с этим требуются дополнительные усилия, чтобы показать эту связь, сделать экологическую проблему личностно значимой для каждого члена аудитории.

В-третьих, СР обычно адресуется неопределенно широкому и неидентифицируемому кругу адресатов, что создает большие сложности в выборе аргументов, ориентированных на их ценности. Преодоление этого барьера требует поиска новых форм и каналов коммуникации, более точного таргетирования и персонализации сообщений.

Наконец, в-четвертых, вместо побуждения к конкретному действию экологическая СР ограничивается, как правило, самыми общими и неопределёнными рекомендациями. Даже если адресанту удалось пробиться к сознанию адресата и

сформировать у него представление о недопустимости антиэкологичного поведения, это не говорит об эффективности послания, поскольку решение абсолютного большинства экологических проблем не зависит от действий отдельных людей. Глобальное потепление, гибель белых медведей в Арктике, загрязнение мирового океана – эти и многие другие проблемы, типичные для СР, никак не могут быть решены рядовым гражданином. Плакаты на эти темы только порождают у людей эффект «экологической усталости» – состояние, при котором постоянное восприятие негативной информации приводит к эмоциональному выгоранию и безразличию. Преодоление этого барьера требует сбалансированного подхода, сочетающего информирование об угрозах с демонстрацией возможностей их преодоления. В связи с этим массовая экологическая СР должна быть посвящена конкретным проблемам и содержать рекомендации, адресованные целевой аудитории: не оставлять после пикника мусор в лесу, не рубить самовольно деревья, не разжигать костры и т.п. Плакаты с более глобальной тематикой следует адресовать тем организациям, от которых зависит решение соответствующей проблемы. Наконец, плакаты с неопределенными обобщенными лозунгами (*Берегите родную природу!; Природа – наш дом; Сохрани мир вокруг себя* и т.п.) следует признать полностью неэффективными и исключить из обращения. Сугубо просветительские проекты, имеющие цель «повысить осведомленность общественности», имеют право на существование только как элемент какой-либо другой, более целенаправленной акции. Так, социально-просветительский проект «Красная книга», реализованный в Нижнем Новгороде оператором наружной рекламы ПРАЙМ, обычно оценивается как «эффективный инструмент экологического просвещения и поддержки охраны природы». В рамках этого проекта на рекламных поверхностях были размещены изображения краснокнижных животных, обитающих в национальном парке и заповеднике. Использование технологий искусственного интеллекта помогло «оживить» животных и передать особенности их поведения в естественной среде. Мы согласны с тем, что этот проект мог заинтересовать адресата и привлечь внимание общественности на необходимость бережного отношения к природе. Однако что может сделать рядовой горожанин для сохранения краснокнижных животных? Через неделю он забудет о красивом плакате, и все останется так же, как и было.

Аргументативные стратегии социальной рекламы

В исследованиях социорекламного дискурса выделяются два типа стратегий, направленных на формирование экологического сознания: антропоцентрическая и экоцентрическая [9]. Антропоцентрическая стратегия исходит из признания

человека центральной фигурой, а природа рассматривается как ресурс, подлежащий рациональному использованию и сохранению в интересах человечества. В рамках этой стратегии экологические проблемы представляются через угрозу благополучию и здоровью человека, а аргументация строится на утилитарных ценностях. В связи с этим главным аргументом так или иначе выступает угроза жизни человеку, которая ожидается в ближайшем будущем в связи с разрушением экологического равновесия. Типичным примером выступает плакат *Брошенный мусор вернется в твой дом*, на котором изображена гора мусора на берегу реки, а на переднем плане – кран с каплей воды, в которой отражается весь этот мусор. Экоцентрическая стратегия, напротив, признаёт природу самодостаточной ценностью (*Ты большой природы маленькая часть*). Экологическая СР, построенная на экоцентрических основаниях, апеллирует к этическим ценностям: чувству ответственности перед будущими поколениями (*Мы должны сохранить планету, на которой будут жить наши дети*), пониманию глубинной взаимосвязи всех элементов экосистемы (*Человек – часть природы. Без природы исчезнет человек*) и т.п. Природа здесь выступает как равноправный партнер человека, причем ее права реализуются через обязанности человечества.

Как показывает анализ эмпирического материала, наиболее востребованной в современном рекламном дискурсе является именно экоцентрическая стратегия. Это связано с растущим осознанием глобального характера экологических проблем и пониманием того, что их решение требует не просто технических усовершенствований, но фундаментальной смены мировоззренческих установок. В то же время антропоцентрическая стратегия, хотя и воспринимается как более поверхностная, поскольку пропагандирует разделение на «человеческое» и «природное», сохраняет свою актуальность в тех случаях, когда послание адресовано широкой аудитории и призвано показать ближайшие последствия действий людей для их жизни (*Сохрани планету годной для жизни. Выбирай экологически чистый транспорт*).

Рассмотрим далее частные стратегии [10], с помощью которых реализуются как антропоцентрическое, так и экоцентрическое направления. Между ними нет, разумеется, непреходимой стены. Все виды частных стратегий могут встречаться в любом виде рекламы. Однако наблюдения показывают, что отдельные способы построения СР, как правило, тяготеют к тому или иному направлению, являются более частотными в нем.

В рамках антропоцентрической рекламы основными средствами воздействия становятся:

- **Стратегия противопоставления.** В основе любой СР лежит базовая антитеза, с помощью которой противопоставляется существующее (разрушительное) положение дел требуемому (гармоничному) положению [11]. Нередко эта антитеза прямо присутствует на плакатах, когда с одной стороны изображается природная идиллия: дикие животные, густой зеленый лес, чистая река и т.п., а с другой стороны – результаты деятельности человека: вырубленные леса, погибшие животные, засоренные мусором реки. Слоган предлагает сопоставить эти варианты и сделать соответствующий вывод: *Выбери, как жить тебе и твоим детям*. Первый элемент ассоциируется с чистотой и гармонией, вызывает у адресата положительные эмоции и формирует представление о том, что именно нужно сохранять и защищать. Вторым элементом строится на «шоковой» технологии – деструктивных образах разрушения экосистем, небрежного отношения к природе, ведущего к возможной смертельной опасности для самого человечества [12]. Назначение этого приема состоит в том, чтобы вызвать у адресата чувство тревоги, вины и urgency – ощущение безотлагательности принятия мер для сохранения среды, годной для проживания людей. В рамках антропоцентрической рекламы акцент, как правило, делается на шоковой составляющей базовой альтернативы: здесь подчеркивается пагубность для будущего всего человечества неправильное антиэкологическое поведение.

- **Стратегия образного представления проблемы.** Метафора позволяет создавать яркие, запоминающиеся образы, которые воздействуют на эмоциональную сферу реципиента и способствуют более глубокому пониманию экологических проблем. На плакатах СР ей принадлежит особая роль: «она также является средством получения новых знаний об общественно значимых проблемах и инструментом познания окружающей действительности» [4, с. 135]. В экологической СР эта стратегия занимает ведущую позицию: почти одна треть всех плакатов строится на использовании тех или иных метафор. В рамках этой стратегии широко используются визуальные метафоры, которые строятся на сопоставлении природных и антропогенных элементов: заводские трубы уподобляются деревьям; льды на полюсах тают, как мороженое; мусор, принимает формы живых организмов и т.п. Такие метафоры не только привлекают внимание, но и создают когнитивный диссонанс, побуждающий зрителя к рефлексии над последствиями человеческой деятельности. Исследование корреляции визуальной и вербальной метафоры показывает, что эти два типа средств находятся во взаимозависимой и взаимодополняющей связи. Вербальная часть метафоры задает интерпретационную рамку для визуального образа, тогда как визуальная часть конкретизирует и

усиливает эмоциональное воздействие сообщения. Ср.: *Цирк – тюрьма и пытки для животных*. Здесь вербальная метафора *тюрьма и пытка* является рациональной частью послания, задает общую оценку, соответствующего вида деятельности. В то же время изображение измученных и грустных животных в тюремных робах, отделенных от зрителя толстой черной решеткой, предназначено для воздействия на эмоции адресата. В эффективной экологической рекламе эти два канала воздействия работают в унисон, создавая целостное и убедительное послание. Особое место в экологической СР занимает вид метафоры, названный К.С. Сердобинцевым *философской метафорой*. Это метод, «не только подразумевающий аналогию в ее формально-логическом ключе, но и содержащий художественный аспект, дающий образ будущего» [13].

- **Стратегия персонализации**, при которой экологическая проблема представляется через судьбу конкретного человека или сообщества, столкнувшегося с её последствиями. Такая стратегия позволяет преодолеть психологическую дистанцию и сделать проблему эмоционально ощутимой. В условиях, когда традиционные призывы перестали работать, такой подход помогает преодолеть информационный шум и скептицизм. В экологической СР персонализированной оказывается не только сама природа, которая предстает на плакатах в образе измученной людьми женщины (*Ты делаешь мне больно. Это убивает меня*), но и отдельные объекты, которые страдают от неэкологичной деятельности людей: елки (*Не руби меня, злодей, Ведь живая я, поверь*), зубры (*Спаси! Я тоже хочу жить*), ребенок в окружении помойки (*Подумай о моем будущем!*) и т.д.

- **Стратегия формирования «эко-тревоги»** (eco-anxiety) – хронического страха перед экологической катастрофой, который становится всё более распространённым психологическим явлением. Экологическая СР может как усиливать эко-тревогу (через использование шоковых образов и апокалиптических сценариев), так и способствовать её трансформации в конструктивные действия. Задача эффективной экологической рекламы – не просто информировать об угрозах (*Каждую минуту уничтожается около 20 гектаров деревьев. Ради чего?; Цирк – торжество лилипутов; Одна шуба стоит 40 маленьких, но таких важных жизней*), но и предлагать пути их преодоления, тем самым, переводя тревогу из состояния парализующего страха в состояние мобилизующей озабоченности (*Цирк – праздник насилия. Не поддерживай жестокий бизнес; Заметил вырубку леса? Сообщи! Мы проверим ее законность!*).

В рамках экопоцентрической рекламы преимущество отдается таким стратегиям:

- **Стратегия сторителлинга**, т.е. рассказывание историй о последствиях неправильного поведения людей в природе. Ср., например: (изображен олень, сидящий в кресле и читающий газету) *Это олень Афанасий. Теперь он будет жить у тебя. А чего ты ожидал, когда уничтожал его дом?* Нестандартный креатив и отсутствие назидательной интонации позволяет сделать экологическую проблему эмоционально ощутимой и личностно значимой, получить позитивную обратную связь и побудить пользователей к правильному экологически грамотному поведению. Этот прием особенно эффективен при обращении к молодежи, которая плохо реагирует на назидательные обращения к долгу перед природой и обязанности ее защищать. Переключение внимания на истории, рассказанные от лица самих обитателей леса – белки, медвежонка или косули, превращение леса из объекта спасения, в уютный дом для зверей дает возможность привлечь внимание представителей поколения Z.

- **Стратегия позитивного моделирования**, предлагающая зрителю конкретные, доступные действия, которые он может предпринять для улучшения экологической ситуации. Эта стратегия направлена на преодоление чувства бессилия и беспомощности, часто возникающего при осознании масштаба экологических проблем. Так, кампания «Природа это не переварит» (в рамках проекта «Все равно?!») была приурочена к началу летнего сезона – времени массовых пикников на природе. Авторы сконцентрировались на теме загрязнения зелёных зон бытовым мусором, выбрав для визуализации весьма креативное решение: наиболее популярные виды мусора с длительным периодом разложения (сигаретные пачки, окурки, железные и пластиковые банки) были размещены на шампуре. Этот образ ассоциировался с шашлыком и косвенно призывал не загрязнять природу. В других случаях плакат прямо указывает, что и как следует сделать: *Хочешь принести пользу своему городу? Убери мусор!*

- **Стратегия социального доказательства**, основанная на демонстрации того, что проэкологическое поведение становится социальной нормой, а его носители — референтной группой для подражания (см. об этом [14]). Здесь чаще всего используется аргумент «ссылка на авторитет». В этом качестве могут выступать известные люди предшествующих эпох, мудрые высказывания которых помещаются на плакат (*Охранять Природу – значит, охранять Родину» М. Пришвин; Все мы пассажиры одного корабля по имени Земля А. де Сент-Экзюпери*), современные

лидеры мнений, призывающие адресата СР последовать своему примеру (*Диана Арбенина поддерживает арктические проекты WWF России; Носить мех сегодня стыдно! Так одевались первобытные люди, но у них не было выбора! Артемий Троицкий*), или просто представители той целевой аудитории, к которой обращается автор текста (на плакате волонтеры очищают берег моря от мусора).

- **Стратегия приближения послания к адресату** состоит в том, что послания размещаются не на улицах города, а в тех местах, где конкретный адресат принимает решение о тех или иных действиях. Это позволяет более точно учитывать его ценности и предлагать конкретные рекомендации. Например, ретейлер «Лемана ПРО» начал размещать в магазинах сети плакаты об экомаркировке, что позволило информировать потребителей об экологических характеристиках товаров непосредственно в момент принятия решения о покупке.

В заключение следует отметить, что обе указанные стратегии обычно изобилуют инструментами психологической детерминации и содержат большое количество побуждающих к действию конструкций. По этому признаку их можно разделить на информационно-формирующие и оптимизирующие. В информационно-формирующем варианте побуждение переводится в сверхзадачу (прямо не представлено). Задачей послания является информирование аудитории об экологических проблемах и формирование базовых экологических знаний (*Одна шуба = 27 енотов, 18 лисиц, 55 норок, 250 белок. Твоя шуба – его смерть*). Оптимизирующий вариант нацелен на изменение поведенческих паттернов и оптимизацию взаимодействия человека с природной средой (*Сжигать нельзя перерабатывать. Зайди и поставь запятую на свое место. Откажись от всего одноразового. Разделяй отходы. Используй измельчитель пищевых продуктов*). В нем всегда присутствует прямое побуждение, адресованное целевой аудитории (*Сохраните природу в чистоте; Бросайте мусор в урну; Не загрязняй чужой дом; Берегите лес* и т.п.). Первый вариант имеет право на существование только при условии, что он, действительно, сообщает некоторую новую информацию, а не сводится к повторению общеизвестных банальностей. Второй вариант имеет право на существование только при условии, что он предлагает совершить некоторое реальное действие, которое может осуществить адресат, а не требует спасти мир от глобального потепления. Так, СР: *Используй многоразовую сумку — это спасет жизни морских обитателей* — наверняка окажется гораздо эффективнее, чем СР: *Мы не должны загрязнять окружающую нас среду*, поскольку в этом случае адресат видит, какой именно вклад в решение проблемы может внести лично он.

Исключением из этого правила может стать только СР, адресованная школьникам, поскольку ее задача состоит в первичном формировании экологического сознания молодёжи. Однако и в этом случае СР должна вовлекать адресата в активную деятельность по охране окружающей среды, формируя у него не только когнитивные, но и поведенческие компетенции [15; 16].

Таким образом, эффективность социальной рекламы зависит, во-первых, от степени конкретности тех действий, которые предлагается осуществить адресату, а во-вторых, от способности адресанта воздействовать на эмоциональную сферу целевой аудитории. Формирование активной общественной жизненной позиции требует тщательной проработки ключевых образов и приемов аргументации, способных воздействовать на конкретного адресата.

Заключение

Экологическая социальная реклама представляет собой сложный и многогранный феномен, отражающий как глобальные экологические вызовы, так и специфику культурных, социальных и экономических контекстов конкретных обществ. Проведённый анализ позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, экологическая СР выполняет важнейшую функцию формирования экологического сознания, транслируя как когнитивные знания об экологических проблемах, так и ценностные установки, связанные с ответственным отношением к природе. В этом процессе задействованы как вербальные, так и визуальные средства.

Во-вторых, в экологической СР выделяются две основные стратегии – антропоцентрическая и экоцентрическая, причём наиболее релевантной в современном дискурсе является экоцентрическая стратегия, признающая природу самодостаточной ценностью. В рамках этих стратегий используются как тактика позитивной пропаганды (образы природной идиллии), так и тактика негативной пропаганды (образы экологических разрушений), причём наибольшей эффективностью обладают послания, сочетающие оба подхода.

В-третьих, эффективность экологической СР определяется не только её креативными характеристиками, но и степенью ориентации на психологические факторы, присущие адресату: уровень эко-тревоги, ценностные ориентации, культурные особенности и т.п.

В-четвертых, эффективность СР зависит от степени конкретности предлагаемого в ней решения. Вместо глобального призыва к спасению планеты СР разбивает задачу на понятные действия, которые легко вписать в повседневность: сортировать мусор, сдавать батарейки, экономить воду, выбирать локальные

продукты. Это повышает чувство личной ответственности и дает понятное представление о том, каких именно действий ждут от адресата.

Таким образом, отражение экологических проблем в современной социальной рекламе представляет собой динамично развивающуюся область, требующую дальнейшего междисциплинарного исследования на стыке лингвистики, психологии, культурологии, медиаисследований и коммуникационного дизайна. Понимание механизмов репрезентации экологических проблем в социальной рекламе является необходимым условием для создания эффективных коммуникационных стратегий, способных внести реальный вклад в решение глобальных экологических вызовов современности.

Список литературы

1. Анисимов А.П., Алексеева А.П., Мелихов А.И. Актуальные проблемы противодействия экологической преступности в России // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 3. С. 80-89.
2. Тангиев Б.Б., Третьяков И.Л. Взаимосвязь и взаимообусловленность социума и экологии: (криминологический аспект) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 4. С. 200-205.
3. Алексеева А.П. Ответственность за экологические правонарушения (преступления) // Пути развития российской юридической науки и образования в XXI веке: Тезисы докладов научно-практической конференции. Волгоград, Волгоградский филиал Московского университета потребительской кооперации. 2001. С. 129-132.
4. Анисимова Т.В., Чубай С.А. Социальная реклама: риторический анализ плакатов социальной тематики. Москва: Русайнс, 2020. 278 с.
5. Анисимова Т.В., Чубай С.А. Прецедентные тексты как средство повышения эффективности социальной рекламы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2023. Т. 22, № 2. С. 122-139. DOI 10.15688/jvolsu2.2023.2.10.
6. Контарева И.А., Глебов В.В. Стратегии повышения эффективности в социально-экологической рекламе // Мир науки, культуры, образования. 2016. №2 (57). С. 313-314.
7. Hodgkinson P. Media, Culture and Society: An Introduction. London: SAGE Publications Ltd, 2013. 336 p.
8. Анисимова Т.В., Пригарина Н.К., Чубай С.А. Блендинг как прием повышения эффективности социальной рекламы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2022. Т. 21, № 1. С. 30-43. DOI 10.15688/jvolsu2.2022.1.3.
9. Ежова Е.Н. Рекламная коммуникация как ресурс формирования экологического сознания // Рекламное и PR-образование в условиях информационно-технологических перемен: актуальные вопросы и тренды: Сборник материалов II Международной научно-практической конференции / Под общей редакцией К.В. Киуру. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2020. С. 130-134.

10. Семенова М.Г. Коммуникативная стратегия социальной рекламы // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2024. Т. 43. № 3. С. 291-300. DOI: 10.52575/2712-7451-2024-43-3-291-300
11. Анисимова Т.В., Чубай С.А. Особенности использования стилистических фигур в дискурсе социальной рекламы // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, № 4. С. 5-14. DOI 10.17072/2073-6681-2022-4-5-14.
12. Терских М.В. Типология стратегий коммуникативного воздействия в дискурсе социальной рекламы // Научный диалог. 2020. №4. С. 164-175.
13. Сердобинцев К.С. Философия – фундамент формирования рационального мировоззрения, патриотического воспитания курсантов образовательных учреждений МВД России // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026 № 1(83). С. 139-146.
14. Анисимова Т.В., Чубай С.А. Интертекстуальность как средство выразительности в дискурсе социальной рекламы // Неофилология. 2022. Т. 8, № 3. С. 482-495. DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-3-482-495.
15. Ковшикова Е.В. Традиции и новации в образовательном процессе современного учреждения высшего образования: комплексный анализ // Инновационные технологии в педагогике высшей школы: материалы X-ой Международной межвузовской научно-методической конференции. Санкт-Петербург, Петергоф: Военный институт (железнодорожных войск и военных сообщений), 2024. С. 129-133.
16. Сердобинцев К.С. Проблема модернизации и развития гражданского общества в России: диалектика «Я» и «Мы» // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 3. С. 110-119.

Дата публикации 30.06.2026

УДК 811.161.1

Соколова М.Г., Булина Е.В. Речевые тактики реализации дискредитации с помощью сравнительных конструкций

Соколова Марина Геннадьевна

профессор кафедры «Филология, лингвоэкспертология и медиакommunikации», канд. филол. наук, доцент
Тольяттинский государственный университет, РФ, г. Тольятти

Булина Евгения Владимировна

магистр кафедры «Филология, лингвоэкспертология и медиакommunikации»
Тольяттинский государственный университет, РФ, г. Тольятти
BulinaEV@yandex.ru

Speech tactics for implementing discredit using comparative constructions

Sokolova Marina Gennadievna

Professor of the Department "Philology, Linguistic Expertise and Media Communications"
PhD in Philology, Associate Professor, Togliatti State University
Russian Federation, Togliatti

Bulina Evgenia Vladimirovna

Master of the Department "Philology, Linguistic Expertise and Media Communications"
Togliatti State University, Russian Federation, Togliatti

Аннотация. В статье рассматриваются сравнительные конструкции, являющиеся языковым средством выражения дискредитации оппонента в публицистических текстах, а именно в материалах газет «Московский комсомолец», «Парламентская газета». Для анализа высказываний со сравнительными конструкциями дискредитирующего характера авторами статьи был разработан алгоритм лингвистического анализа, отражающий такие методы исследования, как метод сплошной лексикографической выборки из публицистических текстовых источников, определение типов сравнительных конструкций, пропозициональный анализ высказываний, дефиниционный анализ, семантический анализ, определение используемой тактики дискредитации. В результате проведённого исследования установлено, что дискредитирующие конструкции могут содержать в себе зоометафоры, а также стилистически нейтральную лексику, которая, в контексте анализируемого высказывания, может характеризовать дискредитируемое лицо крайне отрицательно.

Ключевые слова: дискредитация, публицистический дискурс, сравнительные конструкции, зоометафора.

Abstract. This article examines comparative constructions used as a linguistic means of discrediting an opponent in publicistic texts, specifically in materials from the newspapers "Moskovsky Komsomolets", "Parlamentskaya Gazeta". To analyze statements containing comparative constructions of a discrediting nature, the authors developed a linguistic analysis algorithm reflecting such research methods as a continuous lexicographic sampling

from publicistic text sources, identification of types of comparative constructions, propositional analysis of statements, definitional analysis, semantic analysis, and identification of the tactics used for discreditation. The study revealed that discrediting constructions may contain zoometaphors, as well as stylistically neutral vocabulary, which, in the context of the analyzed statement, may characterize the discredited person in an extremely negative light.

Key words: discreditation, publicistic discourse, comparative constructions, zoometaphor.

В XX–XXI веке появилось много работ, посвящённых различным аспектам исследования и описания сравнений, сравнительных конструкций русского языка (Колосовская Т.Л. «Она ни разу не Золушка»: об одной сравнительно-оценочной конструкции русской речи» (2024); Чага А.В. «О сравнительных конструкциях превосходства» (2024); Кузнецова И.В., Кириллова К.О. «Русские сравнительные конструкции с компонентом «сарделька» (2025); Полякова Ю.В., Абукаева Л.А. «Сравнительные конструкции в марийской и русской лингвистике» (2025); Селезнева К.О. «Лексические единицы педагогической сферы в сравнениях» (2025); Девятова Н.М. «Придаточное определительное в системе русского сравнения» (2026); Правда Е.А. «О некоторых особенностях русских пословиц, включающих сравнения» (2026); Суббота Н.С. «Сравнительные конструкции в хейтерском дискурсе: стратегии уничижения и стигматизации (на материале русского, польского, английского и немецкого языков)» (2026) и др.).

Вопросу изучения речевой стратегии дискредитации посвящено множество работ (Коняева Ю.М., Самсонова А.А. «Саркастическая оценка в массмедиа как инструмент дискредитации личности: речевая репрезентация» (2021); Миронова Н.И. «Дискредитация оппонента с помощью указания на его мнимых сторонников» (2021); Тихонова С.А., Перова Е.А. «Стратегия дискредитации как способ создания негативного образа России в британском массмедийном дискурсе, посвящённом Олимпийским играм в Токио» (2021); Самарай А.И. «Коммуникативная стратегия дискредитации в политической коммуникации» (2022); Чарыкова И.А. «Коммуникативные стратегии и тактики, используемые антипрививочниками для дискредитации вакцины от COVID-19» (2022); Чернышова Т.В. «Дискредитирующий буллинг в полилогах сетевого общения (на материале лингвоэкспертной практики)» (2022); Фадеев А.Б. «Соблюдение речевой этикетной нормы в политических дебатах» (2023); Шипилова Д.С. «Интернет-мем как способ дискредитации имиджа политика» (2023); Шмаков А.А. «Дифференциация пародии и дискредитация в современном медиадискурсе: к проблеме поиска речекоммуникативных признаков» (2023); Кайдаш М.А. «Дискредитация как коммуникативная стратегия» (2024); Космодемьянская В.И., Лисенко М.В., Малыхина

М.В. «Агрессия в политическом дискурсе как институализированный вид речевой конфронтации» (2024); Трофимова Г.Н. «Лингвозекология медиатекста в контексте коммуникативной стратегии дискредитации и эмоционального интеллекта» (2024); Посинов Д.Б., Ширяева Т.А. «Концептуальные метафоры в реализации стратегии дискредитации в судебном дискурсе» (2025); Симонова З.В. «Об языковой реализации стратегии дискредитации в предвыборной полемике Великобритании» (2025); Яковлев А.О. «Дискредитация как стратегия речевой агрессии в политическом дискурсе: на материале высказываний Дональда Трампа» (2025) и др.).

Современных лингвистов продолжает интересовать публицистический дискурс, поскольку «публицистика призвана обсуждать болевые точки современной жизни, информировать, анализировать, прогнозировать, устанавливать причинно-следственные связи» [1, с. 209], т.е. своевременно реагировать «на злобу дня» (Руженцева Н.Б. «Точка зрения в публицистическом дискурсе: речевое представление и аксиологическое содержание» (2022); Трунова Н.В. «Риторика диалога в современном политическом публицистическом дискурсе» (2022); Васильева Ю.А. «Функционирование логоэпистем в публицистическом дискурсе (на примере заголовков астраханских массмедиа)» (2023); Ларина Т.С., Финк Т.Е. «Невербальные средства реализации тактик в публицистическом валеологическом дискурсе» (2023); Калинина М.В. «Коммуникативный кодекс в современном публицистическом дискурсе (на материале общественно-политических программ)» (2024); Пономарев П.А. «Принципы коммуникативной ответственности и диалога в российском публицистическом дискурсе» (2024); Тохтарова В.И. «Неологизмы в современном публицистическом дискурсе» (2024); Фирсова М.А. «Особенности функционирования в публицистическом дискурсе антропонимов как маркеров вербальной агрессии» (2025); Чвягина Т.В., Бабаян В.Н. «Лингвопрагматические особенности научного и публицистического видов дискурса» (2025); Абдурахманова А.Г., Гусейнова Т.С., Гамзаева Л.Б. «Дискурсивное пространство современной газеты» (2026) и др.).

Несмотря на основательную научную разработанность понятий «сравнительная конструкция», «дискредитация», «публицистический дискурс» существенной проблемой в исследовании языка является отсутствие исследовательских работ, в которых сравнительные конструкции русского языка рассматриваются как инструмент дискредитации в публицистическом дискурсе. Этим определяется актуальность данного исследования.

Проблему изучения сравнительных конструкций как инструмента дискредитации в публицистическом дискурсе на сегодняшний день можно проиллюстрировать обширным рядом языковых примеров.

Отбор языковых примеров для данной статьи производился из газеты «Московский комсомолец» за 2003 год и 2019 год, а также из «Парламентской газеты» за 2021 год. Данные контексты используются только как лингвистический материал для анализа языковых явлений. Приводимые цитаты из текстов обезличены, имена собственные изменены.

Анализ отобранных примеров производился по разработанному нами алгоритму, который включает в себя следующие этапы: 1) отбор из текстовых источников высказываний, содержащих признаки дискредитации (источником языкового материала послужили публицистические тексты); 2) анализ конкретного высказывания на наличие в нём сравнительной конструкции (типы сравнительных конструкций определялись в соответствии с работами «Сравнительные конструкции русского языка» М.И. Черемисиной [2], «Язык современных СМИ: средства речевой агрессии» Н.Е. Петровой, Л.В. Рацибурской [3]); 3) пропозициональный анализ высказывания (на данном этапе было произведено выделение пропозиций частей высказывания, определение семантических функций входящих в него актантов; нумерация пропозиций в тексте данной статьи сквозная); 4) дефиниционный анализ выделенных актантов (на данном этапе проводилось определение значения слов, словосочетаний, предложений в контексте высказывания); 5) определение того, к какой тактике дискредитации относится анализируемое высказывание (тактика дискредитации определялась в соответствии с работами «Коммуникативные стратегии и тактики русской речи» О. С. Иссерс [4], «Дискредитирующие тактики и приёмы в российском политическом дискурсе» Н.Б. Руженцевой [5]); 6) формулировка вывода по проанализированному примеру.

При проведении исследования использовался комплекс лингвистических методов, таких, как: метод сплошной лексикографической выборки из публицистических текстовых источников; определение типов сравнительных конструкций; пропозициональный анализ высказываний; дефиниционный анализ; семантический анализ; определение используемой тактики дискредитации.

Первый пример отобран из статьи М. Х. «Пока не отсохнет рука берущего», опубликованной 10.01.2003 в газете «Московский комсомолец»: *«И всё в порядке, никого не судят: воровство чиновников в нашей стране – такое же обычное дело, как и отключение электричества».*

В данном высказывании реализован такой тип сравнительной конструкции, как «конструкция с сравнительным союзом «как», обозначающая сравнение ситуаций».

Далее из рассматриваемого высказывания были выделены следующие пропозиции: *пропозиция № 1*: «никого – не судят»; *пропозиция № 2*: «воровство – чиновников – обычное – дело»; *пропозиция № 3*: «отключение – электричества».

Из структуры рассматриваемой *пропозиции № 1* следует, что субъект действия в данной пропозиции вербально не эксплицирован, из контекста не определяется. Объект действия – «никого». Предикат выражен глаголом с отрицательной частицей «не судят».

Из структуры рассматриваемой *пропозиции № 2* следует, что существительное «чиновников» является субъектом действия. Предикат выражен отглагольным существительным «воровство». Предикат «воровство» в структуре анализируемого высказывания логически соотносится с существительным «дело». Существительное «дело» характеризуется при помощи сирконстанта, выраженного прилагательным «обычное».

Из структуры рассматриваемой *пропозиции № 3* следует, что субъект действия в данной пропозиции вербально не эксплицирован, из контекста не определяется. Предикат выражен отглагольным существительным «отключение». Объект действия выражен существительным «электричества».

Проведённый пропозициональный анализ высказывания позволил определить ключевые слова, на которых необходимо сосредоточить внимание при проведении дефиниционного анализа:

Никто, никого – *местоим. суц.* Ни один (человек), ни одно (существо) [6, с. 651].

Не – *част.* 1. Выражает полное отрицание того, что обозначает слово или сочетание, перед которым она стоит [6, с. 611].

Судить – 3. *кого.* Рассматривать чей-либо поступок, преступление в судебном порядке [6, с. 1287].

Воровство – 1. к воровать. – 1. *что.* Тайно, без разрешения брать кого-, что-либо у кого-либо, незаконно присваивать себе чужое, красть [6, с. 150].

Чиновник – 1. Государственный служащий. 2. Должностное лицо, выполняющее свою работу формально, следуя предписаниям, без живого участия в деле; формалист, бюрократ [6, с. 1480].

Обычный – 1. Такой, как всегда; постоянный, привычный [6, с. 694].

Дело – 12. Разг. Положение вещей, обстановка; обстоятельства, связанные с чем-либо [6, с. 248].

Отключение – разъединив, выключить из сети (электрической, телефонной, газовой) [6, с. 747].

Электричество – 1. Совокупность явлений, в которых проявляется существование, движение и взаимодействие заряженных частиц. 2. Энергия, получаемая в результате использования таких явлений. 3. Освещение, получаемое от этой энергии [6, с. 1519].

Семантический анализ данных лексем позволил определить, что в данном высказывании идёт речь о группе лиц «чиновники», объединённой по признаку профессиональной деятельности. Данная группа лиц связана с негативным явлением «воровство», которое «никто» не рассматривает в судебном порядке, потому что это привычное положение вещей.

В приведённом примере имеет место тактика сопоставления, реализованная средствами отрицательного сравнения – явление из политики и общественной жизни сравнивается с явлением из бытовой жизни, причём словосочетание «обычное дело» усиливает отрицательный эффект от применяемой тактики дискредитации. Сопоставительная тактика направлена на формирование негативного отношения к группе лиц, наименование которой вербализовано посредством лексемы «чиновников», при помощи её сравнения с негативным явлением, характеризующим бытовую жизнь («отключение электричества»).

Таким образом, в первом примере реализована дискредитирующая тактика сопоставления через отрицательное сравнение.

Второй пример отобран из информационного сообщения «Т*** заявил о ликвидации лидера ИГ», опубликованного 27.10.2019 в газете «Московский комсомолец»: «Б*** умер как собака, как трус, мир будет лучше без этого злодея» – отметил Т***».

В данном высказывании реализованы два типа сравнительных конструкций: 1) тип сравнительной конструкции «конструкция с сравнительным союзом «как», обозначающая сравнение лица и животного»; 2) тип сравнительной конструкции «конструкция с сравнительным союзом «как», обозначающая сравнение лица с лицом, обладающим негативными характеристиками».

Далее из рассматриваемого высказывания были выделены следующие пропозиции: пропозиция № 4: «Б*** – умер – как собака», пропозиция № 5: «Б*** – умер – как трус», пропозиция № 6: «мир – будет лучше – без злодея».

Из структуры рассматриваемой *пропозиции № 4* следует, что субъект действия в данной пропозиции вербально не эксплицирован, из контекста не определяется. Объект действия – «Б***». Предикат выражен глаголом «умер». Актант выражен сравнительным союзом «как» и существительным «собака».

Из структуры рассматриваемой *пропозиции № 5* следует, что субъект действия в данной пропозиции вербально не эксплицирован, из контекста не определяется. Объект действия – «Б***». Предикат выражен глаголом «умер». Актант выражен сравнительным союзом «как» и существительным «трус».

Из структуры рассматриваемой *пропозиции № 6* следует, что субъект действия в данной пропозиции вербально не эксплицирован, из контекста не определяется. Объект действия – «мир». Предикат выражен сочетанием «будет лучше». Актант выражен предлогом «без» и существительным «злодея».

Проведённый пропозициональный анализ высказывания позволил определить ключевые слова, на которых необходимо сосредоточить внимание при проведении дефиниционного анализа:

Умереть – 1. Перестать жить (о человеке) [6, с. 1519].

Собака – м./ж. *Сниж. Бран.* 1. (в *функц. сказ.*). *Груб.* Об осуждаемом человеке (как негативная характеристика) [7, с. 289].

Трус – трусливый, робкий человек [6, с. 1349].

Трусливый – 1. Легко поддающийся чувству страха, робкий в действиях [6, с. 1349].

Злодей – 1. Тот, кто совершает злодеяние, кто способен на него; преступник, убийца [6, с. 365].

Проведённый лингвистический анализ позволил определить, что лексема «умирать» характеризуется как «глагол прекращения действия, бытия, состояния)» с типовой семантикой «прекратить что-либо (какое-либо действие, существование чего-либо), прекратиться, прийти к концу, прерваться в своём течении, ходе» [8, с. 477].

В имеющемся контексте анализируемого высказывания лексемы «собака», «трус», «злодей», с учётом объективной направленности, имеют негативную коннотацию и выражают соответствующую негативную характеристику лица «Б***».

В приведённом примере имеет место такая речевая тактика дискредитации, как инвектива – агрессивный выпад в письменной форме против конкретного лица («Б***»), направленный на его оскорбление и унижение. Зоометафора «собака» в данном высказывании используется с инвективной интенцией.

Таким образом, в приведённом втором примере реализована дискредитирующая тактика инвективы через использование зоометафоры «собака», а также лексем «трус» и «злодей», которые усиливают негативную характеристику лица «Б***».

Третий пример отобран из информационного сообщения «В***: хамское поведение Н*** на суде по делу о клевете должно заставить его сторонников задуматься», опубликованного 15.02.2021 в газете «Парламентская газета»: *«Какое бы решение суд не принял, очевидно, что сам Н*** считает такое поведение нормой... Тот, кто из него сотворил кумира, возможно, после этого поведения задумается. Какие бы призывы не звучали, какие бы лозунги они не разделяли, совершенно очевидно, если они звучат от человека, который ведёт себя как последний негодяй, десять раз стоит подумать, следует ли за ним идти», – подчеркнул спикер».*

В данном высказывании реализован такой тип сравнительной конструкции, как «конструкция с сравнительным союзом «как», обозначающая сравнение лица с лицом, обладающим негативными характеристиками».

Далее из рассматриваемого текста были выделены следующие пропозиции: *пропозиция № 7: «Тот, кто – из него [Н***] – сотворил – кумира»; пропозиция № 8: «они [призывы, лозунги] – звучат – от человека»; пропозиция № 9: «от человека – ведёт себя – как последний негодяй».*

Из структуры рассматриваемой *пропозиции № 7* следует, что субъект действия в данной пропозиции выражен сочетанием слов «Тот, кто». Предикат выражен глаголом «сотворил». Актанты выражены местоимением «него» с предлогом «из» (из контекста анализируемого текста устанавливается, что в данном высказывании идёт речь о «Н***»), и существительным «кумира».

Из структуры рассматриваемой *пропозиции № 8* следует, что субъект действия в данной пропозиции вербально не эксплицирован. Объект действия выражен местоимением «они». Из контекста анализируемого высказывания устанавливается, что в данном высказывании идёт речь о «призывах», «лозунгах». Актант выражен существительным «человека» с предлогом «от».

Из структуры рассматриваемой *пропозиции № 9* следует, что субъект действия в данной пропозиции вербально не эксплицирован. Предикат выражен глаголом «ведёт» и местоимением «себя». Сирконстант выражен сочетанием слов «как последний негодяй». Актант выражен существительным «человека» с предлогом «от».

Проведённый пропозициональный анализ высказывания позволил определить ключевые слова, на которых необходимо сосредоточить внимание при проведении дефиниционного анализа:

Кумир, м. – 2. Тот, кто (то, что) является предметом обожания, восторженного поклонения [6, с. 480].

Негодяй, м. – Очень плохой, безнравственный, способный на любую подлость человек, а также вообще о человеке, который ведёт себя предосудительно [9].

Негодяй – подлый, низкий человек [6].

Негодяй – о человеке подлом, низком, бесчестном, совершающем что-либо дурное [10].

В имеющемся контексте анализируемого высказывания лексема «негодяй», с учётом объективной направленности, имеет негативную коннотацию и выражают соответствующую негативную характеристику лица «Н***».

В приведённом примере имеет место такая речевая тактика дискредитации, как инвектива – агрессивный выпад в письменной форме против конкретного лица («Н***»), направленный на его оскорбление и унижение. Использование лексемы «кумир» через контраст значений со словом «негодяй» усиливает отрицательную характеристику лица «Н***».

Таким образом, в приведённом третьем примере реализована дискредитирующая тактика инвективы через использование лексемы «негодяй», которая характеризует лицо «Н***» крайне отрицательно.

В результате проведённого анализа собранных языковых материалов установлено, что дискредитирующие тактики в высказываниях из публицистических источников реализуются при помощи сравнительных конструкций, содержащих отрицательное сравнение, зоометафоры, а также стилистически нейтральную лексику, которая, в контексте анализируемого высказывания, характеризует дискредитируемое лицо крайне отрицательно. Адресант использует данные средства для реализации конкретной цели – воздействия на адресата. Основным средством дискредитации становится негативная информация, используемая для снижения авторитета дискредитируемого лица, подрыва доверия к нему. В качестве инструмента дискредитации здесь задействованы сравнительные конструкции.

Список литературы

1. Дускаева Л.Р. Информирующая речевая деятельность журналиста // Медиалингвистика в терминах и понятиях. Словарь-справочник. М.: ФЛИНТА, 2018.

2. Черемисина М.И. Сравнительные конструкции русского языка: сложные сравнительные конструкции с союзом «как» и с модальными союзами. М.: URSS, 2020.
3. Петрова Н.Е., Рацибурская Л.В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии. М.: ФЛИНТА, 2024.
4. Исерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Издательство ЛКИ, 2008.
6. Руженцева Н.Б. Дискредитирующие тактики и приёмы в российском политическом дискурсе. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2004.

Список источников

7. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: «Норинт», 2000.
8. Химик В.В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи: В 2 т. Т. 2. О–Я. СПб.: Златоуст, 2017.
9. Бабенко Л.Г. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы. М.: АСТ-ПРЕСС, 1999.
10. Морковкин В.В., Богачева Г.Ф., Луцкая Н.М. Большой универсальный словарь русского языка. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2019. Справочно-информационный портал о русском языке «Грамота». URL: [https:// www.gramota.ru](https://www.gramota.ru).
11. Бабенко Л.Г. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. Справочно-информационный портал о русском языке «Грамота». URL: [https:// www.gramota.ru](https://www.gramota.ru).

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Дата публикации 14.06.2026

УДК 821.161.1

Безруков А.Н. Венедикт Ерофеев об Иосифе Бродском

Безруков Андрей Николаевич

кандидат филол. наук, доцент кафедры филологии, Уфимский университет науки и технологий, Бирский филиал, РФ, г. Бирск
in_text@mail.ru

Venedikt Erofeev on Joseph Brodsky

Bezrukov Andrey Nikolaevich

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Philology
Ufa University of Science and Technology, Branch in Birsik, Russian Federation, Birsik

Аннотация. Иосиф Бродский – фигура значимая для мирового литературного процесса, при этом данное имя по-разному воспринимается исследователями. Форматы оценки творчества поэта, безусловно, разнятся: это и монографии, научные статьи, очерки. Многие созданы как продукция научного, концептуального порядка, но есть и более свободные варианты, которые являются экспериментальными версиями прочтения текстов И.А. Бродского. Целью данной статьи является точечный анализ эссе Венедикта Ерофеева «Нобелевский комитет ошибается...» (1987), которое написано в год вручения Иосифу Бродскому Нобелевской премии. На наш взгляд, текст, несомненно, представляет собой компилятивный вариант оценок творчества И.А. Бродского в рамках замещения открытого авторского голоса. Принцип смежности реплик дает возможность Венедикту Ерофееву создать эффект диалога, который достаточно интересен потенциальному читателю. Методы анализа эссе ориентированы на комплексно-рецептивный вектор, ибо оценка текста должна находиться в более свободном режиме коннотаций. Новизна статьи заключается в том, что работ, литературной базой которых является данный текст, нет. Материал может быть интересен и полезен исследователям истории русской литературы, педагогам, студентам, магистрантам, учителям-практикам.

Ключевые слова: Венедикт Ерофеев, Иосиф Бродский, малая проза, эссе, рецептивная критика, автор, синкретизм, жанр, читатель.

Abstract. Joseph Brodsky is a significant figure in the global literary scene, yet his name is perceived differently by scholars. Formats for evaluating the poet's work certainly vary, including monographs, scholarly articles, and essays. Many are created as scholarly products, but there are also more open-ended, experimental versions. The purpose of this article is to analyze Venedikt Erofeev's essay «The Nobel Committee is Wrong...» (1987), written the year Joseph Brodsky was awarded the Nobel Prize. The text is a compilation of assessments of I.A. Brodsky's work within the framework of substituting the author's explicit voice. The principle of contiguity of remarks allows Venedikt Erofeev to create a dialogue that is quite engaging for the reader. The methods of essay analysis are focused on a complex and receptive nature. The novelty of this article lies in the fact that no works have

been written that use this text as a literary basis. This material may be of interest to researchers of the history of Russian literature, educators, and practicing teachers.

Keywords: Venedikt Erofeev, Joseph Brodsky, short fiction, essay, receptive criticism, author, syncretism, genre, reader.

Имя Иосифа Бродского для мировой литературы является знаковым, причем в рамках общественного признания – он Нобелевский лауреат. В 1987 году ему была присуждена эта премия за всеобъемлющую литературную деятельность, отличающуюся ясностью мысли и поэтической интенсивностью. Стоит заметить, что оценка творчества И.А. Бродского на данный момент неоднозначна [1], таковой она была и ранее [2]. В декабре 1987 года Венедикт Ерофеев написал эссе для издательства «Серебряный век», которое имеет весьма интересный вид, ибо оно построено, как компиляция суждений якобы «знакомых» Венедикта Ерофеева о поэзии Иосифа Бродского. Однако тип синкретизма можно подвергнуть некоему анализу, так как в тексте «Нобелевский комитет ошибается...» заметны приметы стиля самого Вен. Ерофеева, он часто допускал прием создания легенды и о себе, и о других. Целью данной работы является оценка позиционных взглядов о поэзии Иосифа Бродского претворенная художественным слогом Вен. Ерофеева. Методы исследования универсальны, это общий критический срез, а также точечная рецепция языка эссе, который позволяет показать определенную разницу между позициями, но и отчасти совместить сказанное в некоторое стилистическое единство.

Для Венедикта Ерофеева в его литературном, а также публицистическом творчестве был важен так называемый формальный или жанровый эксперимент [11]. Не исключается в данном случае «Антология поэтов общежития РЕМСТРОЙТРЕСТА» (1957), «Благая весть» (1962), поэма «Москва – Петушки» (1969), «Моя маленькая лениниана» (1988). Указанный ряд текстов есть возможность преодолеть фронт формального и содержательного, показать читателю синкретический характер литературы, совместить, на первый взгляд, несхожие друг с другом эстетические вариации. Таковым является и текст «Нобелевский комитет ошибается...» (Об Иосифе Бродском) (1987). На наш взгляд, диалог с самим собой как форма у Вен. Ерофеева есть путь самопознания, ибо писатель замещает собственную роль, он, как бы примеряет на себя разные человеческие типы, разные характеры, даже профессиональные роли: «я, собственно, о Бродском писать не буду, это излишнее. Любопытнее знать, как обмолвилась о нем знакомая мне столичная публика, от физика-атомщика до церковного сторожа» [15, с. 60].

Лаконичность – свойство стиля Венедикта Ерофеева, при этом в ту или иную его фразу он вмещает объем мировой истории, а также культуры, философии, отчасти

науки. Генерирование смысла происходит по факту, и в момент рождения текста, и после, когда уже читатель начинает процесс дешифровки произведения. Эссе имеет каталогизированный вид, для Вен. Ерофеева это было свойственно. Он философские работы, литературные тексты, музыкальные произведения всегда укладывал в определенную систему, которая имела четко-упорядоченный характер. Строгость формы есть еще одна черта авторской манеры, на наш взгляд, это организует автора, дает возможность правильно вести читателя к задуманному итогу.

Имена «знакомых» Вен. Ерофеева не называются, дается лишь аббревиация, например, «Л., корректор издательства «Прогресс», «Р., преподавательница 1-го медицинского института», «В.Т., поэт», «А., физик, доктор наук», «Н.С., искусствовед», «В.М., переводчик», «М., крайне левая православная». Загадкой для исследователей становится вероятный «подбор» кто же это может быть. Однако, вымысел в эссе превалирует, ибо важна не сама фигура того или иного комментатора, а его суждение об Иосифе Бродском [3]. Заметим, что реплики разнятся существенно, вероятный контраст и передает спектр оценок. Вен. Ерофеев в финальном блоке текста тезирует, что «все изложенные выше мнения о поэте мной самим предельно сокращены и доведены до степени литературной внятности» [15, с. 61].

Обратимся к точечной оценке отзывов, которые весьма удачно собраны в единый текст, читаемый при этом не как разрозненные версии, а как единое общее восприятие поэтического мастерства И.А. Бродского. Объективное начало для эссе подкреплено фактическими [7] данными, серьезных разночтений в принципе нет, для Венедикта Ерофеева важен и момент достоверности, хотя т.н. легенда о И. Бродском создается весьма последовательно и удачно. Миф в литературной среде традиционно поддерживает интерес к фигуре [4], это было в античности, в средние века, в XIX и XX веке. Задача Вен. Ерофеева все же, на наш взгляд, консолидировать уровни эмоциональной обеспокоенности, предать чувственный тон оценок всей «нобелевской ситуации», но и варианта адаптивного анализа судьбы поэта [5]. Например, «вначале, в бытность питерским тунеядцем, он был интереснее во сто крат» [15, с. 60], или «в Стокгольме поступают по принципу: все хорошо, что плохо для русских» [15, с. 60]. Насколько актуально звучат реплики, собранные Вен. Ерофеевым [6] для настоящего времени, они полностью дают оценку ситуации наших дней. Порой, хочется сопоставить, сравнить [8] тексты А.С. Пушкина – пророческие, детальные – с высказываниями Венедикта Ерофеева [9]. Мир, который всегда находился и был в режиме раскола, никак не может поменять свою магистраль развития. Запад наступательным движением дискредитирует Восток, т.н. «старый

мир» не хочет признавать успехи и силу других. Политический формат размышлений в связи с И. Бродским [10] для Вен. Ерофеева также важен, в принципе, он явно необходим ввиду Нобелевского комитета в частности.

Суждение «А., физика, доктора наук», а это тоже апелляция к авторитету, весьма интересно: «Для него [Бродского] все посторонне, и он для всех посторонен» [15, с. 60]. Литературная норма нарушена [11] в данном случае неслучайно, не совмещение дает возможность допустить нереальный тип оценки. Нарушение в речи «доктора наук» говорит об умолчании прямой оценки, отрывого, объективного взгляда на фигуру Иосифа Бродского. Смещение стилей выражено акцентом, «не специалист» судит о личности предельно, абстрактно, отвлеченно. Далее подобный вектор рецепции складывается в странно-непонятный вид у «Н.С., искусствоведа»: «Дело даже не в том, что он белоэмигрант. Но в нем есть какая-то несущественность. При всех своих достоинствах он лишен чего-то такого, чего-то такого, что делает его начисто лишенным вот того самого, чего он начисто лишен» [15, с. 60-61]. Сумбур, повтор фраз, явная нестыковка слов и предложений не дают полновесной и правильной корреляции значения фигуры И.А. Бродского для мирового пространства [12]. «Чего-то такого», «чего-то такого», «начисто лишен»: языковые формулы, причем не профессиональные, определенно мешают четко сформулировать мысль говорящего, достичь коррективы умелой аргументации деятельности поэта.

Венедикт Ерофеев вводит в эссе также и суждение «крайне левой православной», которая размышляя, произносит: «миновали уже те времена, когда нам были страшны подвохи со стороны Нобелевского комитета» [15, с. 61]. Провокации, безусловно, так или иначе, остаются и будут, это апелляция к совести, причем, которая так и не проснется. Ирония распространяется в следующем комментарии [В.Л., литератор], который созвучен «крайне левой православной». Читаем: «Отлично писать, как это делает И. Бродский, – некрасиво и греховно» [15, с. 61]. Грех в данном случае признание авторитета и самобытности, индивидуальность настолько тревожит, что быть «иным» – это позор. Фактические оценки сводятся к тому, что поэта – Нобелевского лауреата – просто низводят сверху, признания как такового нет, нет и спектрального разбора его лирики. Наличные тексты И.А. Бродского никому в этом случае не интересны, их смысл и не понят, и не принят. Абсурд доводится в эссе репликой «С., биолога»: «Теперь я верю тем историкам, которые утверждают, что Парижская коммуна была еврейской махинацией» [15, с. 61]. Основной акцент / итог [13] в данном случае подводится под абсолютно не значимые суждения: «Продолжать не буду, чтобы вконец не утомить. А

панегирические суждения не привожу за их избыточную восклицательность и единообразие...» [15, с. 61]. Языковая [14] палитра И. Бродского, его манера, стиль во внимание «данного обсуждения» никак не ставятся, для «высказывающихся» важно показать собственно свою значимость, которая абсолютно нейтральна и не интересна, она весьма примитивна и контрастна фигуре лауреата Нобелевской премии по литературе.

Сам автор эссе серьезное высказывание манифестирует в финале текста, это определенно значимая оценка и писателя, и гражданина, и мыслителя: «как бы ни было, грамотному русскому человеку – это я знаю определенно – было б холоднее и пустыннее на свете, если б поэзия Иосифа Бродского по какой-нибудь причине не существовала» [15, с. 61]. Фактический гуманитарный итог все же выводится Венедиктом Ерофеевым, в знак признательности к творчеству Бродского, и это, несомненно, значимо и весомо.

Для русской поэзии, для мировой литературы имя И.А. Бродского уже стало символом – свободы, независимости, яркого творчества. Тексты Бродского активно цитируются, комментируются, анализируются. Делая вывод, можно констатировать, что поэзия данного автора сложна и по большому счету является искусством, в чистом виде этого слова. Поэтическая органика стихов И.А. Бродского это не только тонкий ритмический строй, не только особая форма, или содержание, это еще и обобщение мировой истории. Не ослабевает интерес к поэту и сейчас, так как пророческая позиция манифестирована весьма конкретно и точно. Читая Иосифа Бродского, все более погружаемся в том прекрасно образцовый мир, который облагораживает наши души, а сознание делает ясным и точным. Нелинейность его стихов предопределяет фактический поиск новых решений, уже ставших классическими задач. Не мыслима, на наш взгляд, уже русская поэтическая мысль без таких ярких строк И.А. Бродского:

«Я входил вместо дикого зверя в клетку,
выжигал свой срок и кликуху гвоздем в бараке,
жил у моря, играл в рулетку,
обедал черт знает с кем во фраке.
С высоты ледника я озираю полмира,
трижды тонул, дважды бывал распорот.
Бросил страну, что меня вскормила.
Из забывших меня можно составить город» [16, с. 373].

Список литературы

1. Аксенова А.А., Синегубова К.В. Рецепция поэзии Иосифа Бродского в отечественной сетевой литературе: проблема адресата // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2025. – № 9(202). – С. 182-189.
2. Иосиф Бродский как эпоха / О.В. Богданова, И.В. Романова, А. Аллева [и др.]. – Санкт-Петербург : Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, 2023. – 688 с.
3. Гордиенко Т.В. Нобелиана И.А. Бродского // Русская словесность. – 2008. – № 1. – С. 30-36.
4. Полухина В.П. Иосиф Бродский глазами современников. – Изд. 2-е. – Санкт-Петербург : Изд-во журн. «Звезда», 2006. – 21 с.
5. Ранчин А.М. Авторская метафора и идиостиль: случай Бродского // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. – 2022. – № 1. – С. 307-314. – DOI 10.31912/pvrl-2022.1.32.
6. Безруков А.Н. Венедикт Ерофеев: между метафизикой и литературной правкой. – Санкт-Петербург : Гиперион, 2018. – 226 с.
7. Лосев Л. Туняец Иосиф Бродский // Родина. – 2006. – № 9. – С. 82-86.
8. Ступина Е.С. Риторические коды перифразы в поэзии И.А. Бродского // Вестник Костромского государственного университета. – 2024. – Т. 30, № 2. – С. 171-175. – DOI 10.34216/1998-0817-2024-30-2-171-175.
9. Безруков А.Н. Принципы античной драмы в условиях постмодернистской поэтики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 4-3(58). – С. 20-22.
10. Зубова Л.В. Цветаева в прозе и поэзии Бродского («Новогоднее» Цветаевой, «Об одном стихотворении» и «Представление» Бродского) // Поэтический язык Иосифа Бродского : Статьи. – Санкт-Петербург : Издательство «Лема», 2015. – С. 90-117.
11. Безруков А.Н. Поэтика парадокса в системе литературных экспериментов Игоря Губермана // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. – 2020. – № 2. – С. 15-21.
12. Бугакова Н.Б., Новикова М.В. Образ языка в творчестве Иосифа Бродского: к 85-летию поэта // Русистика без границ. – 2025. – Т. 9, № 2. – С. 17-22.
13. Безруков А.Н. Элементы восточной поэтики как регулятивный инструментальный современный литературного процесса // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2020. – № 1. – С. 138-145. – DOI 10.18522/1995-0640-2020-1-138-145.
14. Романова И.В. О некоторых особенностях поэтического синтаксиса И. Бродского // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2006. – № 11(61). – С. 81-87.

Список источников

15. Ерофеев В. Малая проза. – М.: Захаров, 2005. – 96 с.
16. Бродский И. Часть речи: Избранные стихи 1962-1989 / Сост. Э. Безносов; Худож. А. Еремин. – М.: Художественная литература, 1990. – 527 с.

Дата публикации 16.06.2026

УДК 821.161.1

Безруков А.Н. Забытые имена русской литературы: Юрий Казаков

Безруков Андрей Николаевич

кандидат филол. наук, доцент кафедры филологии, Уфимский университет науки и технологий, Бирский филиал, РФ, г. Бирск
in_text@mail.ru

Forgotten Names of Russian Literature: Yuri Kazakov

Bezrukov Andrey Nikolaevich

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Philology
Ufa University of Science and Technology, Branch in Birsik, Russian Federation, Birsik

Аннотация. Русская литература зачастую попадает в некий капкан очевидных провалов. Художники слова в читательской орбите оказываются забытыми: это можно соотнести, например, с такими именами как Г. Успенский, С. Надсон, А. Писемский, А. Фадеев и т.д. Не стал исключением и Юрий Казаков – автор знаковый для прозы XX века. Его произведения часто сопоставляли с литературным наследием Антона Чехова, Ивана Бунина, Михаила Пришвина, Константина Паустовского. В принципе это очевидно, но не стоит буквально считать, что Ю. Казаков копирует манеру указанных авторов, он вступает с ними в определенный художественный диалог. Преемственность для литературы есть важное и необходимое условие, разве не подражал античной классике А.С. Пушкин, Г.Р. Державин, И.А. Крылов, Л.Н. Толстой, Н.С. Лесков. Общий градиент был и остается в рамках эстетической системы, так и должно быть. Для Юрия Казакова, на наш взгляд, было важным не только повторить уже произнесенное ранее, но связать это с реалиями, которые с тали характерными для эпохи XX века. Трагические переломы, сложные испытания, преодоление тяжелых барьеров истории – вот то, что нужно было не описать, но эмоционально нивелировать с атмосферой спокойствия. Вероятно, и уходит он от фактической правды в мир изящный, природный, живой, эстетически правильный. Цель работы заключается в объективации важности текстов Юрия Казакова для современного читателя. Методы исследования ориентированы на рецептивный вектор. Аналитика статьи заключается в предметной оценке фактических текстов Ю. Казакова. Думается, что материал может быть полезен для дальнейшего изучения истории русской литературы XX века, а также прозы Юрия Казакова.

Ключевые слова: Юрий Казаков, малая проза, рассказ, автор, реализм, традиция, читатель, философия, дискурс, пейзаж.

Abstract. Russian literature often falls into a trap of obvious failures. Artists of the word are forgotten in the reader's orbit: this can be attributed, for example, to such names as G. Uspensky, S. Nadson, A. Pisemsky, A. Fadeyev, and others. Yuri Kazakov, a landmark author in 20th-century prose, is no exception. His works have often been compared to the literary legacy of Anton Chekhov, Ivan Bunin, Mikhail Prishvin, and Konstantin Paustovsky. This is obvious, but one should not assume that Yuri Kazakov is literally copying the style of these authors; he is engaging in a kind of artistic dialogue with them. Continuity is an important and necessary condition for literature. Didn't A.S. Pushkin, G.R. Derzhavin, I.A.

Krylov, L.N. Tolstoy, and N.S. Leskov all imitate the classical literature of antiquity? The general gradient was and remains within the framework of an aesthetic system, and this is as it should be. For Yuri Kazakov, in our view, it was important not only to repeat what had already been said previously, but to connect it with the realities that had become characteristic of the 20th century. Tragic turning points, difficult trials, overcoming difficult historical barriers—these were what needed not to be described, but rather emotionally balanced with an atmosphere of calm. Perhaps he departs from factual truth into a world that is graceful, natural, vibrant, and aesthetically correct. The purpose of this work is to objectify the importance of Yuri Kazakov's texts for the modern reader. The research methods are focused on the receptive vector. The article's analysis consists of a substantive assessment of Yuri Kazakov's actual texts. We believe that the material may be useful for further study of the history of 20th-century Russian literature, as well as Yuri Kazakov's prose.

Keywords: Yuri Kazakov, short fiction, story, author, realism, tradition, reader, philosophy, discourse, landscape.

В истории литературы, зачастую, возникает ситуация, когда имя того или иного писателя, поэта забывается. Причем читатель знает о существовании этой фигуры в прошлом, но внимания к текстам практически нет. Это было характерно и для XIX, и для XX веков. Одним из забытых, на наш взгляд, имен является Юрий Казаков – талантливый прозаик, умелый стилист, автор достаточно объемной кладези текстов. Фактическое наследие Юрия Казакова было не так давно опубликовано в издательстве «Русский Мир» [11, 12] в трёх томах. Думается, что это явно неплохо для вероятной популяризации его текстов. Заметим сразу, что особенность произведений данного автора заключается в открыто доверительном диалоге с читателем, живой мир воссоздается Ю. Казаковым как некое чудо, которое явно нужно сохранить для последующих поколений. Следовательно, цель данной статьи и заключается в объективации значимости творческого наследия Ю.П. Казакова, а также векторной оценке ряда текстов обозначенного автора. Методологическая база исследования погранично находится в пределах рецептивной критики, а также герменевтики. На наш взгляд, удобным является именно вариант синкретического толка.

В т.н. вступительной части первого тома собрания сочинений Юрия Казакова Лев Анненский дает оценку стиля писателя, при этом отмечает, что «музыкальность, организующая его текст из глубины и в сущности обеспечивающая этому тексту волшебное воздействие на читателя, нигде не продемонстрирована явно, нигде не звучит как специальный эффект. Эффектов вообще нет. Есть ощущение загадочной простоты: простоты слова, мысли, пейзажа, детали. Ощущение смелости, но не подчеркнутой, а отрешенной...» [11, с. 7]. Некая тонкость авторского голоса, некая непринужденность и отличает, на наш взгляд, манеру Юрия Казакова. Для прозаика важен эффект доверительной беседы с читателем, а не назидательное воздействие.

Проза Юрия Казакова стала для русской литературы неким преемственным звеном, не случайно его стиль сопоставляли, сравнивали и с А.П. Чеховым, и с И.А. Буниным, М. Пришвиным [1], К. Паустовским. Этот ценз сопоставлений не должен смущать, определенные диалоги с классиками должны быть, вектор преемственности никто не отменял. Если у Ю.П. Казакова поучилось совместить художественный взгляд [2] и манеру с указанными фигурами – это заслуга, а не повод для разочарований. Вновь обратим внимание на оценку языка Ю. Казакова Л. Анненским, «специального эффекта» нет, он не требуется, оценка реалий жизни, мира, человека пережита самим автором, далее же он ее воплощает в художественном формате.

Художественный мир Юрия Казакова отличается глубиной откровенных изображений [3]: писатель стремится воссоздать реалии настоящего настолько пронзительно и точно, что это, вероятно, и есть сверхзадача мастера письма. Например, весьма необычно описание «событий» представлено в рассказе «Манька»: «Дует в лицо ей ровный морской ветер, несет удивительно крепкий запах водорослей, от которого сладко ломит в груди. По берегам темных речушек, заваленных буреломом, журчащих и желто пенящихся, зацветают к августу пышные алые цветы. Рвет тогда их Манька, навязывает из них тяжелые букеты. Или, отдыхая в тени серых, изуродованных северными зимними ветрами елок, украшает себя ромашками, можжевельником с темно-сизыми ягодами, воображает себя невестой...» [11, с. 81]. Как видим, лексический состав данного фрагмента ступенчат, последователен и планомерен, автор формирует картину художественного бытия в рамках определенных условий [4], но, не так отдаляясь от реалий жизни.

Малая форма Юрия Казакова, пожалуй, и есть жанр, который удобен для претворения замысла, направленного на точечное изображение природы, жизни, естественного хода. В литературе XIX века подобные эксперименты были у И.С. Тургенева, А.П. Чехова. В XX века преемственный тон закрепляется за И. Буниным, М. Пришвиным, К. Паустовским. Юрий Казаков, думается, ориентируется на классику как векторный образец, указанные авторы были мастерами точечной огранки бытия, у него же реальность, пожалуй, и динамична, и объективна, и натуралистична. Для читателя важно ощутить момент сращения реального кадра с условно-зримым изображением [5], в этом и заключается сила искусства слова. Тонкость описаний диалогом у Ю. Казакова выстраивается с ориентиром на М.М. Пришвина, который тоже был мастер сложности картин. Например, в рассказе «Явзора» читаем: «В малиновом свете зари кукушка неустанно отбивает часы: солнце садится. Я, человек заутренний, всегда потухаю, когда солнце садится, и тогда склонен бываю свое

собственное передвижение понимать переменной в среде. Ничтожный паучок, точно так же, как и я, имеющий свою цель путешествия по Пинеге, приводит меня к подозрению, что и я тоже еду не сам по себе, что светозарная великая Явзора глядит на меня сверху точно так же, как я гляжу на паука: не на меня самого, единственного и неповторяемого в своей личности существа, а как на представителя паутинных работников» [14, с. 688-689]. Не подражает Ю. Казаков своим предшественникам, но старается уровень мастерства [6] подхватить и перенести далее.

Литературная судьба Ю. Казакова довольно печальна, от союзной славы к финалу жизни он остался забытым, тексты писались в стол, публикаций весомых не было. Настолько тяготела его такая участь, думает, все же да. Уже в 2000-е издается собрание сочинений, правда, это лишь некое напоминающее об имени. На наш взгляд, тексты Ю. Казакова созданные с акцентом на изображение правды жизни в настоящее время являются доступными для чтения, ибо в них нет сложности трактовки, сложности понимания. Читатель может воссоздать нужный образ, который автором запечатлен достаточно отчетливо и красиво. Природа, естество цвета и красок, координаты пространств, образы, люди – вот то, что умело, было реализовано писателем. Дискурсивный план событий также очень конкретен, хронология выстраивается в его текстах по линейной парадигме. Для новейшей литературы это уже архаика, но сопоставить иное с модернистским вектором, и есть проекция развития. У Константина Паустовского есть рассказ «Первые листья», в котором описание природы дается в точечно фактурном режиме, что, порой и пытался достичь Юрий Казаков: «Пыль летела косматыми языками, припадая к земле. Тончайшая эта пыль была похожа на пудру. Она забивала даже под стекла часов. Мгла клубилась над степью, и в этой мгле мчались, подскакивая и вертись, сухие кусты перекасти-поля. Стоял ранний май, но в это трудно было поверить. Желтели вдалеке обрывы пересохших балок, побурела от пыли полынь, и самое небо было покрыто свинцовым налетом» [13, с. 210]. Уверенный тон при описании природы, пожалуй, и отличает стиль, манеру Ю. Казакова от других авторов. Внимание к его текстам, на наш взгляд, все же должно быть возвращено. Не так что можно встретить умелый визуальный стиль, который характерно дает представление о живой природе, да и в целом мире. Продолжая традиции классиков, Ю. Казаков закреплен в процессуальном единстве художников. Его имя для настоящего забыто, но оно концептуально [7] для генерации новых [8] идей реалистического толка.

В итоге стоит отметить, что художественное наследие Ю. Казакова философично, в его текстах достаточно много правильных и верных мыслей [9],

много описаний, которые дают возможность оценивать мир ярко и красочно. Юрий Казаков, как уже было отмечено, понятен, не сложен, но и должный диалог с читателем выстраивается в верном, конструктивно правильном ключе. Поводом для обращения к прозе данного автора может стать непоколебимая грусть [10] о том, как же символически устроен мир, насколько он тонок, но и глубок. Писатели настоящего времени все более обращаются к той или иной конкретной ситуации – это и Дина Рубина, Захар Прилепин, Гузель Яхина, Дмитрий Липскеров, Сергей Шаргунов, Евгений Водолазкин. Но их тексты имеют открыто другой масштаб, указанные прозаики более ориентированы на верификацию жизненных реалий, объективацию каких-то сложных концептов и понятий, хотя они и работают в рамках реализма / постреализма. Для Юрия Казакова цель письма, вероятно, была сведена к иной задаче, и это его отличает: не создается писателем серьезной информативный фон, но дается картинка жизненной и неизменной красивой правды. Читая тексты данного автора, возвращаемся в тот красивый пространственно-временной континуум, который так важен и необходим современному человеку.

Список литературы

1. Зыкова Г.В., Лю Ю. Цвет в произведениях М. М. Пришвина и Ю. П. Казакова о севере: «За волшебным колобком» и «Северный дневник» // *Litera*. – 2025. – № 6. – С. 1-11. – DOI 10.25136/2409-8698.2025.6.74488.
2. Безруков А.Н. Венедикт Ерофеев: между метафизикой и литературной правкой. – СПб.: Гиперион, 2018. – 226 с.
3. Балакин А.Ю. Реальность и литература в рассказе Юрия Казакова «Нестор и Кир» // *Новый мир*. – 2021. – № 7. – С. 10.
4. Безруков А.Н. Поэтика парадокса в системе литературных экспериментов Игоря Губермана // *Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета*. – 2020. – № 2. – С. 15-21.
5. Калинина Л.В. Лексика восприятия, мышления и эмоций как средство художественной реконструкции субъективного опыта животного (на примере рассказа Юрия Казакова «Тедди») // *Семантика. Функционирование. Текст : межвузовский сборник научных трудов*. – Киров : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «Радуга-ПРЕСС», 2025. – С. 202-215.
6. Безруков А.Н. Принципы античной драмы в условиях постмодернистской поэтики // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – 2016. – № 4-3(58). – С. 20-22.
7. Клименко А.В. Когнитивный сценарий «спасение» в архитектонике концептосферы рассказа Юрия Казакова «Тихое утро» // *Академическая публицистика*. – 2025. – № 12-1. – С. 193-196.
8. Безруков А.Н. Элементы восточной поэтики как регулятивный инструментальный современный литературного процесса // *Известия Южного федерального университета. Филологические науки*. – 2020. – № 1. – С. 138-145. – DOI 10.18522/1995-0640-2020-1-138-145.

9. Боровская А.А., Егорова О.Г., Спесивцева Л.В. Неклассические принципы сюжетосложения в лирических рассказах Ю. Казакова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2022. – № 1(856). – С. 150-158. – DOI 10.52070/2542-2197_2022_1_856_150.
10. Калус И.В. Поэтика имён в рассказах Ю.П. Казакова о любви // Восточнославянская филология. Литературоведение. – 2024. – № 17(41). – С. 12-19.

Список источников

11. Казаков Ю.П. Странник. [Собрание сочинений в трех томах. Том первый] : [рассказы]. – М.: Русский мир, 2008. – 384 с.
12. Казаков Ю.П. Вечерний звон. [Собрание сочинений в трех томах. Том третий] : [повести, рассказы, путевые, дневниковые, литературные заметки, письма]. – М.: Русский мир, 2011. – 640 с.
13. Паустовский К.Г. Родина. Рассказы, очерки и публицистика. – М.: Современник, 1972. – 239 с.
14. Пришвин М.М. Собрание сочинений: В 8-ми т. Т.4. Произведения 1932-1944 годов. – М.: Художественная литература, 1982. – 734 с.

Дата публикации 22.06.2026

УДК 82.0

Безруков А.Н. Рецепция сказки Максима Горького «Девушка и Смерть»

Безруков Андрей Николаевич

кандидат филол. наук, доцент кафедры филологии, Уфимский университет науки и технологий, Бирский филиал, РФ, г. Бирск
in_text@mail.ru

The reception of Maxim Gorky's fairy tale «The Girl and Death»

Bezrukov Andrey Nikolaevich

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Philology
Ufa University of Science and Technology, Branch in Birsik, Russian Federation, Birsik

Аннотация. Максим Горький – талантливый писатель конца XIX – первой трети XX века. Его произведения по-настоящему дополняют сокровищницу русского литературного языка, его сюжеты не оставляют в покое и современного читателя. Причем это распространяется как на романские формы, так и повести, сказки, стихи. Знаков Максим Горький для ретрансляции революционных идей, сложен и системен при детализации собственной роли в становлении социалистического реализма. Изучение наследия этого автора на данный момент нетривиально, не политизировано, не так формально. Читая М. Горького, погружаемся в образцовую поэтику, правильный номинативный стандарт естественных языковых формул. Автор стремился довести до совершенства и формальный уровень текста, и содержательный. «Макар Чудра», «На дне», «Дети Солнца», «Мать», «Жизнь Клима Самгина» и другие произведения являются итогом качественной литературной работы М. Горького. Цель статьи сводится к рецепции в рамках новых реалий сказки «Девушка и Смерть» (1892). На наш взгляд, общий философский контекст и подтекст есть индивидуальная мировоззренческая позиция М. Горького, которая и манифестирована в указанном произведении. Традиции романтизма в сказке позволяют автору традиционную формулу, что «смерть побеждает в большинстве случаев», трансформировать, векторно повернуть этот тезис в иное эстетическое русло. Любовь и смерть у Максима Горького «ходят неразлучно», это и есть генерирование жизни, создание не видимой проекции, но настоящего, даже живого. Атеизм М. Горького здесь не столь активен, вероятно, что нарастать он будет уже в более зрелом творчестве. Принципы анализа текста совмещены с аналитикой рецептивного порядка, эмпирическая составляющая дает возможность актуализировать сказку «Девушка и Смерть» М. Горького для современного читателя. Материал можно использовать в школьной и вузовской практике, при чтении курсов «История русской литературы», либо «Творчество Максима Горького».

Ключевые слова: Максим Горький, «Девушка и Смерть», сказка, романтические принципы, рецепция, форма, автор, читатель.

Abstract. Maxim Gorky was a talented writer of the late 19th and first third of the 20th centuries. His works truly enrich the treasury of Russian literary language, and his plots captivate even the modern reader. This extends to novels, short stories, fairy tales, and poems alike. Maxim Gorky used signs to convey revolutionary ideas, and he was complex

and systematic in detailing his own role in the development of socialist realism. Studying this author's legacy today is challenging, non-politicized, and less formal. Reading Gorky, we immerse ourselves in exemplary poetics and the correct nominative standard of natural linguistic formulas. The author strove to perfect both the formal and substantive levels of the text. «Makar Chudra», «At the Lower Depths», «Children of the Sun», «Mother», «The Life of Klim Samgin» and other works exemplify Gorky's high-quality literary output. The purpose of this article is to examine the reception of the fairy tale «The Girl and Death» (1892) within the context of modern realities. In our view, the overall philosophical context and subtext constitute Gorky's individual worldview, which is manifested in this work. The Romantic traditions of the fairy tale allow the author to transform and redirect the traditional formula that «death wins in most cases». For Maxim Gorky, love and death «go hand in hand» – they generate life, creating not a visible projection but something real, even living. Gorky's atheism is not as prominent here; it will likely develop in his more mature work. The principles of textual analysis are combined with receptive analytics; the empirical component makes it possible to update Gorky's fairy tale «The Girl and Death» for the modern reader. The material can be used in school and university practice, when teaching courses on «History of Russian Literature» or «The Works of Maxim Gorky».

Keywords: Maxim Gorky, «The Girl and Death», fairy tale, romantic principles, reception, form, author, reader.

Сказку, а именно, так обозначен жанр, «Девушка и Смерть» М. Горький написал «в 1892 году, не позднее 21 сентября в Тифлисе» [11, с. 512]. Текст, как понимаем, соотносится с ранним творческим этапом писателя, который пока только вырабатывает свой слог, свой стиль, формирует некую манеру выражения мыслей, что в последующем и будет активно привлекать внимание как отечественных, так и зарубежных читателей. В комментариях обозначено, что «в 1893 году Горький пытался опубликовать сказку в газете «Волжский вестник», но ее издатель Н.В. Рейпгардт отверг произведение как нецензурное» [11, с. 512]. Только к 1915 или 1916 году сказка была опубликована в книжке «Ералаш». Особой реакции, которую ждал М. Горький, не было, вероятно, что текст был рассмотрен условно, непрофессионально, но и фактически «зрелыми», настоящими литературными приметами сказка и, на наш взгляд, не совсем обладает. Вероятно, для писателя было необходимым осуществить эксперимент авторского порядка, ибо сказка – жанр фольклора, авторских сказок не очень много, да и манеру нарочитой литературной игры читатель сразу же видит. Заметим, что в этом году, вероятно, 110 лет со дня открытой публикации произведения, а 18 июня – еще и 90 лет со дня смерти классика соцреализма. Цель данной работы заключается в рецептивной оценке сказки «Девушка и Смерть», на наш взгляд, она обладает интересными приметами, которые можно соотнести с поэтикой романтизма. Это направление в принципе не так объемно было представлено в конце XIX – начале XX века, но преемственный тон для тех, кто смог поработать в этом русле, был непредвзято развернут. Александр Грин,

Николай Тихонов, Михаил Светлов, Эдуард Багрицкий – вот те имена, чьи произведения созданы с открытым ориентиром на романтизм. Если указанные авторы все же признавали «для себя» фундаментальность романтизма как поэтической доктрины, для Максима Горького это была стихия – свободы, поэтика определенного начала. Заметим, что большая часть написанного М. Горьким при детальной оценке, безусловно, реалистична. Тексты фактически понятны, они имеют приметы настоящего, а не условно желаемого.

Структура сказки «Девушка и Смерть» имеет дробно-композиционный характер (7 глав), это мотивируется особым развитием сюжетной канвы. М. Горький выстраивает событийный пласт в связности с фольклорной традицией, без этого немыслимо было бы реализовать авторский замысел. Лексический состав – поэтический словарь – номинативен: «царь», «девушка», «юноша», «страсть», «любовь», «счастье», «иерархия», «запрет» и «свобода», «жизнь», «Смерть» – практически все это и составляет основу народной сказки. Даже А.С. Пушкин [12] как «наше все» был склонен не отступать от принципов организации сказового / сказочного полотна без ориентиров на устное народное творчество.

Стоит отметить, что и в комментариях [11, с. 512-514] к тексту М. Горького, и в критических работах [1, 2, 3] сказка позиционируется как открытый протест автора относительно нарастающей популярности мистических теорий. Действительно, искусство 1870-80-х годов, а далее и 1890-х особым знаком внимания маркировало ряд метафизических [4] категорий как особо важных и ценных для осмысления онтологии бытия, при этом была и тяга к сознательному перевороту в эстетике, что тоже было оправдано. Но Максим Горький как писатель «с самого начала» реалистичной [5] позиции создает, произведение, невероятно контрастирующее с художественными реалиями действительности, и обращается в рамках структуры и поэтического языка к романтическим обертонам.

Философский смысл любви [6] для сказки «Девушка и Смерть» М. Горького необычайно важен. Уже в первой части текста назревает проблема понимания этого вопроса, насколько любовь личностна:

«Я домой, за новой ратью еду,
Я – твой царь, я в горе и обиде,
– Каково мне глупый смех твой видеть?
Кофточку оправа на груди,
Девушка ответила царю:
– Отойди – я с милым говорю!

Батюшка, ты лучше отойди» [11, с. 27].

Никаких серьезных претензий девушка и не выражает, ее страсть не дает возможности отойти в иной вектор разговора с «царем». Игра, игра в любовь превращается в суть её настоящего, без этого, вероятно, она не может жить. Автор выводит после этого диалога хорошую жизненную формулу: «Любишь, так уж тут не до царей...» [11, с. 27]. Правильный и острозлободневный тезис, который очень часто, как правило, становится губительным [7] для человека.

Позиция М. Горького в режиме реального кадра, безусловно, усиливается велением воли «царя»: «бросьте в тюрьму», «а, лучше – удавите». Возможно это и проявление силы, но здесь нет должного человеческого действия. Не насмешка задела царя, а реакция на его слова, некое непослушание «девушки». Трагический конфликт обострен фразой: «Предали девицу в руки Смерти» [11, с. 28]. Понимание автором, что судьба зависит от «одного» мистическим [8] образом разворачивает сюжет. М. Горький вторую часть строит по принципу «не делания», некий минус-прием, который и спасает «девушку»: «В тот день... Смерть была не в духе...» [11, с. 28]. Время года – весна – спасет отчасти «девушку», а здесь и романтический вектор, это природа, и фантастический – гибель по определению должна произойти, но она не происходит.

Противоречия у М. Горького выстраиваются очень точно, и звучат строчки правильно в режиме стихосложения. Импульсы, что «Смерть» реалистична и где-то рядом открыты, например, прописаны они в следующих строчках:

«Занята неблагодарным делом
На земле и грязной и недужной,
Делает она его умело,
– Люди же считают Смерть ненужной.
Ну, конечно, ей обидно это,
Злит ее людское наше стадо,
И, озлясь, сживает Смерть со света
Иногда не тех, кого бы надо» [11, с. 28].

Открытое обращение к «Смерти» для лирического героя, а также и для автора особенно важно. Должный ее «статус» при этом распадается, преодоление «смерти» и есть взросление человеческого духа, хотя сам М. Горький был атеистом. «Смерть» в формате данной сказки, конечно, образ не фольклорный, не буквально вымышленный, здесь есть и ракурс твердо рационального [9] толка: «сживает со света... не тех». Выбора нет, но и финальный предел жизни – это тоже – смерть. Образ

«Смерти» дополнен в этой части фигурой «Сатаны», на наш взгляд, всеобщий страх подкреплён и зафиксирован таким способом.

В третьей части «Смерть», как видим, снисходительна к девушке: разлучив их с любимым по «воле царя», девушка просит отпустить ее для последнего поцелуя. Ф. Петрарка, Данте Алигьери, У. Шекспир, И. Гёте и другие классики мировой литературы не раз касались этого вопроса, разрешение, как помним, было разным. Главное, что возврата к счастью чаще всего просто нет. Получается, крайности не могут создать должного «комфорта», если же происходит возвращение к «идиллической норме», то какой-либо новой сдвиг или случай все непременно усугубит.

В четвертой части сказки М. Горький выстраивает воссоздает весьма интересные интертекстуальные параллели: это сближение с пространством далекого прошлого – Каин как мерило действий, а далее и Галилея, то есть место т.н. предательства Иуды Иисуса. Помним, что далее следует «Смерть», в классическом, религиозном ключе – распятие. Вновь философский, сложный разбор проблемы, который дает возможность автору свой взгляд позиционировать весьма точно:

«Каину с Иудой нет прощенья.

Пусть их тот простит, чья сила может

Побороть навеки силу Смерти.

Тут Братоубийца и Предатель...» [11, с. 30].

Максим Горький, на наш взгляд, как бы усиливает вероятный эстетический эффект: от т.н. несложного фольклорного начала он движется к мировой литературе, к мифологии, причем христианской. Оценка действий от одной части к другой части становится тоже более сложной и продуманной. Концепция автора в режиме романтического замысла подкрепляется, как видим, открытыми ассоциативными рядами: это образы, сюжетные ходы, фактические номинации.

Пятый фрагмент сказки поэтически, музыкально окрашен, хотя ожидание возвращения девушки, которую отпустила «Смерть» настораживает. Риторическое восклицание в принципе возможно, ибо песенный темп, с акцентами на разность проявления смерти в этой части особенно лиричен. М. Горький понимает, что трагедия жизни в том, что неминуем ее исход, который и номинируется как «смерть». Танатология с античного времени до XX и XXI века как проблема всегда беспокоила писателей, художников слова. Открытый разговор на эту тему не получается, да и истины в этой сложной проблеме найти и достичь не возможно.

В предпоследней и последней части и разрешается общий конфликт сказки. Вектор противостояний настолько напряжен, что у автора получается смысловую грань направить в иное, реверсивное русло. Наличный состав чувств, а это «зло», «ненависть», «зависть», «злоба», «недовольство», «печаль», «скорбь», «злорадство» претворены в следующих строчках:

«Спела песню – начинает злиться,
Уж прошло гораздо больше суток,
А – не возвращается девица.
Это плохо. Смерти – не до шуток» [11, с. 31]

Непростая картина художественного исполнения выстраивается М. Горьким, когда «Смерть» обнаруживает «девушку» в объятиях юноши. Настолько красива вся аура этого идеального мира, что сама «Смерть» теряет «дар речи», «гнев», на всю ситуацию как таковую:

«Под глазами голубые тени,
Точно рана – губы влажно алы.
Положив ей голову в колени,
Дремлет парень, как олень усталый.
Смерть глядит, и тихо пламя гнева
Гаснет в ее черепе пустом.
– Ты чего же это, словно Ева,
Спряталась от бога за кустом?» [11, с. 32].

В финале шестой части автор делает вывод, который соразмерен, на наш взгляд, позиции романтического порядка, тезисам поэтики романтизма. Реалии жизни, конечно, противоречивы, но в ней есть пределы, которые нужно учитывать, соблюдать. Максиму Горькому удалось в сказке «Девушка и Смерть» этот итог обрамить, или символически объективировать:

«Смерть молчит задумчиво и строго,
Видит – не прервать ей этой песни!
Краше солнца – нету в мире бога,
Нет огня – огня любви чудесней...» [11, с. 35].

И самым серьезным акцентом сказки М. Горького «Девушка и Смерть», думается, становится итоговый блок, который собирается в восемь строчек. Они отдельно не вынесены автором, т.н. формат мог быть разрушен этим экспериментальным приемом. Ибо перед нами классический текст, который тяготеет к фольклорной традиции, а также поэтике романтизма. Выверенные фразы уже у

молодого М. Горького впечатляют; они по-своему оригинальны, по-своему самобытны, не так тривиальны, и явно не заимствованы. Свой, оригинальный взгляд на проблему жизни как таковой автор выражает следующим образом:

«С той поры Любовь и Смерть, как сестры,
Ходят неразлучно до сего дня,
За Любовью Смерть с косою острой
Тащится повсюду, точно сводня.
Ходит, околдована сестрою,
И везде – на свадьбе и на тризне –
Неустанно, неуклонно строит
Радости Любви и счастье Жизни» [11, с. 35].

Таким образом, сказка Максима Горького «Девушка и Смерть», которая была написана в 1892 году, не теряет актуальности и по настоящее время. В ней раскрывается суть ряда значимых номинаций жизни, при этом это не только «смерть» как исход, но и сам «жизненный ход» как важный предел человеческого бытия. Автору [10] удалось претворить в необычном жанре движение чувств, колебание эмоций, векторный расклад бытия.

Аллюзии, реминисценции, буквальные отсылки и намеки, цитации, введение классического образного ряда – все это органично сложено Максимом Горьким в удачный экспериментальный текст, текст новый для своего времени. Сказка «Девушка и Смерть» является произведением, которое соотносится с ранним творчеством писателя, и все же старание автора вполне очевидно. На наш взгляд, «Девушка и Смерть» может быть неким импульсом при написании текстов в границах современной поэтики, или даже новой эстетики, с использованием иной техники письма. Думается, что «новый» текст – по мотивам классики, сможет поддержать связь времен, связь творческих художественных сознаний.

Список литературы

1. Гачева А.Г. Преодоление Фауста: творчество А.М. Горького в оценке философа, поэта, эстетика А.К. Горского // *Studia Litterarum*. – 2021. – Т. 6, № 4. – С. 314-343. – DOI 10.22455/2500-4247-2021-6-4-314-343.
2. Журавлев И.А. Любовь как источник бессмертия в поэтических произведениях М. Горького (анализ поэмы «Девушка и Смерть» и «Легенды о Марко») // *Энигма*. – 2019. – № 8-1. – С. 44-50.
3. Тимофеева Н.Б., Салищева Я.В. Образ смерти в языческом мировоззрении и сказке Максима Горького «Девушка и Смерть» // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. – 2013. – № 11-2. – С. 133-135.
4. Безруков А.Н. Венедикт Ерофеев: между метафизикой и литературной правкой. – СПб.: Гиперион, 2018. – 226 с.
5. Басинский П.В. Горький. – М.: Молодая гвардия, 2005. – 451 с.

6. Соловьев В.С. Смысл любви: Избранные произведения. – М.: Современник, 1991. – 525 с.
7. Безруков А.Н. Поэтика парадокса в системе литературных экспериментов Игоря Губермана // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. – 2020. – № 2. – С. 15-21.
8. Безруков А.Н. Циркуляция танатологических мотивов в русской классике // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве : сборник научных трудов. Том Выпуск 7 (13). – Тверь : Тверской государственный университет, 2017. – С. 31-36.
9. Семенова С.Г. Русская литература XIX-XX веков: От поэтики к миропониманию. – М.: Академический проект; Парадигма, 2016. – 890 с.
10. Безруков А.Н. Рецепция смысла с позиций взаимодействия автора и читателя // Кормановские чтения : Статьи и материалы Межвузовской научной конференции, Ижевск, 07–08 апреля 2016 года. Том Выпуск 15. – Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2016. – С. 378-383.

Список источников

11. Горький М. Полное собрание сочинений : Художественные произведения в 25-ти томах. – Т.1. Рассказы, очерки, наброски, стихи 1885-1894. – М.: Наука, 1968. – 590 с.
12. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10-ти томах. – Т.4. Поэмы. Сказки. – М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. – 558 с.

УДК 1751

Дата публикации 02.06.2026

Мальсагова А.А. Основные сюжеты нартских сказаний, записанных Чахом Ахриевым

Мальсагова Ася Азраиловна

магистрантка 2 курса филологического факультета
Ингушский государственный университет, г. Магас, Россия

Научный руководитель Матиев Магометбашир Адамович

к.ф.н., профессор кафедры «Ингушская литература и фольклор»
Ингушский государственный университет, г. Магас, Россия

The main plots of the nart tales recorded by Chakh Akhriyev

Malsagova Asya Azrailovna

2nd year undergraduate student at the Faculty of Philology Ingush State University
Magas, Russia

Scientific adviser Matiyev Magometbashir Adamovich

PhD, Professor of the Department of Ingush Literature and Folklore
Ingush State University, Magas, Russia

Аннотация. В статье анализируется сюжетология нартских сказаний, зафиксированных ингушским просветителем и этнографом Чахом Эльмурзиевичем Ахриевым. Рассматриваются основные мотивы, структура и особенности сюжетов, представленных в его записях, в контексте нартского эпоса. Особое внимание уделяется типологии сюжетов, характерным для ингушской традиции темам (военные и охотничьи подвиги, сватовство, богоборческие мотивы, мифологические генеалогии), а также специфике циклизации и образной системы. В работе учитываются современные исследования, посвященные наследию Ч.Э. Ахриева, и дается оценка его вклада в сохранение и научное осмысление ингушского фольклора.

Ключевые слова: фольклор, литература, нартский эпос, сказания, Чах Ахриев, ингуши, нарты, исследователи.

Abstract. The article analyzes the plotology of the Nart tales recorded by the Ingush educator and ethnographer Chakh Elmurzievich Akhriev. The main motifs, structure, and features of the plots presented in his recordings are considered in the context of the Nart epic. Special attention is paid to the typology of plots, themes characteristic of the Ingush tradition (military and hunting feats, matchmaking, god-fighting motifs, and mythological genealogies), as well as the specifics of cyclization and the figurative system. The work takes into account modern research on the legacy of Chakh Akhriev and provides an assessment of his contribution to the preservation and scientific understanding of Ingush folklore.

Keywords: folklore, literature, Nart epic, legends, Chakh Akhriev, Ingush, Narts, researchers.

Чах Эльмурзиевич Ахриев – первый ингушский этнограф и просветитель, который одним из первых записал нартский эпос ингушей. В начале 1870-х годов его этнографические очерки, включая записи нартских сказаний, публиковались в «Сборнике сведений о кавказских горцах» и газете «Терские ведомости».

Цель исследования – провести анализ сюжетной структуры (сюжетологии) нартских сказаний ингушей в записи Чаха Эльмурзиевича Ахриева с целью выявления ключевых мотивов, композиционных особенностей и их места в системе кавказского эпоса.

Для достижения поставленных целей необходимо решить следующие задачи:

- изучить биографию и научную деятельность Ч.Э. Ахриева;
- выявить основные тематические блоки сюжетов: военные подвиги, охотничьи деяния, сватовство, богоборчество, мифологические генеалогии;
- систематизировать персонажей, разделив их на положительных (нарты – защитники) и отрицательных (орхустойцы – антагонисты).

Степень изученности сюжетологии нартских сказаний, записанных Чахом Ахриевым, отражена в ряде научных публикаций, посвященных как личности самого Ч. Ахриева, так и его вкладу в сохранение и исследование ингушского фольклора.

М.С.-Г. Албогачиева в статье для общенационального энциклопедического портала «Знания» рассматривает Ч. Ахриева как ключевую фигуру в истории ингушской культуры, подчеркивая его роль в фиксации и популяризации нартских сюжетов [7, с. 3].

М.Б. Долгиева в своих работах анализирует жизненный путь и творческое наследие Ч. Ахриева, отмечая, что его записи отличаются высокой степенью достоверности и научной ценности, а также служат важным источником для реконструкции этнокультурной истории ингушей [1, с. 36]. В соавторстве с И.А. Тибоевым М.Б. Долгиева исследует просветительскую деятельность Ч. Ахриева в контексте этнокультурных реалий Кавказа, выделяя его вклад в сохранение и развитие национального эпоса [2, с. 60].

Т.С. Измайлова в ряде публикаций акцентирует внимание на значении Ч. Ахриева как родоначальника ингушской русскоязычной литературы, отмечая, что именно благодаря его усилиям нартские сказания стали доступны широкому научному и культурному сообществу [3, с. 22; 4, с. 95].

В работах Х.М. Мартазановой [5] и П.М. Султыговой [6] анализируется место Ч. Ахриева в северокавказском просветительстве, а также его влияние на формирование представлений о национальном характере и духовной культуре ингушей.

Т.С. Измайлова в статье «Родоначальник ингушской русскоязычной литературы Чах Ахриев» пишет, «...одним из самых ярких ингушских публицистов был Чах Эльмурзиевич Ахриев – подлинный новатор, стоявший у истоков зарождающейся ингушской русскоязычной литературы. Из-под его пера вышли многие замечательные научно-публицистические труды, начиная со статьи «Из чеченских сказаний» и кончая фундаментальным трудом «Ингуши». Главный смысл всех трудов Ч. Ахриева сводится к его стремлению приобщить своих земляков к российской культуре и одновременно представить в объективном свете всей стране и миру все своеобразие маленького горского народа» [3, с. 23].

По мнению Ч. Ахриева, в народных преданиях нарт изображаются как добрые и высоконравственные люди, рыцари, защитники слабых. Орхустойцы же представлены как злые, коварные и завистливые. Слово «нарт» стало в ингушском обществе нарицательным именем.

В отличие от некоторых других версий нартского эпоса, в ингушских сказаниях речь идет о двух типах героев – нартах и орхустойцах.

Нарт-орстхойский эпос вайнахов часто структурируют по циклам. Например, выделяют циклы, посвященные главному герою Сеска Солсе, Хамчи Патаразу, междоусобицам нарт-орстхойцев, а также сказания о проныре Боткий Ширтке. Есть цикл, рассказывающий о гибели нартвов.

Использование местных топонимических особенностей. Например, в сказании «Сеска Солса и тазовая кость» упоминается гора Цей-Лоам.

Ч. Ахриев давал подробные пояснения, оставлял многие выражения и фразы на ингушском языке, сопровождая их разъяснениями или буквальными переводами.

Сказания, зафиксированные Чахом Ахриевым:

«Сеска Солса и тазовая кость»;

Сказание «Сеска Солса и тазовая кость» было записано ингушским историком и собирателем древностей Чахом Ахриевым в 1875 году.

Сюжет сказания (по некоторым версиям):

Давным-давно жил человек по имени Солса. Люди жили тогда под землей в больших подвалах, выложенных камнем; эти подвалы в некоторых местах сохранились до сих пор.

Солса был весьма умным и честным человеком; он родился не от обыкновенной женщины, а прямо произошел от бога.

Однажды Солса проезжал по подземелью и ему встретилась на дороге человеческая тазовая кость, такая большая, что Солса на коне проехал сквозь нее.

Потом Солса опечалился, что нарушил покой мертвого человека. Он стал просить бога, чтобы он воскресил этого человека в таком виде, каким он был прежде, и ударил кость плетью.

В это время из кости сделался человек, такой большой, как гора; он был слеп и не мог видеть солнца.

Большой человек громко спросил: «Кто оживил меня?» – «Я, Сеска Солса!» – «Отчего же ты не дал мне зрение?» – спросил большой человек. «Если бы у тебя было зрение, ты бы съел весь свет», – ответил Сеска Солса.

Большой человек спросил: «Что это за свет?» – «Здесь прежде был один лес!» – «Нельзя тебе рассказать», – ответил Сеска Солса. «Скажи мне, кем ты был прежде?» – Вместо ответа большой человек пошарил кругом и, взяв большой камень, растер его между руками и начал есть. «Мы ели это, – сказал большой человек, – и все, что нам попадалось».

Сеска Солса попросил рассказать о том, как они воевали друг с другом. Тогда большой человек вырвал большой чинар, поспешно очистил его и бросил им в Сеска Солсу. Сеска Солса махнул плетью, и большой человек стал опять тазовой костью [8, с. 21];

«Калой Кант» (по сюжету напоминает сказание о Сеска Солсе: народный герой обманут и связан при помощи сестры Сеска Солсы, нартами угнана баранта, но наступает счастливый конец – преследователи и похитители расходятся, а сестра орстойца остается с Калоем и выходит за него замуж);

«Пхармат» (напоминает миф о Прометее: нарт похищает огонь для людей у бога грома и молнии Сиели).

Итак, сюжетология нартских сказаний, записанных Чахом Ахриевым, характеризуется рядом устойчивых мотивов и тем, типичных для эпоса народов Кавказа. В основе большинства сюжетов лежат подвиги героев – как правило, это военные походы, охота, состязания в силе, ловкости, красноречии или пляске. Часто встречается мотив сватовства, а также отмщения за убийство родственников. Важное место занимают богоборческие мотивы и сказания о гибели нартвов, что отражает мифологические и космогонические представления народа.

В ингушских версиях нартского эпоса, зафиксированных Ч. Ахриевым, герои делятся на положительных (нарты – благородные, добрые, высоконравственные) и отрицательных (орхустойцы – злые, коварные). Особенностью ингушских сказаний является двухчастная структура имен героев (отчество + имя), а также наличие

персонажей-советчиков, не относящихся к нартам, но выполняющих важную функцию в сюжете.

Значительное место в сюжетах занимают культы железа и коня: герои часто связаны с кузнечным ремеслом, а конь выступает как верный спутник и даже собеседник героя. В ряде сказаний прослеживаются близнечные мотивы и генеалогические связи с мифологическими существами, что указывает на архаичность и мифологическую глубину эпоса.

Проведенный анализ сюжетологии нартских сказаний, зафиксированных Чахом Ахриевым в начале 1870-х годов, позволяет сделать вывод о том, что его наследие представляет собой не просто сборник фольклорных текстов, а фундаментальный труд, заложивший основы научного изучения ингушской культуры. Записи Ч. Ахриева отличаются высокой степенью достоверности и структурированности, что подтверждается современными исследованиями, рассматривающими его как ключевую фигуру в истории просветительства. Центральной особенностью ингушского нартского эпоса является четкое разделение мира на две противоборствующие силы. Нарты выступают носителями идеалов добра, чести и рыцарства, являясь защитниками социума. В противовес им орхустойцы олицетворяют зло, коварство и зависть. Этот конфликт формирует ядро большинства сюжетов и отражает глубинные архетипы народного сознания. Сказания насыщены космогоническими и этиологическими мотивами. Образ главного героя Сеска Солсы, рожденного от бога, и эпизоды вроде встречи с гигантской тазовой костью свидетельствуют об архаическом пласте верований. Важное место занимают культы природных стихий (громовержец Сиели), ремесел (кузнечное дело) и животных (конь-спутник), что указывает на глубокую связь эпоса с языческим прошлым народа. Сюжеты строятся вокруг классических героических тем: воинские походы, состязания, сватовство и месть за родовую обиду. Наличие четко выраженных циклов (о Солсе, Патаразе, гибели нарт) демонстрирует высокую степень циклизации эпического знания, где каждый герой выполняет свою функцию в общей картине мира.

Чах Ахриев выступил не просто как собиратель фольклора, но и как первый исследователь, заложивший основы научного осмысления нартского эпоса ингушей. Его вклад имеет непреходящее значение для кавказоведения, позволяя реконструировать как поэтику, так и духовный мир ингушского этноса.

Список литературы

1. Долгиева, М. Б. Чах Эльмурзиевич Ахриев: жизненный путь и творческое наследие / М. Б. Долгиева // Современная научная мысль. – 2019. – № 6. – С. 36-41.
2. Долгиева, М. Б. Славные представители рода Ахриевых / М. Б. Долгиева, И. А. Тибоев // «Просветительство в этнокультурных реалиях Кавказа»: Международная научно-практической конференция, посвященная 170-летию ингушского ученого и просветителя Ч. Э. Ахриева, Магас, 24 ноября 2020 года. – Магас: ООО «КЕП», 2021. – С. 60-66.
3. Измайлова, Т. С. Родоначальник ингушской русскоязычной литературы Чах Ахриев / Т.С. Измайлова // Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева. – 2018. – № 1. – С. 22-31.
4. Измайлова, Т. С. Родоначальник ингушской русскоязычной литературы Чах Ахриев / Т.С. Измайлова // Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева. – 2019. – № 1. – С. 95-104.
5. Мартазанова, Х. М. Северокавказское просветительство. Ч.Э. Ахриев / Х. М. Мартазанова // Известия Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Ахриева. – 2013. – № 1. – С. 88-97.
6. Султыгова, П. М. Чах Эльмурзиевич Ахриев / П. М. Султыгова // Матрица научного познания. – 2024. – № 8-2. – С. 18-21.

Список источников

7. Албогачиева, М. С. Г. Ахриев Чах Эльмурзиевич / М. С. Г. Албогачиева // Общенациональный интерактивный энциклопедический портал «Знания». – 2022. – № 11.
8. Ахриев, Ч. Избр. / сост. А. Мальсагов. – Назрань, 2000. – 313 с.
9. Ахриев, Ч. Э. Похороны и поминки у горцев: Ингуши: Сборник статей и очерков по истории и культуре ингушского народа / А. Х. Танкиев. – Саратов, 1966. – 590 с.

Дата публикации 02.06.2026

УДК 821.116

**Дугиева Х.И. Литературные реминисценции в рассказе В.О. Пелевина
«Бубен Верхнего мира»**

Дугиева Хабти Исламовна

магистрант 2 курса филологического факультета
Ингушский государственный университет, г. Магас, Россия

Научный руководитель Хаджиева Айна Ахметовна

к.ф.н., доцент кафедры «Русская и зарубежная литература»
Ингушский государственный университет, г. Магас, Россия

Literary Reminiscences in V.O. Pelevin's Story "The Top World's Drum"

Dugieva Khabti Islamovna

2st year master's student of the Faculty of Philology
Ingush State University, Magas, Russia

Scientific adviser Khadzиеva Aina Akhmetovna

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Foreign
Literature, Ingush State University, Magas, Russia

Аннотация. В данной исследуются литературные реминисценции в рассказе В.О. Пелевина «Бубен Верхнего мира». В центре внимания находятся литературные и мифологические реминисценции, выступающие в качестве инструмента художественной стратегии В. Пелевина. Исследование базируется на теоретической базе теории интертекстуальности (концепция «чужого слова» М. М. Бахтина) и постмодернистской эстетики. Анализ литературных реминисценций позволяет раскрыть механизмы деконструкции классических сюжетов и образов, а также выявить специфику авторского метода, в котором чужое слово становится инструментом для создания новых смыслов и моделирования виртуальных реальностей.

Ключевые слова: русская литература, В.О. Пелевин, фантастика, рассказ, реминисценции, интертекстуальность, чужое слово, герои, поэтика, сюжет.

Abstract. This article explores literary reminiscences in V.O. Pelevin's story "The Top World's Drum." The focus is on literary and mythological reminiscences that serve as a tool for V. Pelevin's artistic strategy. The study is based on the theoretical framework of intertextuality theory (M. M. Bakhtin's concept of "other's word") and postmodern aesthetics. The analysis of literary reminiscences reveals the mechanisms of deconstruction of classical plots and characters, as well as the specific features of the author's method, where the "other's word" becomes a tool for creating new meanings and modeling virtual realities.

Keywords: Russian literature, V.O. Pelevin, science fiction, short story, reminiscences, intertextuality, "other's word," characters, poetics, plot.

«Малую прозу В. Пелевина зачастую обходят стороной, отдавая предпочтение его романам. Однако именно в малой форме активно развиваются и нарабатываются писательские тенденции, появляются сквозные образы, темы, и формируется архетипичность» [3, с. 113].

«Малые формы Пелевина ориентируют читателя на воссоздание иной картины бытия, сюжетно преодолевающей стадильность жизненных, естественных периодов. Конечным пунктом повествовательных форм в постмодернизме становится катастрофичность финала, это некая предначертанность направления. Если традиционно эсхатология понимается как индивидуальный предел или же, как предел универсальный, то у Виктора Пелевина она не исчерпывается только данными видами. Автор создает особую нелинейность текста, последовательное движение жизни не заиклено на возвращении или трансформации события существования, оно как бы создает условия для дальнейшего движения, но уже в другом, новом, ином формате. При этом необходимо учитывать факт манифестации эстетического абсолюта, выведенного в текстовой плоскости как метацентр» [2, с. 208].

Юлия Кристева ввела термин «интертекстуальность». Она развивала идею о том, что любой текст строится как мозаика цитаций, а текст – это впитывание и трансформация другого текста. Кристева рассматривала интертекст как пространство схождения всевозможных цитаций, где каждый эпизод проявляется в соотношении с другим. Она полемизировала с бахтинскими концепциями диалогичности и «чужого слова», переводя понятие диалога в психоаналитический контекст [8].

Жак Деррида в своих работах затрагивал вопросы деконструкции и размывания границ текста. Его идеи могли влиять на понимание интертекстуальности и отношений между текстами, так как он затрагивал темы децентрации, переоценки референциальной функции знака и размывания границ понятия текста [7].

Согласно концепции М.М. Бахтина, литературные реминисценции представляют собой форму «чужого слова» [6]. Их суть заключается в том, что автор намеренно отсылает читателя к уже известным, узнаваемым текстам, высказываниям или культурным кодам.

Однако эта отсылка не является простым повторением. М. Бахтин подчеркивает, что, попадая в новый контекст, это «чужое слово» трансформируется: оно наполняется новыми смысловыми оттенками, которых не было в оригинале. Таким образом, реминисценция становится сложным инструментом, с помощью которого автор может:

- 1) вступать в полемику с цитируемым источником;

2) создавать пародийный или иронический эффект;

3) осуществлять глубокую переработку чужого материала для создания собственного, оригинального смысла [6].

Творчество В.О. Пелевина является одним из наиболее значимых явлений в русской литературе конца XX – начала XXI века, во многом определившим вектор развития отечественного постмодернизма [9]. Центральное место в его художественной системе занимает проблема соотношения реальности и иллюзии, которая реализуется через сложную систему интертекстуальных связей.

Фантастика как жанр представляет собой сложный феномен, чье развитие определяется диалектикой взаимодействия социального прогресса и мифологического наследия. С одной стороны, жанр находится в прямой зависимости от социального и научно-технического контекста: эволюция науки, технологические прорывы и общественные запросы служат катализатором для создания новых сюжетов и моделей будущего. С другой стороны, жанр имеет глубокие фольклорные корни, восходящие к волшебной сказке, чьи атрибуты (ковры-самолеты, сапоги-скороходы, шапки-невидимки) являются архетипическими прототипами современных технологических чудес.

М. Янь в монографии «Творчество Виктора Пелевина в XXI веке» пишет, что важную роль в формировании этического и философского каркаса фантастики сыграли социальные утопии, которые задали моральные рамки для осмысления последствий научных открытий. Исторически жанр пережил несколько ключевых этапов. На рубеже XIX–XX веков, в эпоху промышленной революции, возникло литературное течение футуризма, которое воспринимало технологические чудеса, такие как космические полеты и бессмертие, не как вымысел, а как неизбежную реальность. В советский период, несмотря на доминирование доктрины «социалистического реализма», который маргинализировал жанр, научная фантастика продолжала существовать и пользоваться широкой популярностью у читателей [10].

В этом контексте Т.Р. Аюпов справедливо указывает, что «аллюзивные имена являются частью художественной концепции Виктора Пелевина, смотрящего в прошлое с юмором и иронией» [1, с. 232]. Для В.О. Пелевина фантастическое – это не столько предсказание будущего, сколько способ иронического переосмысления прошлого и настоящего, где мифологические и исторические аллюзии становятся строительным материалом для новых, виртуальных реальностей.

Рассказ Виктора Пелевина «Бубен Верхнего мира» (1993 год) сочетает элементы мистики и отражает жизнь постперестроечной России.

Сюжет начинается с поездки трех женщин на электричке в Подмоскowie: молодых девушек Тани и Маши, а также пожилой женщины-шаманки Тыймын: *«Войдя в тамбур, милиционер мельком глянул на Таню и Машу, перевел взгляд в угол и удивленно уставился на сидящую там женщину. Женщина и вправду выглядела дико. По ее монголоидному лицу, похожему на загибающийся по краям трехдневный блин из столовой, нельзя было ничего сказать о ее возрасте – тем более что глаза женщины были скрыты кожаными ленточками и бисерными нитями. Несмотря на теплую погоду, на голове у нее была меховая шапка, по которой проходили три широких кожаных полосы – одна охватывала лоб и затылок, и с нее на лицо, плечи и грудь свисали тесемки с привязанными к ним медными человечками, бубенцами и бляшками, а две других скрещивались на макушке, где была укрепена грубо сделанная металлическая птица, задравшая вверх длинную перекрученную шею»* [9, с. 3].

В рассказе Виктора Пелевина «Бубен верхнего мира» активно используются литературные и мифологические отсылки, что является характерной чертой постмодернистской эстетики и придает произведению многослойность.

«Название рассказа Виктора Пелевина представляет собой сложное словосочетание, семантика которого является окказиональной и проецируется на содержание всего текста» [5, с. 58].

В тексте прослеживаются явные реминисценции на творчество Н.В. Гоголя. В.О. Пелевин продолжает гоголевскую традицию смешения бытовой реальности с фантастическими элементами. Это проявляется в построении художественного мира рассказа, разделенного на «нижний» и «верхний», что создает контраст между мрачной, обыденной действительностью и более возвышенными, ирреальными сферами.

«Маша, сгибаясь под тяжестью сумки, пошла вперед. Следом, с такой же сумкой на плече, пошла Таня, а последней поплелась Тыймы, позвякивая своими колокольчиками и поднимая подол рубахи, когда надо было перешагнуть через лужу. На ногах у нее были синие китайские кеды, а на голених – широкие кожаные чулки, расшитые бисером. Несколько раз обернувшись, Маша заметила, что к левому чулку Тыймы пришит круглый циферблат от будильника, а к правому – болтающееся на унитазной цепочке копыто, которое почти волочилось по земле.

– Слышь, Тань, – тихо спросила она, – а что это у нее за копыто?

– Для нижнего мира, – сказала Таня. – Там все грязью покрыто. Это чтоб не увязнуть» [9, с. 2].

Сюжетная основа рассказа также содержит аллюзию на античный миф об Орфее и Эвридике. Путешествия шаманки Тыймы в мир мертвых ради воскрешения погибших пародируют классический сюжет. Однако В.О. Пелевин деконструирует миф: высокое чувство любви и героический подвиг заменяются прагматичной, рутинной работой, лишенной какого-либо священного трепета перед смертью.

Образ шаманки Тыймы в рассказе В. О. Пелевина «Бубен верхнего мира» является ярким примером деконструкции традиционного архетипа. Если в классической мифологии и фольклоре шаман выступает как сакральная фигура, медиатор между мирами, обладающий тайным знанием, то у В.О. Пелевина эта функция трансформируется в бытовую, почти рутинную практику.

Плавный переход от мистического к повседневному показан через восприятие Тани, для которой магические ритуалы стали частью обыденной жизни. Этот эффект достигается за счет снижения пафоса и внедрения прозаических деталей.

«Маша кивнула и посмотрела на Тыймы, которая все так же безучастно сидела в углу.

- Давно она у тебя? - спросила она.

- Третий год, - ответила Таня.

- Тяжело с ней?

- Сперва тяжело было, - сказала Таня, - а потом пообвыклась. Сначала все в бубен била по ночам, с невидимым кем-то дралась. У нас в центре духов много. Теперь они ей вроде как служат. На плечо эти два гвоздя повесила, вон видишь? Всех победила. Только во время салюта до сих пор в ванной прячется» [9, с. 2].

Произведение насыщено межкультурными аллюзиями. В повествование органично вплетаются элементы шаманизма, буддийской философии и психоанализа Фрейда. Кроме того, для усиления эффекта смешения времен и реальностей автор вводит в вымышленный контекст фигуры реальных исторических деятелей, таких как Чингисхан и Лаврентий Берия.

Постмодернистская природа текста проявляется и в таких аспектах как:

ирония и черный юмор становятся инструментами сатиры над советской и постсоветской действительностью;

фрагментарность композиции и отсутствие строгой линейности повествования создают ощущение дискретности мира;

писатель активно смешивает реальность и вымысел, сон и явь, помещая героев в пограничное состояние, где невозможно отличить одно от другого;

ведется тонкая игра с читательским восприятием, заставляющая сомневаться в достоверности описываемых событий.

Таким образом, анализ рассказа «Бубен верхнего мира» позволяет заключить, что литературные реминисценции являются не просто орнаментальным приемом, а структурообразующим элементом повествования.

Список литературы

1. Булаш А.А. Система пространства и времени в рассказе В.О. Пелевина «Бубен Верхнего мира» / А. А. Булаш // Слово и текст: теория и практика коммуникации: сборник научно-методических трудов. – Армавир: Армавирский государственный педагогический университет, 2022. – С. 113-115.
2. Безруков А.Н. Эсхатология прозы Виктора Пелевина / А. Н. Безруков // Litera. – 2018. – № 2. – С. 208-215.
3. Аюпов Т.Р. Художественные реалии Виктора Пелевина в романе «Омон ра» / Т. Р. Аюпов // Успехи гуманитарных наук. – 2019. – № 9. – С. 231-236.
4. Минибаева С.В. Лексическая семантика окказионального словосочетания «Бубен Нижнего Мира» (на материале рассказа В. Пелевина) / С. В. Минибаева, Т. В. Желтикова // НАУЧНАЯ СТАТЬЯ ГОДА 2022: сборник статей Международного научно-исследовательского конкурса, Пенза, 10 апреля 2022 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2022. – С. 58-61.
5. Кашина И.В. Литературные реминисценции как элемент создания художественного образа / И. В. Кашина // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: Международная конференция (V Бодуэновские чтения): труды и материалы, Казань, 12–15 октября 2015 года / Под общей редакцией К.Р. Галиуллина, Е.А. Горобец, Г.А. Николаева. Том 2. – Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2015. – С. 151-153.

Список источников

6. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман. – М., 2004.
7. Деррида Ж. Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля. – СПб., 1999.
8. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
9. Пелевин В. Бубен верхнего мира: pelevin.nov.ru/rass/pe-bubv/1.html (дата обращения: 15.03.2026).
10. Янь М. Творчество Виктора Пелевина в XXI веке: Монография. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2021. – 192 с.

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дата публикации 29.06.2026

УДК 398.21

Динисламова Л.И. Тема семьи в фольклорных сказках северных манси

Динисламова Людмила Ивановна

инженер-исследователь Фольклорного центра Бюджетного учреждения
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Обско-угорский институт
прикладных исследований и разработок», РФ, г. Ханты-Мансийск
din-lyudmila@yandex.ru

The theme of family in the folklore tales of the Northern Mansi

Dinislavova Lyudmila Ivanovna

Research Engineer of the Folklore Center Budgetary Institution of the Khanty-Mansiysk
Autonomous Okrug – Ugra , "Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development"
Russian Federation, Khanty-Mansiysk

Аннотация. Мансийская сказка как источник больших исследований может стать основой для изучения многих аспектов культуры, языка, истории и мифологии народа. В статье затрагивается семейная тема в мансийских фольклорных сказках, выделяются и описываются характерные особенности этой темы через отражение традиционного уклада жизни, мировоззрения народа, норм и ценностей. В них выявляются такие аспекты, как становление семьи, система воспитания, родственные отношения, взросление; приведены примеры мансийских сказок.

Ключевые слова: мансийская сказка, фольклор, семья, семейная тема, сказочный фольклор, северные манси.

Abstract. The Mansi fairy tale as a source of extensive research can serve as a basis for studying many aspects of the people's culture, language, history, and mythology. The article explores the family theme in Mansi folklore tales, highlighting and describing the distinctive features of this theme through the reflection of the traditional way of life, the people's worldview, norms, and values. It identifies aspects such as family formation, upbringing, kinship relations, and maturation, providing examples from Mansi fairy tales.

Key words: Mansi tale, folklore, family, family theme, fairy tale folklore, Northern Mansi.

Фольклорные сказки северных манси – многогранное явление, в котором переплетаются народная мудрость, быт, нравственные установки и культурные традиции народа. Они служат не только развлечением, но и важным инструментом воспитания, передачи знаний о мире, традициях и мировоззрении.

Классификация определения жанров мансийского фольклора неоднозначна, у носителей культуры и у специалистов наблюдаются расхождения во мнениях [1]. У этноса существуют специальные термины для различных фольклорных жанров:

мойт ‘сказка, сказание’, *эрыг* ‘песня’, *по́тыр* ‘рассказ’, данные термины могут употребляться с дополнительными определениями: *пёс* ‘старый, старинный’, *пёс мойт* ‘старинная сказка’; *йис* – древняя, *йис мойт* ‘древний сказ, древнее сказание’, либо термины с дополнительными определениями – *пёс йис мойт* ‘старинных времён сказка’ и *пёс йис мойт-по́тыр* ‘старинных времён сказание-рассказ’.

Самыми древними произведениями устного народного творчества манси являются – *Ялпың мойт*, *пёс йис мо́йт* ‘Священные сказки, старинных времён сказания», в таких сказках переплетаются священные песни, мифология, верования народа, случаи из жизни древних людей, а также представления народа о происхождении Земли, небесных светил. Мифологические сюжеты имеют сказки «*Ма́ тэ́лум ялпың мо́йт*» ‘Священная сказка о возникновении Земли’ [2, с. 32-33], «*Ма́ тэ́лум, ма́ та́кмалтым мо́йт*» ‘Сказка о том, как земля появилась, как земля укрепи́лась’ [там же, с. 62-63,] и др. Древние сказки с мифологическими сюжетами служат способом передачи знаний из поколения к поколению о языческом веровании, представлении о мире, в них сохранены отголоски архаического мировоззрения.

Сказки – *Нас мо́йт* ‘Простые сказки’ не являются священными произведениями, они разделяются на *ня́врам мо́йт* ‘детские сказки’ и *яныг хо́ппа мо́йт* ‘взрослые сказки’. В детских сказках рассказчицами выступают женщины-матери, тёти, бабушки. Язык таких сказок понятен детям, предложения в них короткие и обязательно присутствует диалог, помогающий привлечь внимание ребёнка, например, «*Саку пальпа ўринэ́ква*» ‘Ворона с бусами в ушах’ [28, с. 11, 81], «*Кар ос осься урың ю́нтун*» ‘Дятел и тонкая Гранёная иголка’ [там же, с. 49, 119]. В этой сказке повествуется о том, как Гранёная иголка искала вместе с дятлом персонажа для медвежьего праздника – медведя. Ещё не добыв его, они вытесали доски для полки, куда можно поставить медведя (для пляски!); подготовили бересту, чтобы из неё сделать чуман; нашли чагу, чтобы окуривать помещение. Хитрость Гранёной иголки состояла в том, что она подыскала самую крупную морошку и залезла в неё. Медведь проглотил морошку и погиб. Дятел и Гранёная иголка погрузили медведя на свою нарточку, привезли домой, посадили на полку и устроили праздник «Медвежьи игрища». «Дятел играет на санквылтапе, а Гранёная иголка пляшет. Играет на санквылтапе Гранёная иголка, а дятел пляшет. Там они так веселятся, может быть они до сих пор пляшут там...» [28, с. 121]. В детских сказках истина излагается в миниатюре, герои красочны, животные наделены человеческими качествами, за их образами скрываются известные человеческие пороки и

недостатки. Ребёнок, слушая сказки, сочувствует добрым персонажам, одобряет их поступки и ожидает момента, когда злые будут наказаны – добро обычно побеждает зло. При этом мораль в сказках не навязывается напрямую – ребёнок сам должен сделать выводы, но сказитель интонацией или репликами может помочь ему оценить поведение персонажей. В целом, детские сказки направлены на нравственное воспитание: учат быть внимательным к миру природы, уважать старших, видеть и бороться со злом.

Сказки для взрослых отличаются более сложной сюжетной линией и большей продолжительностью по сравнению с детскими. Для их рассказывания существовали сезонные ограничения: их можно было рассказывать только зимой, приблизительно с середины ноября, до середины марта. Об этом Е. И. Ромбандеева пишет: «В это время на улице большие морозы, дети, женщины и пожилые люди находятся дома, дни короткие, ночи длинные. И каким-то образом надо скоротать время в долгие зимние вечера. В прошлом было принято в такие вечера собираться вместе в определенном доме (в каждой деревне были такие признанные дома)» [3, с. 27]. В дни рассказывания сказок люди собирались в одном доме, обязательно присутствовали дети, они никогда не мешали и прижимались к родителям. Сначала рассказывались детские сказки, затем сказки для взрослых. Они отличались различными вариациями, все зависело от красноречия рассказчика. Вечера рассказывания сказок были долгими, если устанет один сказитель, начинал рассказывать другой.

По форме исполнения существуют следующие виды сказок:

– *Мойт эрыг* ‘Сказка-песня’, где одна часть сказки поётся, а другая рассказывается, например, «*Миснэ ос во́раяң хум*» ‘Миснэ и охотник’ [4, с. 273-277]. Отдельной категорией данный вид сказки выделяют исследователи мансийского фольклора В. С. Иванова, С. А. Попова, отмечая, что деление сказок по форме исполнения – важный критерий их классификации. При этом само деление на «*мойт*» ‘сказка’ и «*эрыг*» ‘песня’ в фольклоре определяется не содержанием, а внешней формой исполнения: если произведение поётся – оно называется песней, если повествуется – сказкой. Таким образом, «*мойт-эрыг*» – это специфическая форма сказочного повествования, где части текста чередуются между пением и рассказыванием.

– *Алхатнэ мойт* ‘Героические сказки’, в которых воспеваются подвиги богатырей и главный герой в них, в основном, потомок божества или человека, обладающего сверхчеловеческими возможностями. Пример, «*Эква-Пыгрись мойт*» ‘Сказка об Эква-Пыгрисе’ [2, с. 114-115], «*Ас Талых Отыр тав мойтэ*» ‘Сказка о

богатыре Ас Талых Отыр' [5, с. 6-7]. Народ манси не считал сказки вымыслами – они являлись для них достоверными произведениями, несущими истинную информацию. Поэтому мансийские сказки отличаются от сказок других народов отсутствием приукрашенной действительности, жесткостью своего изложения, чёткой поучительностью.

Обращаясь к теме исследования, отметим, что тема семьи в фольклоре манси многогранна: она включает представления о семейных отношениях, в т.ч. конфликтах внутри семьи; отражает исторические формы брака и семейных устоев; передаёт жизненный опыт, формирующий основу семейных отношений и нравственные ценности, неразрывно связанные с семейной обрядностью. В целом, фольклорное творчество манси не являлось самостоятельной эстетической ценностью, оно органично взаимосвязано с системой верований и с насущными потребностями людей, входит в повседневную жизнь коллектива, регулируя её и выступая как важный социализирующий фактор.

Тема семьи в жизни народа манси играет ключевую роль, семья в сказочном фольклоре представлена разнообразными образами и сюжетами, которые отражают как универсальные, так и специфические черты семейных отношений. В. Я. Пропп, определяя, при каком социальном строе создались отдельные мотивы и вся сказка, говорит об отражении институтов родового строя в сказке и о развитии семейных отношений, отмечает, что семейная тема и обряд инициации – одни из ключевых аспектов, связанных с волшебными сказками [6].

Весомый вклад в изучение семьи в сказочном фольклоре внёс Е. М. Мелетинский. Учёный говорил о выдвижении семейной темы на первое место при переходе от мифа к сказке, считал семейно-социальные мотивы в текстах сказок новообразованием, дополняющим древнюю основу [7].

Не менее важный вклад в изучение темы семьи в сказках внесла Т. В. Зуева, она считает, что благодаря обращению к частному человеку в волшебной сказке, основным конфликтом становится семейный конфликт. Это объясняется разложением рода, что исторически обусловлено. В сказочном фольклоре герой воспринимается скорее, как член семьи, а не как представитель общества [8].

В настоящем исследовании нами рассматривается семейная тема в сказках устного народного творчества манси. Выбор темы обусловлен отсутствием научных работ, посвящённых отражению ценностей традиционной мансийской семьи в фольклоре. Тема статьи актуальна по нескольким причинам: 1) Недостаток

систематизированных исследований; 2) Утрата традиционных знаний; 3) Важность сохранения культурной идентичности; 4) Практическая значимость исследования.

Анализируя научные работы по мансийским сказкам особо отметим труды Е. И. Ромбандеевой «История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов)» [3], М. В. Кумаевой «Образ семьи в мансийском фольклоре» и «Концепт “родители” в фольклоре народа манси» [9, 10], Л. Н. Панченко «Социокультурные функции мансийской сказки» [11]. Среди публикаций последних лет значимы статьи Л. Н. Панченко [12, 13, 14], М. В. Кумаевой [15, 16], Л. И. Динисламовой [17, 18, 19], О. Ю. Динисламовой [20, 21], С. С. Динисламовой [22], С. А. Герасимовой [23], О. А. Албиной [24].

В настоящем исследовании нами выявляются такие аспекты семейной темы, как становление семьи, система воспитания, родственные отношения, взросление.

О становление семьи Е. И. Ромбандеева пишет, что «в далёком прошлом и позднее при создании семьи, манси руководствовались принципами чисто человеческих потребностей...», выбор жены был ориентирован на её родителей – «от хороших родителей – хорошие дети». На долю матери в семье ложилась большая ответственность: она должна была выдержать тяжёлый труд в суровых условиях Севера, поднять на ноги детей, «сформировать из мальчика будущего северянина-охотника, а из девочки – будущую мать-северянку, которая была бы в состоянии продолжить свой человеческий род (муж же её добытчик пищи и одежды из природы, она – хранитель очага, тепла, уюта и благополучия в доме)» [3, с. 11]. По сказкам народа манси можно также проследить кто и в какую эпоху проявлял активность при создании семьи для продолжения человеческого рода. Об участии женщин в организации и сохранении семьи говорится в сказках «*Моїцнэг Порнэг сэмыл ўиг, выгыр ўиг*» ‘Чёрный и рыжий звери Мощнэ и Порнэ’ [3, с. 172] и «*Порнэ ра́кт няврам ва́ри*» ‘Порнэ лепит глиняного ребёнка’ [2, с. 62-63]. Е. И. Ромбандеева отмечает, что это явное напоминание эпохи матриархата, и появление мотивов о чудесном зачатии и чудесном рождении детей в фольклорных произведениях также относится к этой эпохе [3, с. 12].

Другой способ создание семьи отражен в сказке «*Ка́сыр э́ква о́йкаг*» ‘Муж и жена Касыр’ [2, с. 80-81], в которой женщина сама идёт искать себе мужа и находит его. Она поселяется в доме мужчины-охотника, и он проверяет её человеческие качества. Если она оказывается послушной, честной и заботливой, только тогда создаётся семья.

Способ создания семьи в сказке «*Ўсың отыр ойка, Тонтон ойка пыгыг*» ‘Сыновья Усын отыр ойки и Тонтон ойки’ [3, с. 12] заключается в выборе будущего мужа и будущей жены на основе взаимной вежливости, взаимного стремления к друг другу.

Воровство (умыкание) жены – это ещё один способ создания семьи. Об этом говорится в сказке про двух Кондинских Северных богатырей «*Луи Хонтаң-я Мо̄т павыл Най-отырыт*» ‘Божества деревни Мот на нижней Конде’ [25, с. 49.]. В данном тексте отражена эпоха патриархата.

Следующим способом создание семьи является сватовство, когда супруг может позволить себе создать семью и за это может предложить некие богатства (калым). По всей видимости в таких текстах отражена эпоха распада патриархального уклада жизни, в них чаще упоминается русские цари, купцы, попы, т. е. отображается начало торгово-экономического развития манси между другими народностями: «*Туңкысьма*» ‘Тунгусская земля’ [2, с. 178-179], «*Эква-пыгрись ялпың мойт*» ‘Священная сказка об Эква-пыгрисе’ [там же, с. 140-141], «*Палтарись*» ‘Палтарись’ [там же, с. 116-117].

Как видим, фольклор манси содержит сведения о различных способах создания семьи, которые отражали разные исторические периоды. В сказках часто подчёркивается помощь пожилой женщины, т.е. прослеживается возрастная иерархия. Старшее поколение (бабушки, дедушки, тети, дяди, отцы, матери) либо дают наставления, помогая проходить некоторые испытания героям сказки, например, во многих сказках про Эква Пыгриса, либо сами просят, предлагают пройти испытания герою сказки, например, в тексте «*Мёнкв ойка нўйсахи кайтпал*» ‘Рукав от нуйсахи Менква’ [27, с. 66, 10]. Термины родства зачастую употребляются по отношению не к родным людям (родственникам), что подчёркивает уважение ко всем взрослым членам общества: *аквумэ́кв* (букв. моя тетушка), *акимой́ка* (букв. мой дядюшка). Отметим и зачин произведений мансийского сказочного фольклора, в них начало сказки сразу погружает в жизнь какой-либо семьи – «*экваг-ойкаг олэ́г*», ‘живут мужчина и женщина’, или «*тит ойкаң э́кваг олэ́г, ойкаг сас э́ква о́ньсэ́г*» ‘две замужние женщины живут, два женатых мужчины живут».

Обозначим роль родителей в семье. Родители выступают в сказках как дарители жизни, воспитатели и наставники. Они обучают детей всему необходимому для выживания и достойной жизни в обществе. В мансийских семьях традиционно существовало чёткое разделение обязанностей: муж добывал пищу (охотился и рыбачил), а жена была его помощницей, хранительницей домашнего очага. В тексте

«Эква-пыгрись урыл мойт» 'Сказка об Эква-пыгрисе' повествуется о матери, которая, оставшись вдовой, одна воспитывала сына. В сказке «Вораян хум ос Мисхум» 'Охотник и Мисхум' отец представлен как заботливый и любящий родитель. При отсутствии родителей обязательно приходит кто-то на помощь, если по сюжету сказки женщины (матери) нет в доме, тогда она появляется в виде невесты или сестры. Полная семья – это главная черта изображения семейной темы, если герой мансийских сказок теряет супруга (супругу), то по сюжету он может или даже должен найти другого. Отношение родителей и детей в фольклоре всегда основано на любви и взаимном доверии. При этом в сказочном фольклоре манси убедительно показано две основные модели семейных отношений между родными и приёмными родителями и детьми. Отношения между сестрами и между братьями, и если между ними происходит конфликт, то к концу сказки виновные обязательно будут наказаны. И образ женщины часто не лишён противоречий, встречаются и негативные персонажи – коварные, эгоистичные, корыстные женщины, например, в сказке «Савалап-Агирись» 'Сиротка» [2, стр. 222-223].

В сюжетах, где родственные люди заботятся друг о друге, таким обязательно воздаётся, одинокий брат находит жену, к бедной семье приходит достаток и т.п. В старину сказитель должен был проговаривать нравоучительный вывод в конце сказки, тем самым акцентировать внимание детей на непристойное поведение кого-либо в семье, необходимо было, чтобы в представлениях оставались только правильные жизненные ориентиры.

Существовало множество оригинальных средств, при помощи которых взрослые знакомили детей с устным народным творчеством, добиваясь остроты восприятия и эффективного усвоения. Показывая взаимосвязь человека и природы, ребёнка знакомят и заодно формируют у него изначальное представление о мире, знакомят с суровыми особенностями северной жизни, учат маленького человека ориентироваться в окружающем пространстве. Описываемая в мансийских сказках жизнь, быт, традиции всегда подчёркивают, что словесные методы второстепенны по сравнению с наблюдением и практикой. У северных народов при воспитании ребёнка, обучение и самообучение не разделялось, а являлось составляющим одного процесса. В функции родителей входило показать, объяснить и направить, а в задачи детей – понять, осмыслить и самостоятельно развить полученные умения.

Символическим мотивом семейной темы в сказках является переход героя из одного жизненного состояния в другое, связанный со взрослением, обретением новых качеств и социальной роли, иными словами – возрастные посвящения – инициации.

Для раскрытия вопроса статусного перехода человека обратимся к материалам С. А. Поповой, которая даёт сведения об нескольких возрастных инициациях как мужчин, так и женщин. Обряд инициации часто представлен как переход героя из одного состояния в другое, более зрелое и могущественное. Это может быть испытание, которое герой должен пройти, чтобы доказать свою силу, храбрость, мудрость или другие качества, необходимые для взрослого члена общества [26, с. 110]. У героев мансийского фольклора это наиболее выражено в уходе из дома, укладывание еды или походных вещей в определённый мешочек, поход и путешествия по лесу, встреча в лесной избушке с лесными жителями или духами.

В сказках обряд инициации может быть связан с преодолением различных препятствий, таких как сражения с чудовищами, выполнение сложных заданий или путешествие в другой мир. Герой может столкнуться с внутренними конфликтами и сомнениями, которые также являются частью его испытания. После успешного прохождения обряда инициации герой обычно получает награду или признание, например, волшебную силу, оружие или любовь противоположного пола. Это символизирует его переход на новый уровень развития и готовности к выполнению более сложных задач. Мотив инициации мужчины хорошо прослеживается в мансийской сказке «*Ялпың әһтап*» 'Священный пояс' [27, с. 23, 77], а женщины в сказке «*Каткас тив-тив мойт*» 'Сказка о (птичке) Каткас тив-тив' [2, с. 244-245].

Итак, нами рассмотрены основные аспекты семейной темы в мансийских сказках. Отметим, что семейные ценности занимают центральное место в жизни народа, особо значимы родственные связи, взаимопомощь и уважение старших. По сказкам можно проследить, как в культуре манси представлены отношения между членами семьи, какие качества ценятся в родителях и детях, какие уроки передаются из поколения в поколение.

Мансийские сказки также служат важным средством воспитания, передавая детям моральные уроки и примеры правильного поведения. Изучение этой темы позволяет глубже понять не только литературное наследие народа, но и его социальные и культурные нормы. В сказках говорится: о чётком разделении семейных обязанностей (муж – добытчик, жена – его помощница, хранительница домашнего очага); о важности воспитания и передачи опыта (обучают необходимым навыкам для выживания и жизни в обществе); об уважении к старшим (почитание родителей, старших по возрасту и пожилых людей); о разнообразии способов создания семьи (выбор девушки с помощью пожилой женщины-наставницы, испытание девушки мужчиной, выбор через запуск стрелы, хитрость или воровство

жены, сватовство с получением приданого); о роли женщин как хранительниц традиций (мать-северянка должна была поднять на ноги детей, сформировать из мальчика будущего охотника, а из девочки – будущую мать-северянку); о нравственных ориентирах (помощь родителям, ответственность за свои поступки, знание норм семейных отношений).

В целом, мансийский фольклор как источник исследований, является основой для изучения многих аспектов культуры, языка, истории и мифологии народа. Сказки представляют собой ценный источник для междисциплинарных исследований, которые могут внести вклад в изучение культуры, языка и истории манси. Фольклор играет важную роль в сохранении культурной идентичности народа.

Список литературы

1. Панченко, Л. Н. К вопросу жанровой классификации мансийского фольклора / Л. Н. Панченко, О. Ю. Динисламова // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2024. – Т. 15. – № 4. – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/14FLSK424.pdf>, (дата обращения: 01.06.2025).
2. Мифы, сказки, предания манси (вогулов) / Сост. Е. И. Ромбандеева. – Новосибирск: Наука, 2005. – 475 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 26).
3. Ромбандеева Е. И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут: «Северный дом» и Северо-Сибирское региональное книжное издательство, 1993. – 208 с.
4. Иванова В. С. Локальные особенности в обрядности северных манси (конец XIX – начало XXI века): Монография. – СПб.: Алмаз-Граф, 2014. – 287 с.
5. Попова С. А., Ромбандеева С. М., Рассказы-сказки народа Сосьвы-Сыгвы. Вып. 2. Вӧраян мӧхум мӧйтӧт (Сказки охотников) / Сост.: С. А. Попова, С. М. Ромбандеева; пер., предисл., примеч. С. А. Поповой. – Ханты-Мансийск: Печатное дело, 2010. – 96 с.
6. Пропп В.Я., Исторические корни волшебной сказки / Л.: Наука, 1986. – 365 с.
7. Мелетинский Е. М., Миф и историческая поэтика фольклора // Фольклор. Поэтическая система / Отв. ред. А. И. Баландин, В. М. Гацак. – М.: Наука, 1977. – С. 30.
8. Зуева Т. В. Сюжет «Чудесные дети» как типологическое фольклорное явление и самобытная сказка восточных славян // Проблема преподавания и изучения русского народного поэтического творчества: Республиканский сборник: Выпуск 3 / Отв. ред. Новикова А. М. – М.: Типография МГПУ им. В. И. Ленина, 1976. – С. 47.
9. Кумаева М. В. Образ семьи в мансийском фольклоре / М. В. Кумаева // Современные гуманитарные исследования. – 2018. – № 4(83). – С. 59-64.
10. Кумаева М. В. Концепт "родители" в фольклоре народа манси / М. В. Кумаева // Общественные науки. – 2017. – № 3. – С. 152-163.
11. Панченко Л. Н. Социокультурные функции мансийской сказки shape * MERGEFORMAT / Л. Н. Панченко // Евразийский союз ученых. – 2020. – № 9-4(78). – С. 42-45.
12. Панченко, Л. Н. Номинация возрастной категории персонажей мансийских сказок // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2021 №4. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/19FLSK421.pdf>, (дата обращения: 30.04.2026).
13. Панченко Л. Н. Эпитеты в языке мансийских сказок / Л. Н. Панченко // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и

- инновации: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Ханты-Мансийск, 01 декабря 2020 года. – Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2021. – С. 197-209.
14. Панченко Л. Н. Персонажная структура мансийского фольклора: Атайпэквa (лингвокультурологический аспект) / Л. Н. Панченко // Вестник угроведения. – 2025. – Т. 15, № 4(63). – С. 693-701.
 15. Кумаева М. В. Язык мансийского детского фольклора (на материале учебников по мансийскому языку 1940-х годов) / М. В. Кумаева // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – № 11. – С. 220-224.
 16. Кумаева М. В. Лексика мансийского детского фольклора (на материале учебников по мансийскому языку 1930-х годов) / М. В. Кумаева // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – № 7. – С. 182-186.
 17. Динисламова, Л. И. Форма и лексические особенности мансийских загадок / Л. И. Динисламова // Филологический аспект. – 2024. – № 4(108). – С. 19-27. – EDN YGBNDO.
 18. Динисламова Л. И. Форма и лексические особенности мансийских загадок // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2024. № 04 (108). Режим доступа: <https://scipress.ru/philology/articles/forma-i-leksicheskie-osobennosti-mansijskikh-zagadok.html> (Дата обращения: 30.04.2024).
 19. Динисламова Л. И. Образы природных явлений в мансийских загадках // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2024. № 03 (101). Режим доступа: <https://scipress.ru/philology/articles/obrazy-prirodnikh-yavlenij-v-mansijskikh-zagadkakh.html> (Дата обращения: 31.03.2024).
 20. Динисламова О. Ю. Периодизация детского возраста в мансийской языковой картине мира: сопоставительный аспект / О. Ю. Динисламова // Вестник угроведения. – 2021. – Т. 11, № 2. – С. 251-259.
 21. Динисламова О. Ю. Коды культуры в мансийской и русской фразеологических картинах мира / О. Ю. Динисламова // Югорский текст как поликультурный феномен. – Тюмень : ИПЦ "Экспресс", 2023. – С. 80-94.
 22. Динисламова С. С. Тематические группы историзмов мансийского языка на примере героических песен и сказаний / С. С. Динисламова, О. Ю. Динисламова // Слово. Текст. Контекст. – 2025. – № 2(22). – С. 28-39.
 23. Герасимова, С. А. Женские образы в мансийских героических песнях и сказках / С. А. Герасимова // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2022 — Т. 13 — № 4 — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/55FLSK422.pdf> , (дата обращения 01.06.2026 г.).
 24. Албина О. Р. Концепты «труд» и «лень» в мансийской языковой картине мира: на материале авторских и народных сказок / О. Р. Албина // Вестник филологических наук. – 2025. – Т. 5, № 10. – С. 202-208.
 25. Именитые богатыри Обского края. Книга третья / под ред. С.С. Динисламовой. – Ханты-Мансийск: Югорский формат, 2015. – 204 с.
 26. Попова С. А. Обряды перехода в традиционной культуре манси. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – 180 с.
 27. Та́гт ма́хум мо́йтыт – потрыт. Сказания-рассказы людей Сосьвы / В. С. Иванова. – Томск: Изд-во Том.ун-та, 2004. – 126 с.

Списки источников

28. Ромбандева Е. И., Слинкина Т. Д., Мансийские сказки: для уч-ся 5-8 классов / Авторы-сост. Е. И. Ромбандева, Т. Д. Слинкина. – СПб.: «Издательство «Дрофа» Санкт-Петербург», 2003. – 143 с.: ил.

ЖУРНАЛИСТИКА

Дата публикации 09.06.2026

УДК 070

Муха А.В., Учаев И.С. Современное состояние рынка бренд-медиа в России

Муха Анжела Викторовна

канд.филол.наук, доцент кафедры журналистики, ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», РФ, г. Ростов-на-Дону
angela95@gmail.com

Учаев Илья Сергеевич

студент гр. ЖУР-811, ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», РФ, г. Ростов-на-Дону
Ilya.uchaev@gmail.com

The current state of the brand media market in Russia

Mukha Anzhela Viktorovna

PhD in Philology, Associate Professor, Department of Journalism, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education, Russian State University of Economics (RINH)
Russia, Rostov-on-Don

Uchaev Ilya Sergeevich

Student, Group 811, Journalism and Management, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education, Russian State University of Economics (RINH)
Russia, Rostov-on-Don

Аннотация. Цель представленной статьи – выявить особенности современного развития бренд-медиа в России, их функции и роль в системе цифровых коммуникаций. Проанализированы кейсы «Т-Ж», «СберБизнесLive» и «Яндекс.Практикум», отражающие различные подходы к взаимодействию компаний с аудиторией через экспертный контент. Выявлены основные тенденции развития рынка бренд-медиа, а также ключевые проблемы, связанные с оценкой эффективности, конкуренцией за внимание аудитории и высокими затратами на производство контента. Сделан вывод о дальнейшем укреплении бренд-медиа как инструмента долгосрочной коммуникационной стратегии компании.

Ключевые слова: Бренд-медиа, контент-маркетинг, цифровые коммуникации, медиаплатформы, контент-стратегия, бренд.

Abstract. The purpose of this article is to identify the features of the current development of brand media in Russia, their functions, and their role in the digital communication system. The article analyzes the cases of T-Zh, SberBusinessLive, and Yandex.Practicum, which reflect different approaches to companies' interaction with their audience through expert content. The article identifies the main trends in the development of the brand media market, as well as the key challenges associated with evaluating effectiveness, competition for audience attention, and high production costs. The article

concludes that brand media will continue to strengthen as a tool for a company's long-term communication strategy.

Keywords: Brand media, content marketing, digital communications, media platforms, content strategy, brand.

В условиях цифровой трансформации экономики и перенасыщенности информационного пространства традиционные рекламные инструменты постепенно теряют свою эффективность. Аудитория становится избирательной в потреблении контента, что вынуждает компании искать новые форматы взаимодействия с потребителями. Одним из таких инструментов выступают бренд-медиа, представляющие собой самостоятельные медиаплатформы, создаваемые компаниями для формирования долгосрочных отношений с аудиторией [7].

Ключевыми целями бренд-медиа являются формирование лояльности аудитории, повышение узнаваемости бренда и выстраивание долгосрочных коммуникаций. Существенную роль играет концепция «Storytelling», позволяющая транслировать ценности бренда через истории, а также использование модели «Owned media», предполагающей полный контроль компании над каналами коммуникации. Современный рынок бренд-медиа в России характеризуется разнообразием форматов и активным участием крупных компаний из различных отраслей. Распространенными форматами являются онлайн-журналы, тематические платформы и корпоративные блоги, ориентированные на решение конкретных задач аудитории [1].

Целью исследования является анализ современного состояния рынка бренд-медиа в России. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: описать особенности бренд-медиа как инструмента коммуникации; рассмотреть успешные российские кейсы; выявить основные тенденции развития рынка бренд-медиа и определить проблемы и перспективы развития бренд-медиа.

Объектом исследования выступает рынок бренд-медиа в России, а предметом – особенности функционирования и развития бренд-медиа как инструмента цифровых коммуникаций.

Методы исследования. В работе использованы методы сравнительного анализа, контент-анализа и описательного исследования.

Теоретическая база исследования формируется на пересечении исследований бренд-журналистики, контент-маркетинга и цифрового медиапотребления. В научной литературе за последние пять лет бренд-медиа рассматриваются как инструмент продвижения и особый медиапродукт, который использует

редакционные стандарты журналистики для решения коммуникационных и маркетинговых задач бренда.

Исследователи Нигматуллина К.Р. и Павлушкина Н.А. одними из первых описали российский сегмент бренд-медиа и предложили критерии его типологизации. Исследователи подчеркивают двойственную природу бренд-медиа. С одной стороны, они сохраняют связь с маркетингом и задачами бренда, а с другой – стремятся функционировать по логике самостоятельного СМИ, ориентированного на полезность контента для широкой или специализированной аудитории [1].

В работе «Прагматика контента в бренд-медиа» авторы показали, что ценность бренд-медиа определяется не частотой прямого упоминания бренда, а способностью контента решать практические задачи пользователя. Для данной работы особенно важен их вывод о преобладании сервисных форматов, кейсов, карточек, инструкций и экспертных материалов, так как именно эти форматы прослеживаются в «Т-Ж», «СберБизнесLive» и «Яндекс.Практикум» [2].

В свою очередь, Н.А. Аргылов и М.С. Лаврищева М.С. исследовали контент-маркетинговые стратегии российских бренд-медиа в социальных сетях по материалам Telegram-каналов «Т-Ж», «Бизнес секреты» и «Яндекс для предпринимателей». Они пришли к выводу, что бренд-медиа используют жанровое разнообразие: карточки, новости, заметки, кейсы и адаптируют контент под разные категории клиентов бренда для вовлечения аудитории и роста лояльности к компании [3].

А.М. Сметанина рассматривала развитие и медиапотребление бренд-медиа в период пандемии COVID-19. Исследование показало, что внешние кризисные обстоятельства ускорили развитие нишевых бренд-медиа, особенно в медицинской и IT-тематике, а также усилили запрос на эмпатию, персонализацию, экологичность и игровые элементы в коммуникации. Эти положения позволили объяснить, почему современные бренд-медиа стремятся не только информировать, но и сопровождать пользователя в повседневных решениях [4].

Среди успешных примеров российских бренд-медиа можно выделить «Т-Ж», который представляет собой масштабную медиаплатформу с образовательным контентом в области финансов, повседневной жизни и саморазвития. Данный проект ориентирован на широкую аудиторию и отличается высоким качеством редакционной политики. Другим является «СберБизнесLive», ориентированный на предпринимательское сообщество. Контент этой платформы носит прикладной характер и направлен на решение бизнес-задач пользователей. Стоит отметить также

«Яндекс.Практикум», который сочетает в себе образовательные продукты с контентной стратегией, формируя экспертный имидж в сфере онлайн-обучения.

Таблица 1. Сравнительная характеристика популярных бренд-медиа

Критерий	Т-Ж	СберБизнесLive	Яндекс.Практикум
Основная аудитория	Массовая (широкий круг пользователей)	Предприниматели, малый и средний бизнес	Студенты, начинающие специалисты
Сильные стороны	Универсальный и полезный контент для повседневной жизни	Практическая направленность и прикладная ценность	Сильная образовательная экспертиза
Формат контента	Лонгриды, гайды, разборы жизненных ситуаций	Кейсы, инструкции, бизнес-советы	Обучающие материалы, карьерные гайды
Способ коммуникации	Дружелюбный, простой	Деловой, но доступный	Наставнический, обучающий
Уникальное преимущество	Высокое качество редакции и широкий охват тем	Узкая специализация, высокая релевантность	Интеграция с образовательными продуктами
Ценность контента для пользователя	Помощь в решении повседневных задач	Решение конкретных бизнес-проблем	Получение новых навыков и профессии
Отличия бренд-медиа	Универсальность и массовость контента	Четкая B2B ориентация контента	Фокус на обучении и карьере

Сравнение указанных платформ позволяет выделить различия в аудитории, формате контента и способах коммуникации.

«Т-Ж» делает акцент на универсальном контенте для массовой аудитории. Например, публикации о личных финансах или бытовой экономии рассчитаны на широкий круг пользователей. «СберБизнесLive» ориентирован на предпринимателей и представителей малого бизнеса, поэтому основное место на платформе занимают прикладные материалы: инструкции по налогообложению, маркетингу, управлению персоналом и организации бизнес-процессов. В свою очередь, «Яндекс.Практикум» выстраивает коммуникацию через образовательную повестку: карьерные гайды, материалы о профессиях и профессиональном развитии связаны с онлайн курсами платформы и помогают пользователю лучше понять траекторию обучения.

Для более точной оценки этих различий был проведен качественный контент-анализ публикаций рассматриваемых бренд-медиа. Для анализа мы использовали отдельные материалы медиа. Такой подход позволил оценить не только тематику публикаций, но и редакционную логику: на какую аудиторию рассчитан материал [5], какую практическую задачу он решает и каким образом соотносится с интересами бренд-медиа.

Для контент-анализа мы использовали разные примеры публикаций в рамках рассматриваемых медиа. Для «Т-Ж», в качестве анализа использовали публикации

формата «Дневник трат» и материалы потоков «Право», «Потратить сэкономить» и «Берем под контроль свои финансы»; «СберБизнесLive» – дайджест «Бизнес на маркетплейсах: от выбора площадки и ходовых товаров до оформления товарных карточек и продвижения» и новостно-прикладной материал о программе кредитования для малого и среднего предпринимательства; «Яндекс.Практикум» – статьи «Что такое вайб-кодинг и почему все о нем говорят» и «Digital Skills: что это такое, зачем они нужны и как их развивать».

Таблица 2. Контент-анализ публикаций российских бренд-медиа

Бренд-медиа	Пример публикации	Целевая аудитория	Контентная стратегия	Редакционная модель	Создаваемая ценность
«Т-Ж»	«Дневник трат» как регулярный формат пользовательских историй о доходах и расходах	Массовая аудитория, интересующаяся финансами и повседневной экономикой	Сервисная стратегия: объяснение финансового поведения через жизненные ситуации читателей	Гибридная модель: профессиональная редакция, пользовательский опыт и фактчекинг	Сравнение собственного опыта с практиками других людей. Повышение финансовой осознанности
«Т-Ж»	Материалы потоков «Право», «Потратить сэкономить» и «Берем под контроль свои финансы»	Пользователи, которым нужно решить бытовую, правовую или финансовую проблему	Практико-ориентированная стратегия: сложные темы переводятся в понятные алгоритмы действий	Экспертно-редакционная модель: редакторская упаковка, комментарии специалистов, проверка применимости рекомендаций	Пользователь получает готовый порядок действий, а не рекламу банка
«СберБизнесLive»	дайджест «Бизнес на маркетплейсах: от выбора площадки и ходовых товаров до оформления товарных карточек и продвижения»	Предприниматели, самозанятые, продавцы на маркетплейсах	B2B-сервисная стратегия: поддержка предпринимателя на конкретном этапе развития бизнеса	Отраслевая экспертная редакция: подбор прикладных тем, кейсов, инструкций и чек-листов	Помощь в выходе на маркетплейсы и снижение управленческих ошибок
«СберБизнесLive»	Материал о программе кредитования для МСП	Малый и средний бизнес, ищущий финансовые инструменты и меры поддержки	Информационно-прикладная стратегия: оперативное объяснение изменений в законах, финансах и господдержке	Новостно-сервисная модель: короткая новость дополняется практическим смыслом для предпринимателя	Экономия времени предпринимателя и ориентация в доступных инструментах поддержки
«Яндекс.Практикум»	«Что такое вайб-кодинг	Начинающие и	Образовательная стратегия:	Методическая редакционная	Понимание нового

Бренд-медиа	Пример публикации	Целевая аудитория	Контентная стратегия	Редакционная модель	Создаваемая ценность
	и почему все о нем говорят»	практикующие специалисты Digital- и IT-сферы	объяснение профессиональных трендов простым языком	модель: экспертная тема переводится в учебный, доступный формат	профессионального явления и его применимости в карьере
«Яндекс.Практикум»	«Digital Skills: что это такое, зачем они нужны и как их развивать»	Люди, планирующие обучение, смену профессии или развитие цифровых навыков	Карьерно-образовательная стратегия: контент связывает проблему пользователя с траекторией обучения	Образовательная консультационная модель: редакция работает как навигатор по профессиям и навыкам	Пользователь получает ориентиры для профессионального развития и выбора профессионального маршрута

Результаты контент-анализа показывают, что все три проекта используют разные, но внутренне устойчивые стратегии. «Т-Ж» строит коммуникацию вокруг массовой сервисной журналистики. Медиа превращает финансовые, правовые и бытовые вопросы в понятные сценарии действий. Его целевая аудитория широка, однако объединена общей потребностью – разобраться в повседневных решениях, связанных с деньгами, безопасностью, потреблением и качеством жизни. Редакционная модель «Т-Ж» может быть определена как гибридная, так как профессиональная редакция сочетается с экспертными комментариями и пользовательскими историями.

«СберБизнесLive» действует по B2B-сервисной стратегии. В отличие от универсального «Т-Ж», эта платформа ориентирована на предпринимателей, самозанятых и представителей малого и среднего бизнеса. Основным принцип ее контента не абстрактное информирование, а помощь в решении прикладных задач, среди которых выход на маркетплейсы, учет изменений в законодательстве, поиск мер поддержки для бизнеса, развитие продаж и управление бизнес-процессами. Редакционная модель платформы является отраслевой-экспертной. Материалы группируются вокруг практических бизнес-ситуаций и часто имеют формат инструкции, новости с прикладным выводом, чек-листа или кейса.

Платформа «Яндекс.Практикум» реализует образовательную и карьерно-навигационную стратегию. Ее аудитория – пользователи, которые осваивают цифровые профессии, планируют смену карьерной траектории или хотят понять новые технологические тренды. В отличие от прямого продвижения курсов, публикации объясняют профессиональные понятия, показывают востребованные навыки и помогают читателю оценить собственный образовательный маршрут.

Редакционная модель этого бренд-медиа может быть описана как методологическая. Экспертное знание перерабатывается в ясный учебный формат, близкий к логике онлайн-образования.

Таким образом, можно заключить, что успешные бренд-медиа обладают четко определенной целевой аудиторией, продуманной контентной стратегией и устойчивыми редакционными моделями. Для «Т-Ж» такой стратегией выступает массовая сервисная журналистика, для «СберБизнесLive» – прикладная B2B-поддержка предпринимателей, для «Яндекс.Практикум» – образовательная и карьерная навигация. Редакционные модели также отличаются. У «Т-Ж» это гибрид профессиональной редакции, экспертного контента и пользовательского опыта. У «СберБизнесLive» – экспертно-отраслевая модель делового медиа. У «Яндекс.Практикум» – методическая модель образовательного медиа. При этом во всех случаях ключевым фактором эффективности является не прямое продвижение продукта, а создание самостоятельной ценности для пользователя, то есть практической инструкции, профессионального ориентира, экспертного объяснения или опыта, который читатель может применить в собственной ситуации.

Современный этап развития рынка бренд-медиа в России можно охарактеризовать рядом устойчивых тенденций. Прежде всего наблюдается рост спроса на экспертный контент, который воспринимается аудиторией как более достоверный и полезный по сравнению с традиционной рекламой. Поэтому ценность таких медиа определяется тем, насколько материал помогает решить конкретную проблему читателя. Меняются и форматы подачи контента [6]. Кроме текстовых публикаций начинают активно использоваться видео, подкасты, интерактивные элементы и короткие визуальные материалы. Это связано с изменением медиапотребления, так как аудитория чаще обращается к мобильным платформам, быстрее переключается между источниками информации и выбирает тот формат, который удобен ей в конкретной ситуации [8].

На рынок бренд-медиа заметно повлияла и внешняя ситуация. Санкционные ограничения, уход части зарубежных сервисов и перестройка цифровой среды. В результате компании стали внимательнее относиться к собственным каналам коммуникации и чаще опираться на российские платформы, которые позволяют сохранять прямой контакт с аудиторией. Поэтому часть рекламных и коммуникационных ресурсов постепенно перераспределяется в пользу бренд-медиа и других собственных медиаактивов. При этом развитие бренд-медиа сопровождается рядом трудностей. Одна из главных проблем заключается в оценке результата.

Эффект от таких проектов проявляется не сразу и часто выражается не в прямых продажах, а в росте доверия, узнаваемости и вовлеченности аудитории. Кроме того, качественное бренд-медиа требует значительных затрат, поскольку для его работы нужны редакторы, авторы, эксперты, дизайнеры и специалисты по продвижению [2].

Список литературы

1. Нигматуллина К.Р., Павлушкина Н.А. Рынок бренд-медиа в России: определения, классификация, характеристики // Вестник московского университета. Серия 10: Журналистика. 2022 №6. – С.3-27.
2. Павлушкина Н.А., Нигматуллина К.Р., Сметанина А.М. Прагматика контента в бренд-медиа // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2024 №3. – С.144-164.
3. Аргылов Н.А., Лаврищева М.С. Контент-маркетинговые стратегии российских бренд-медиа в социальных сетях (По материалам Телеграм-каналов) // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2023 №2 (48). – С. 58-74.
4. Сметанина А.М. особенности развития и медиапотребления бренд-медиа в период пандемии COVID-19 // Causasian Science Bridge. 2023 Т.6. №3 (21). – С. 64-70.
5. Прохоров А.В. AR-маркетинг как форма цифровизации коммуникации «бренд - аудитория» // Коммуникативные исследования. 2023. Т. 10. № 4. – С. 786-799. DOI: 10.24147/2413-6182.2023.10(4).786-799.
6. Муха А. В. Визуальный контент как фактор развития СМИ в социальных сетях // МедиаВектор. 2025. № 17. – С. 49-52.

Список источников

7. Филип Котлер, Кевин Лейн Келлер. Маркетинг менеджмент. – 15-е изд. – СПб.: Питер, 2022. – 848 с.
8. Джо Пулицци. Контент-маркетинг: новые методы привлечения клиентов в эпоху Интернета. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021. – 38 с.

Международный научно-практический журнал
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
№ 06 (134), 2026

По вопросам и замечаниям к изданию,
а также предложениям к сотрудничеству обращаться
по электронной почте office@scipress.ru

Подготовлено с авторских оригиналов
Данный сборник распространяется по лицензии
Creative Commons Attribution 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

Подписано в печать 15.07.2026
Формат 60x84/16. Печать цифровая.
Усл.печ.л. 13,78. Тираж 500 экз.
Научно-издательский центр «Открытое знание»
www.scipress.ru